

алексей митрофанов

12
Крепэл

алексей митрофанов

Роман

МОСКВА

2005

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 67

Разработка макета и дизайн переплета
художника *И. Ворезова*

Митрофанов А. В.

М 67   12 кресел: Роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. —
400 с.

ISBN 5-699-12838-7

Великий Остап Бендер возвращается через 75 лет. В эпоху свободы и реформ он не мог не возвратиться. Новый Остап вступает в консервативную партию, избирается в губернаторы, проникает в Думу. И все делает с юмором, красиво и с размахом. В его характере видны черты ярких политических фигур конца прошлого столетия: от раннего Ельцина до Жириновского. И конечно, черты самого автора, который хорошо знает, о чем пишет. Стиль книги — легкий, непринужденный, как походка Остапа.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-12838-7

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Глава 1

Великий
комбинатор

В половине двенадцатого со стороны Сокольников в центр Москвы вошел молодой человек лет двадцати восьми—сорока. За ним бежал беспризорный.

— Дядя, — весело кричал он, — дай десять копеек.

Пешеход остановился и тихо сказал, иронически глядя на мальчишку, который теребил в руках зеленое яблоко:

— Откуда яблочко, сердешный?

— С материного огорода, — не задумываясь, ответил малый.

— А сорт-то какой?

— Не знаю. Откуда мне знать?

— Значит, не с материного огорода. Если бы с материного, тогда бы знал сорт. Какой сорт, я тебя спрашиваю? — заорал неожиданно молодой человек. — Есть антоновка, есть белый налив... Это что такое? Посадить тебя, подлеца, в холодную на недельку, живо вспомнишь и воровать отучишься.

— Я не воровал, — захныкал беспризорник. — Мне на рынке дали.

— На каком рынке? — неистовствовал молодой человек. — Поехали на этот рынок, покажешь, кто тебе дал. Но учти, если он не подтвердит, я посажу тебя на пять лет за дачу ложных показаний.

— Я не воровал, — беспризорник уже плакал.

— Ладно, давай сюда яблоко, ботаник. — Мужчина взял из рук затравленного зверька плод и положил себе в карман. — Считай, легко отделался. В следующий раз посажу.

Легкой пружинистой походкой молодой человек двинулся дальше. У выхода из метро он втиснулся в шеренгу продавцов, торговавших на развале, выставил вперед пачку журналов и серьезным голосом начал кричать:

— Журнал «Атака». Первый в России крайне правый, черносотенный, фашистский журнал. Истинным арийцам скидка при продаже пятьдесят процентов.

Неожиданное предложение долгое время не рождало спроса. Делегации домашних хозяек больше интересовались дефицитными товарами и толпились у мануфактурных палаток. Мимо продавца журналов уже два раза прошел агент угрозыска. Но так как журналы ни в какой мере не походили на украшенные вчера из офиса акционерного общества «Маслоцентр» компьютеры, агент перестал магнетизировать молодого человека глазами и ушел.

К обеду стали появляться стратегические покупатели. Первым из них оказался усатый гражданин с золотыми зубами в красной засаленной майке, через которую прорывалась буйная южная растительность. По-русски он говорил с акцентом, не всегда вписываясь в падежи и прочие детали языка.

— Кто такое черносотенный, земляк, а? — спрашивал усатый. — «Огонек» журнал знаю, «Плейбой» знаю, черносотенный не знаю...

— Черносотенный — это журнал о черных сот-

нях, то есть о черном нале. Понимаешь? — шепотом произнес молодой человек.

— Черный нал! — воскликнул усатый и явно заинтересовался. — Этот журнал, он хороший.

— Да-да, — перешел в наступление торговец, — авизовки, отмывка, разрыв кредитов, откат, боковики. Здесь все написано.

— Ой-ой-ой, — застонал усатый. — А про «МММ» тут есть?

— Есть обязательно.

— Беру, слушай... Пять штук беру. Землякам дам. Супер...

— Бери больше. Пока нас с этим журналом не закрыли где-нибудь в Бутырке. Положи в сумку и никому не показывай.

Усатый гражданин бросил ворох журналов в сумку и, оглядываясь по сторонам, быстрыми шагами удалился.

Следующим серьезным покупателем стал мужик с окладистой бородой, в которой застряли фрагменты гречневой каши. Мужик величественно и мудро разглядывал издание, а потом позволил себе порассуждать вслух:

— Черносотенное... Ну и что же в этом плохого... черносотенное. В России все должно быть истинно русским, а не заемным, пришлым, ненашенским.

— Правильно, — подхватил молодой человек. — Ни кваску попить, ни селедки купить. Все этикетки иностранные. Как в Нью-Йорке живем. Настоящий русский журнал приходится из-под полы продаивать. Стыдно! Понятно, кому это выгодно. Они все

уедут в Палестину, а мы за них будем расхлебывать.

— Братишка, где печатаетесь? — с доверием в голосе спросил борода.

— Через воениздат. Там много наших. Чекисты тоже помогают, хотя это может стоить им жизни.

— Да, дракон не любит, когда его хватают за хвост. Возьму-ка я у тебя, пожалуй, штук эдак побольше.

— Могу дать скидку.

— Не надо. Не в русском это характере торговаться. Это нехристи любят. Пусть себе торгуются, бесовское племя.

Борода взял пачку, любовно перевязал ее веревочкой и спокойно побрел дальше по рядам, кидая пылающий взор на всякие там бутылочки, баночки и тряпье с закордонными надписями.

Ветеран войны в подержанном костюме со знаками отличия стал последним испытанием молодого человека.

— Безобразие, — кричал ветеран, — фашистскую литературу продавать! С ума посходили, понимаешь, от этой перестройки... В старое время за одно такое слово задницу бы так намазали скрипидаром, что будь здоров.

— Правильно, папаша, — подхватил молодой человек. — Подлецы! Мерзавцы! Я специально прощаю эту гадость, чтобы люди знали. А то они сидят себе дома, парят ноги в ванне и не понимают, какая опасность идет. А так купят журнал и сразу сигнал дадут, куда надо. Так, мол, и так, примите меры.

— Да сейчас неясно, куда писать, — махнул рукой ветеран.

— Как неясно, папаша! Где ваша гражданская

позиция? Если так все будут рассуждать, то ничего у нас не получится. Сегодня я напишу, завтра вы, и уже мнение трудящихся. А от него так просто не отделаешься. Еще напишут друзья, соседи, однополчане. Но надо писать не просто так, а, как говорится, с цитатами и фактами в руках. Я же тоже не просто так здесь стою, — подмигнул молодой человек. — Надеюсь, вы поняли, товарищ.

— Да, — заволновался ветеран и с испугу схватил оставшиеся журналы, судорожно выложив рваные купюры.

— Позор, — сказал продавец. — Какие отвратительные бумажки они подсовывают нашим заслуженным людям. Подлецы! Мы дадим вам нормальные деньги в белоснежных конвертах. Жду писем! Не бойтесь указывать обратный адрес. Вы живете в своей стране, вам нечего бояться. Пусть они боятся.

Освободившись от хитрого товара, веселый молодой человек пообедал в кафе и пошел по Сретенке. У первого же переулка направо он остановился, о чем-то раздумывая.

В переулке, надо заметить, творилась полная дичь. Все было разрыто, раскидано, заброшено мусором. У подъезда ближайшего дома уныло копошился дворник, а рядом сидели полуголые работяги в пилотках из газеты и курили. Дома здесь были старые, обшарпанные, видно, никаких шансов на ремонт не имевшие.

Молодой человек своей характерной пружинистой походкой приблизился к дворнику и с ходу спросил:

— А что, отец, свободные нежилые помещения у вас в околотке есть?

Старик дворник ничуть не удивился.

— Кому и ЖЭК нежилое помещение, — ответил он, охотно ввязываясь в разговор.

— Вопросов больше нет, — быстро проговорил молодой человек.

И сейчас же задал новый вопрос:

— В таком доме да без нежилых помещений?

— Наши помещения, — возразил дворник, — давно на том свете с фонарями ищут. У нас тут партия сидит. Ни за свет, ни за газ уже полгода не платит.

— Понимаю. Как называется партия?

— Уж это верно. Партия есть партия.

— А в этом доме что было при историческом материализме?

— Когда было?

— Да тогда, до перестройки, при старом режиме.

— Коммуналки были и библиотека. Тут друг мой жил — швейцаром в «Метрополе» работал. Сталина обслуживал. Бывало, придешь к нему — всегда икорка, рыбка, водочка.

— Казнокрад?

— Сам ты казнокрад. Сказано тебе — швейцар.

— Честный труженик, значит?

— Сам ты честный труженик! Сказано тебе, швейцар.

Разговор с умным дворником, слабо разбиравшимся в классовой структуре общества, продолжался бы еще бог знает сколько времени, если бы молодой человек не взялся за дело решительно.

— Вот что, дедушка, — молвил он, — неплохо бы вина выпить.

— Ну, угости.

— С удовольствием бы угостил, но беда — жена

уехала к подруге на дачу, а я без ключа от квартиры, ни рубля в кармане, ни документов.

— Э-э... — пробормотал дворник. — Ну да черт с тобой. Я смотрю, ты человек хороший, а водка с огурцами у меня всегда есть.

Они спустились в дворницкую. Пока дедушка резал огурцы и доставал запотевшую, молодой человек снял штиблеты и растянулся на скамейке, обдумывая план действий.

Звали молодого человека Владимир Вольфрамович Семаго. Из своей биографии он обычно сообщал только одну подробность: «Мой пapa, — говорил он, — был химиком. Он открыл один из элементов таблицы Менделеева и дал этому элементу свое имя». Последняя фраза производила сильное впечатление на людей с неполным средним образованием. Сын химика за свою жизнь переменил много занятий. Живость характера, мешавшая ему посвятить себя какому-нибудь делу, постоянно кидала его в разные концы страны и теперь привела сюда, в загаженный переулок в центре Москвы.

Лежа в теплой до вонючести дворницкой, Владимир Вольфрамович отшлифовывал в мыслях два возможных варианта своей карьеры.

Можно было заняться куплей-продажей недвижимости, собирая через дворников, участковых и паспортисток информацию о бесхозном жилье, брошенных помещениях, некредитоспособных стариках и конченых алкоголиках.

А можно было стать организатором телевизионного эстрадного конкурса. В случае удачи этот вариант мог бы принести кроме денег еще и популярность.

Оба варианта были задуманы Владимиром Вольф-

рамовичем недавно. Вариант с недвижимостью родился под влиянием многочисленных публикаций в прессе о криминальных сделках с помещениями и огромных деньгах, которые крутятся в этой сфере. Вариант № 2 родился в голове Семаго при просмотре по телевидению конкурса итальянской песни в Сан-Ремо.

Однако оба проекта имели свои недостатки. Начать карьеру бизнесмена от недвижимости без дивного, серого в яблоках костюма было невозможно. Неплохо было бы еще иметь золотую цепь на шее в два пальца толщиной, серьезные часы и какие-то деньги для представительства. Можно было, конечно, работать и без всех этих прелестей, но эффективность тогда резко снизится. Еще одним минусом первого проекта являлся низкий уровень интеллекта той публики, с которой придется иметь дело. Постоянное общение с людьми типа сегодняшнего дворника — а Семаго решил идти снизу, через тех, кто стоит рядом с заветной темой — не может принести мыслящему человеку моральное удовлетворение. С эстрадным телеконкурсом тоже не все обстояло гладко: могли встретиться затруднения. Удобно ли, допустим, будет дать первую премию дочке или любовнице одного серьезного лица, а дочку или любовницу другого серьезного лица оставить без первой премии? Не приведет ли это к большим конфликтам?

— Можно нажить сильных врагов, — произнес Владимир Вольфрамович вслух.

Тут он заметил, что дворник уже давно о чем-то горячо говорит. Оказывается, дворник предался воспоминаниям о своем собутыльнике — швейцаре из «Метрополя».

— Гаишник ему честь отдавал... Приходишь к нему, положим, буду говорить, на Новый год с поздравлением — трешку дает... На Пасху, положим, буду говорить, еще трешку. Да, положим, в день рождения поздравляешь... Ну вот одних поздравительных за год рублей пятнадцать и набежит. На медаль даже обещался меня представить. «Я, говорит, хочу, чтобы дворник у нас с медалью был». Так и говорил: «Ты, Тихон, считай себя уже с медалью»...

— Ну и что, дали?

— Ты погоди... «Нам, говорит, дворника без медали не надо». В Верховный Совет ходил за медалью. У него там знакомые были. Ну, в первый раз, буду говорить, не вышло. Чиновники не захотели. «Брежнев, говорят, в заграницу уехал, сейчас невозможно». Приказал он мне ждать. «Ты, говорит, Тихон, жди, без медали не будешь».

— А твоего дружка что, посадили? — неожиданно спросил Владимир.

— Никто не сажал. Сам уехал. Что ему тут с дураками делать?.. А теперь медали за дворницею службу дают?

— Дают. Могу тебе выхлопотать.

Дворник с уважением посмотрел на Семаго.

— Мне без медали нельзя. У меня служба такая.

— Куда ж твой приятель уехал?

— А кто его знает? Люди говорили, в Париж уехал.

— А!.. Белые акации, цветы эмиграции. Он, значит, эмигрант?

— Сам ты эмигрант... В Париж, люди говорят, уехал. А теперь партия сидит... Их хоть каждый день поздравляй — гривенника не получишь. А важ-

ные какие! В подъезде грязь, вонь, а они партия... Говорили мне, убирайся в подъезде, мы тебе заплатим. Как же, жди... заплатили. Веришь, полгода за так убирал... И каждый день обещают.

— Кто у них там главный?

— Черт их разберет. По-моему, у них нет главного. Если б у них был главный, то за подъезд бы заплатили. Вот раньше в партии был главный, и попробуй рабочему человеку его зарплату не отдать. Было раньше такое, чтоб зарплату не давали? — дворник распалялся все больше. — Ты, положим, буду говорить, начальник... Воруешь воруй, но народу отдав положенное. Наш народ тихий, просит только положенное, сверху ничего не просит... Но если ты этого, буду говорить, не даешь, значит, ты не партия, а дермо. Ходит этот седой Конрад Карлович из партии, а что ходит... Зато вид умный, при галстуке... Профессор кислых щей. Второй — Чеховский Александр Михайлович... не просто там, а Александр Михайлович, барин такой... Бороду причешет, идет, ног под собой не чует. Я им говорю: «Сортируйте почините, черти». Они: «Это не наше дело, это ваше — ЖЭК, РЭУ там...» Я им говорю: «Ну и сидите с поломанным унитазом». Они и сидят. Ребята еще там двое есть — Леша и Саша, — на автобусике таком японском катаются. Маленький такой автобусик, красивенький. Этим тоже на унитаз наплевать, они свои дела крутят. А какие дела? Вот у тебя есть автобус японский? Вот... И у меня нет. А я сколько на дворнице служил! Столько не живут. И на велосипед не скопил. А у них автобус. А за подъезд все равно не платят.

В этот момент над дверью задергался ржавый звонок. Дворник, кряхтя, поплелся к двери, открыл ее и в сильнейшем замешательстве отступил.

На верхней ступеньке стоял седой гражданин в костюме старого покроя, но еще довольно аккуратном. Галстук на нем стоил марок семь, но удачно сочетался с металлической заколкой марок за пять.

— О, какие люди... и без охраны! — страстно замычал Тихон. — Партия пришла, молочка принесла. Конрад Карлович, проходи, дорогой, гостем будешь.

Конрад Карлович, смущенный присутствием в дворницкой постороннего, голые фиолетовые ступни которого только сейчас увидел из-за края стола, смутился и хотел было бежать, но Владимир Вольфрамович живо вскочил и низко склонился перед Конрадом Карловичем.

— У нас хотя и не Женева, но милости просим к нашему шалашу.

— Здравствуйте, — вынужден был сказать Конрад Карлович. Он был страшно напряжен. — При чем тут Женева?

— Как при чем! — воскликнул Семаго. — Конгресс европейских партий будет именно в Женеве. Собираетесь туда?

— Нет, — испугался Конрад Карлович.

Благородный нос Семаго явственно чуял запах жареного. Собеседник проигрывал ему. Наступление срочно надо было развивать.

— Почему? Неужели серьезные международные связи повредят партии?

— Ну, тут надо разобраться...

— Пока Сталин разбирался, Минск взяли на пятый день. Надо упреждать события, а не плестись в хвосте. Они еще не успели договориться насчет конгресса, а мы уже в Женеве занимаем места в зале.

— Простите, а кто вы такой? — нервно поинтересовался седой.

— Моя фамилия Семаго. Может, слыхали?

— Не слышал.

— Ну да, откуда же политическому деятелю может быть известно имя Владимира Семаго? Директор-распорядитель программы «Взгляд». Слышали такую программу?

— Слышал, — почти крикнул Конрад Карлович, находящийся уже на грани сумасшествия.

— Почему не спрашиваете, какой повод привел меня в этот весьма скромный офис господина Тихона? Скажу честно: сюжет получится очень занимательный. Политическая партия, которая обещает улучшить жизнь целому народу, обманывает одного честного труженика, не выплачивая ему вот уже полгода зарплату. Как вам сюжет?

— Это надо еще посмотреть, за что платить, — заверещал Конрад Карлович. — Сегодня к нам приходил иностранный журналист, дверь открыл в подъезд и ногой попал в собачьи какашки. За что же платить?

Тут уже ввязался в разговор дворник.

— За что платить? А зимой слякоть, а ваши только мусор бросают... А ремонт шел, сколько я вытаскивал!

— Ремонт не мы делали.

— Не вы делали. А платить вы обещали или не вы?

— Мы обещали доплачивать, а не платить. Но за собачьи какашки мы платить не собираемся.

Дворник уже был готов изложить свое мнение о партии, Конrade Карловиче, его маме и других родственниках в полном, не урезанном виде и даже

подкрепить речь активными мероприятиями, но Семаго не дал ему слова.

— Тише, граждане! — сказал великий комбинатор. — Мы все являемся свидетелями постыднейшей сцены. Унижение маленького человека всегда было элементом советской системы. Мы думали, что с приходом демократии этому будет положен конец. Мы надеялись, что новые политики откажутся от этого раз и навсегда. А что же мы видим на практике? Полное пренебрежение интересами людей. Господин Тихон, который только и занят тем, что обслуживает вас и ваших коллег, долгие месяцы не получает законного вознаграждения за свой труд. Ему не на что купить хлеб, от него ушла жена, он умирает...

Тихон пытался было что-то возразить, но опять же не смог.

— ...в то время как вы, политики, купаетесь в роскоши, ездите на конгрессы в Женевы, питаетесь в лучших ресторанах...

Здесь уже Конрад Карлович хотел что-то вякнуть, но тоже не получилось. Семаго продолжал наносить удары.

— ...К вашим услугам лучшие автомобили, современные здания, самые красивые девушки. Вы устали от дач за зеленым забором и черной икры. А господину Тихону житьечно в дворнице без зарплаты. Завтра об этом мы сделаем репортаж, и миллионы людей в стране задумаются. Пусть задумаются о том, что кто-то может позволить себе полгода не платить за газ и электроэнергию и не бояться никаких санкций. Потому что одним позволено в этой стране все, а другим ничего. Потому

что одни в этой стране вечные хозяева, а другие — вечные рабы.

— Мы не платим по объективным причинам. У нас сейчас нет денег, — заявил Конрад Карлович.

— У женщин раз в месяц бывают объективные причины, — рявкнул Семаго и строго добавил: — Платите деньги, иначе я ославлю вас на всю Россию. Кстати, дайте телефончик журналиста, который попал сегодня в собачье дермо. Я хочу взять у него интервью.

— Зачем? Не надо... — окончательно сломался Конрад Карлович. — Мы заплатим.

— Послушайте, любезный. Вы, случайно, не служили раньше ответственным работником КПСС?

— Я был освобожденным секретарем партийной организации.

— Партийной организации Комитета государственной безопасности? — Семаго посмотрел в глаза собеседнику.

— Нет... Нет! — закричал тот. — Большого издательства.

— Узнаю стиль и методы мелкой номенклатуры. Слова, пустые обещания, туманные намеки. Дайте денег для ветерана тыла! — заорал Семаго. — Сколько наличных с собой?

— Хорошо, я заплачу... Не все, конечно. Из своих денег. Я вынужден из своих. На счету сейчас пусто. Но я вас попрошу не делать никаких репортажей.

— Это что, подкуп? За святые деньги господина Тихона вы еще хотите меня подкупить? Не получится. Денег не хватит.

— Не получится! — зачем-то крикнул Тихон, до того с изумлением наблюдавший борьбу своего не-

давнего знакомого за его, тихоновские интересы. Впрочем, вступление дворника было к месту: он как бы открыл второй фронт.

— Попрошу внести требуемую сумму, — сухо сказал Владимир Вольфрамович.

— Да, — подхватил дворник.

Конрад Карлович пожалел, что пришел сегодня в дворницкую из-за этих идиотских собачьих испражнений. В конце концов, пусть бы себе лежали, когда-нибудь ведь их бы убрали.

Он вытащил бумажник, долго пересчитывал деньги, наконец протянул рваные бумажки Семаго.

— Вы пошлый человек, — сказал Вольфрамович. — Вы хотите потом рассказывать, что лично давали руководителю программы «Взгляд». Запомните, я из чужих рук деньги не беру. Господин Тихон, проведите инкассацию.

Тихон не знал, что такое «инкассация», но по тону командора и по смыслу ситуации безошибочно понял, что сумму надо забирать. Он сделал это быстро и легко.

— Пересчитайте. Все ли на месте? — приказал Семаго.

Тихон пересчитал.

— А за последний месяц? — спросил он.

— За последний месяц потом... — отозвался партийный деятель. — У меня с собой нет столько... Я же не знал.

Тихон хотел пуститься в атаку, но Семаго неожиданно смилиостивился.

— Ладно, остатки в другой раз. Ведь Конрад Карлович не кассир, а видный руководитель. Кстати, на одну секунду...

Великий комбинатор взял дворника за локоть, отвел в сторону и шепотом **объявил**:

...Я думаю, вы должны помочь своей любимой программе «Взгляд», которая только что помогла вам. Камеры нынче дороги...

Аккуратным, незаметным движением Семаго вытащил часть ассигнаций из рук очумевшего дворника и со словами «Дай нам, братец, поговорить тет-а-тет» выставил его за дверь, прежде чем тот понял, что случилось, а когда опомнился, то мог сообразить лишь то, что приходил Конрад Карлович, что его, Тихона, выставили из дворницкой и что в левой руке его зажаты бумажные рубли.

Тщательно заперев за дворником дверь, Семаго обернулся ко все еще стоявшему посреди комнаты седому партработнику и сказал:

— Спокойно, все в порядке. Теперь можно говорить серьезно. Наша программа всегда уделяла огромное внимание политическим партиям, ибо настоящая демократия невозможна без политических партий, без плюрализма мнений, ибо...

Семаго запнулся на мгновение, но быстро нашелся, продолжив общие размышления о демократии, которые почерпнул из купленной как-то за абсолютные гроши у алкоголика возле электрички книги то ли Собчака, то ли Попова. Вышло неплохо. Конрад Карлович, склонив седую голову, слушал. Наконец Вольфрамович коснулся практических вопросов:

— Наша программа готова оказывать вам поддержку, следить за вашим ростом. Мы ведь родили немало больших политиков, причем иногда так быстро, что те сами не заметили. Я все время Коле Травкину говорю: «Коля, прекрати курить в кулак.

Ты же уже не на стройке, а в парламенте. Здесь ветер не дует. Ха-ха-ха. Правда, смешно?

— Ха-ха, — вымученно засмеялся седой. — Действительно смешно.

— Так вы поняли мою мысль? — сурово спросил руководитель программы.

— Да... Телевидение нам очень нужно. Нас туда не пускают.

— И не пустят. Туда просто так не пускают.

— Сегодня у нас как раз заседание Политсовета. Может быть, вы придете, выступите.

— Обычно я получаю такие приглашения за месяц, чтобы секретарь могла составить план. День расписан по минутам. Через час большое совещание в Останкино.

— Понимаю, — подобострастно кивнул башкой Конрад Карлович.

— А когда ваш Политсовет?

— Через двадцать минут.

— Ну раз уж я сюда все равно пришел, а второй раз приду вряд ли, может, действительно поприсутствовать, — задумался Семаго. — А вы успеете написать на бумажке официальное приглашение на заседание Политсовета?

— Ну, успею... Если надо. Вообще-то оно не нужно.

— Нет-нет, все официально: бумага, подпись, бланк, печать. Давайте работать красиво с самого начала. Вы нам пишете, мы вам отвечаем. Никакой самодеятельности.

Через пятнадцать минут Семаго держал в руках приглашение с печатью, а через двадцать минут ровно после короткого представления обратился с программной речью к членам Политсовета. Партия,

как выяснилось, называлась консервативной. Действие разворачивалось в убогой, не отремонтированной трехкомнатной квартире, видно, в совсем недавнем прошлом коммуналке. В одной комнате этого чудо-офиса стоял длинный стол, к которому примыкали потрепанные стулья. Здесь заседали. Канцелярскую работу вели в маленькой комнате. Там поставили школьные парты и закрыли их украшенным где-то зеленым сукном. Еще был кабинет Конрада Карловича, в котором мебелишка смотрелась чуть получше. Но самое тяжелое, просто безнадежное впечатление производили кухня и туалет. Тут все было грязно, разбито, все колыхалось и скрипело. Санитарно-гигиенические нормы и требования были нарушены во всем. В момент появления почетного гостя из программы «Взгляд» на кухне сидели непонятные личности в тапочках на босу ногу и в трусах и хлебали чай.

На кухне стояла раскладушка.

«Наша охрана, — пояснил Конрад Карлович. — У нас и живут. Что делать, беженцы».

Единственное, что выглядело прилично, — входная дверь, обитая кожзаменителем, с металлической табличкой:

Консервативная Партия.

Центральный Комитет.

Часы приема:

Среда 10-00 — 14-00

Пятница 14-00 — 18-00

Суббота — день массовых мероприятий
и праздников

Появление Семаго сразу стало для партии неординарным событием. Летающей походкой он обошел помещения в сопровождении зашуганных пар-

тийцев, поинтересовался численностью рядов, суммой членских взносов, состоянием наглядной агитации. После критики низкого качества членских билетов и слов «Ксива должна вызывать уважение» Вольфрамович, как уже отмечалось выше, обратился к членам Политсовета.

Он начал издалека, с исторических примеров, с семнадцатого года, с немецких денег, которые успешно освоили большевики.

... — На немецкие ассигнования большевики стали издавать огромными тиражами «Окопную правду», и эта газета окончательно разложила армию. То есть люди грамотно использовали копейку и отчитались по работе перед кредиторами. А что сделяют современные политики? Деньги обязательно возьмут и построят четырехэтажные виллы или подадут с девицами в Монте-Карло. Или купят яхту, как один мой знакомый. Поэтому немцы больше денег не дают. Нет доверия. Предстоит много и упорно работать, чтобы это доверие вернуть.

От исторической части Семаго плавно перешел на актуальные проблемы общества, применил термин «субвенции», скользнул по теме морали и наконец сосредоточился на главном — партийном строительстве.

— Кто сегодня помогает нашей партии? — вспоминал он. — Где те финансовые группы, кланы, картели, которые стоят за партией?

— Пока таких нет, — констатировал пафосный красавец с бородой. Вольфрамович опознал его по рассказам дворника — Чеховский Александр Михайлович.

— Все по чуть-чуть собираем, — сказали Саша и

Леша — те самые, о которых тоже говорил дворник, вернее, он говорил об их японском автобусе.

— По чуть-чуть не надо! — воскликнул оратор. — По чуть-чуть надо кушать рыбий жир. Когда последний раз в партию приходили бизнесмены?

Присутствующие молчали, изображая на физиономиях мучительный процесс воспоминаний. Щуплый тип в красной неприличной рубашке вдруг вспомнил:

— Вчера какие-то привалили. Просили помочь открыть магазин в Дворце спорта.

— И что же? — прищурился Владимир Вольфрамович.

— А ничего. Никого в штаб-квартире не было. Они посидели и ушли. Я-то им ничем помочь не могу. Я отвечаю за учет. У меня своих дел хватает.

— Запомните, товарищ: дела бывают в Кремле и у прокуроров. У вас могут быть скромные обязанности. Где бизнесмены?

— Они телефоны свои оставили.

— Оставили? Вызовите их сюда немедленно, сейчас же! Где телефон? Я требую. Плевый вопрос — какие-то магазины в Дворце спорта, это же не ракеты средней дальности в Европе.

Щуплый ушел в свою комнату-конторку звонить. Молодые бизнесмены в цветастых рубашках, фирменных джинсах, с коротко стриженными затылками появились довольно быстро. Семаго даже не успел развить несколько своих тезисов об особенностях партработы в условиях экономического кризиса.

С бизнесменами Владимир Вольфрамович проявил подчеркнутую вежливость, назвал их «надежной нации» и «будущими министрами», усадил на

стулья, предварительно согнав оттуда щуплого и еще одного типа в грязных брюках, а чтобы те без толку не стояли, приказал им заварить чай для гостей.

— Наша партия, — сказал Семаго, — всегда огромное внимание уделяет экономике и неизменно поддерживает предпринимателей. Кому сейчас труднее всех? Кто-то скажет: пенсионерам, одиноким матерям, инвалидам. Неправильно. Сегодня труднее всех людям бизнеса, тем, на ком лежит гигантская ответственность по вытягиванию страны из болота стагнации. Бизнесмена сегодня могут убить...

Ребята немножко дернулись...

— Могут посадить.

Ребята — соискатели магазинов — опять дернулись.

— Могут задавить налогами, затаскать по судам и арбитражам. В конце концов, его могут обмануть, отнять деньги, я уж не говорю про наводнения, землетрясения, съезды и прочий форсмажор. Кто спасет сегодня бизнесмена? Печать, налоговая инспекция, милиция? Никогда. Только мы, только партия нового типа готова сегодня помочь, готова сегодня прийти на помощь.

Тут Александр Михайлович Чеховский прошептал на ухо Конраду Карловичу:

— Посмотрите, как нагло ведет себя. Прямо похозяйски.

— У нас сплошные долги, — вздохнул в ответ седой. — Я сегодня из своих денег выплатил дворнику. А этот жулик, кажется, большой. Такой может быть полезен.

— Итак, я слушаю суть проблемы, — подытожил

Семаго. — В чем надо поддержать? Скажите, в чем, и мы поддержим.

Один из двух друзей пустился объяснять:

— Воще, мы, мля, точку хотели в Дворце спорта, мля, но директор Жопа, вощем, не дал, мы, говорит, под мусорами ходим, нам пацаны не нужны. А там точка воще вилы... воздух смертельный.

— Все понятно, — резко сказал Вольфрамович. — Но при чем тут жопа?

— Это кликуха у директора такая — Жопа. У него рожа толстая воще... вилы.

— Все понятно окончательно. Для слабоумных перевожу: ребята хотят открыть магазин во Дворце спорта, но директор не дает разрешения, ссылаясь на то, что его торговые точки контролируются милицией, а нормальную молодежь туда не пускают. При этом точка очень выгодная, огромные деньги. Я правильно пояснил?

— Ага, — отзвались бизнесмены.

— Какие будут мнения, господа? — обратился к присутствующим Вольфрамович.

— Нужно поискать подходы к директору. Есть же у него знакомые, родственники, подруги, в конце концов, — задумчиво выдал Чеховский.

— Может, через руководство? Кому подчиняется Дворец спорта? — спросил Леша.

Ребята пожали плечами.

— Стоп, господа! — воскликнул Семаго. — Ваши идеи устарели лет на двадцать. Так работали в эпоху застоя в Хакасском обкоме КПСС. Пока вы будете искать подходы к директору, пройдет два месяца. Через руководство еще столько же. И никто не дает гарантий. А у молодых бизнесменов нет

времени. Посмотрите на их лица, и вы поймете, что у них очень мало времени.

— Да воне вилы, — закричал один из соискателей магазина, тыкая двумя пальцами себе в шею.

— Поэтому вопрос с магазином решим уже завтра, — жестко заявил Семаго. — Ровно на десять ноль-ноль назначайте встречу с директором Жопой. Уже завтра он даст разрешение. Для партии это дело чести. Мы же не кооператив «Ватрушка», мы политическая сила. При наших связях, весе и влиянии подобные вопросы решаются в течение часа. Избиратели верят нам.

Тем же вечером Семаго потел в бане с молодыми предпринимателями. Утрясались мелкие детали проекта. Потом компания двинулась в фирменный магазин «Армани», где для руководителя операции был куплен тот самый дивный в яблоках костюм, о котором думал Вольфрамович в дворнице, и золотая цепочка на шею. В небольшом барчике покупки, как полагается, обмыли. У молодых окончательно развязались языки, они стали называть цифры, говорить, что магазины они все равно получат или погибнут, потому как жить спокойно не могут, зная цифры. Тут Владимир Вольфрамович совершенно случайно, но к месту поинтересовался временем, и выяснилось, что у него, по сути главного разработчика завтрашнего дела, нет достойных часов. Смешно, честное слово! Ребята оказались понятливыми и опять же в фирменном магазине с поражающей воображение легкостью были куплены часы «Ролекс». Итак, все готово.

На следующий день события развивались стремительно. В девять утра Семаго зашел в телефонную будку и позвонил в приемную директора Двор-

ца спорта. Секретарша, как и ожидалось, с шефом не соединила. Но это и не требовалось. Металлическим голосом, при помощи которого директора советских заводов обычно поддерживали дисциплину в коллективах, Вольфрамович сообщил, что он — депутат Филимонов — рекомендует принять ответственное лицо из Консервативной партии и уладить с этим лицом все вопросы. В десять утра к служебному входу дворца подъехал автомобиль марки «БМВ» с четырьмя лицами в салоне. Помимо молодых бизнесменов и руководителя операции в группу входил Конрад Карлович, отслеживавший, как он сам заявил, интересы партии при проведении сделки. Директор — крепкий лысый мужик — нервно переминался с ноги на ногу у входа. Ждал. Попутно силялся вспомнить что-то о депутате Филимонове. Фамилия казалась ему очень знакомой, но лицо он никак не мог вспомнить. Директору чудилось, что Филимонова он видел на даче у заместителя министра Платонова, где подвыпивший депутат плясал в плавках и предлагал «зассать костер». Впрочем, может, это был и не Филимонов.

Прибывшая группа энергично поздоровалась с лысым директором. С ребятами лысый здоровался без энтузиазма. Сразу направились в кабинет. Руководитель операции буквально летел, не давая никому перевести дыхание. Директор был обескуражен: из приезжающего сюда многочисленного начальства так быстро никто не ходил. На бегу задавались короткие вопросы:

- Почему везде грязь?
- Где грязь? У нас убираются, — обиделся директор.
- А это что? — Семаго показал на бычки около урны.

— Ну... бывает. Народ неаккуратный... Сорят.

— Народ не бывает неаккуратным. Неаккуратными бывают руководители.

Сердце у директора стало слегка покалывать, и он зачем-то завел песню, которую обычно пел при сопровождении больших людей:

— Наш дворец сравнительно новый. Ему двадцать лет. В этом году как раз будем отмечать. Он один из самых крупных в Европе. Соревнования можно проводить по различным видам спорта: от борьбы до фигурного катания.

— Не рассказывайте мне эти сказки времен застоя. Мы и так знаем, что дворец большой и толстый, иначе мы бы не пришли сюда. Расскажите лучше, как организовано здесь питание населения во время зрелищных мероприятий. Позавчера член нашей партии отправился яйцом под майонезом.

— У нас продукты свежие. Два буфета.

— Получается, он сам себя отправил. А два буфета мало. Почему бы не сделать хороший ресторан для спортсменов?

— Боимся, шпана будет всякая собираться, а у нас дети в секциях занимаются...

— В хороших ресторанах шпана не собирается, в хорошие рестораны шпану не пускают. Неплохо бы также развернуть торговлю мануфактурой. Почему бы гражданам не приобретать цветные маечки именно здесь в ходе массовых спортивных состязаний? Вот эти смелые молодые люди хотят помочь вам в этом, — Семаго показал на бизнесменов.

Директор замялся.

— Я уже говорил с ними. Тут не все так просто... Ну, давайте зайдем в кабинет.

Компания завалилась в кабинет, уставленный

всякими кубками и вымпелами. Директор, глядя на кончик карандаша, который он затеребил в руках, начал пояснять:

— Понимаете, вокруг стадиона сложились определенные взаимоотношения. Есть силы, которые нам помогают, и они не желают присутствия здесь других сил.

— Все ясно, — оборвал метание директорской мысли Вольфрамович. — Мы все знаем. У нас отличные связи в силовых структурах. Мы все решаем на самом верху. Местная милиция не скажет ни слова. Вы думаете, эти мужественные ребята — братва? Нет. Братвой они были совсем недавно. И вы правильно отказали им. Теперь они другие. Теперь они — члены Консервативной партии. Теперь они честные партийцы, для которых интересы народа важнее личных. Они пойдут в огонь и в воду, может быть, и погибнут за партию. Вспомните Павла Власова из романа Горького «Мать», он ведь тоже сначала был братвой, пьянствовал и ходил в красной рубахе, а потом превратился в настоящего революционера.

Лысый молчал, видимо, сопереживая Павлу Власову.

Бизнесмены тоже были потрясены совершенно новой оценкой их личности. И тут отлично подыграл Конрад Карлович:

— Я думаю, — авторитетно заявил он, — вопрос надо решить положительно. Тем более господин Семаго лично занялся вопросом.

«Молодец, — пронеслось в голове комбинатора. — Кажется, этот старый пень начинает что-то соображать».

— Да, именно так, — с этими словами Вольфра-

мович вскочил. — Я приперся сюда как идиот по утренней заре. Обычно в это время я еще в постели, целую грудь своей любовницы. По какому-то бредовому вопросу — открытие палаток. На мне костюм «Армани», ботинки «Инспектор», износ моей одежды в час больше чем твоя зарплата за месяц, — кричал он директору. — А у вас у входа лужи, как в колхозном поселке. Палатки — не Ялтинские и не Потсдамские соглашения, их нечего обсуждать. Итак, договор подпisyvайte завтра, с силовыми структурами я утрясу сам, если надо, подключим депутатский корпус. Долю будете получать раз в месяц от него. — Семаго ткнул пальцем в одного из бизнесменов. — Мы будем встречаться редко, очень редко. Только по поводам исключительной важности: переворот в государстве, приезд Майкла Джексона, приход налоговой полиции. Не смею больше задерживать, в час совещание у премьера в Кремле, а я еще не читал бумаги.

Руководитель операции направился к двери. Директор успел только сказать:

— Может... по коньячку... по пятьдесят... за знакомство.

— Извините, не могу. Времени нет. И к тому же неприлично днем дышать на премьера перегаром. Он мне и так в прошлый раз сделал замечание: говорит, Володя, почему от тебя пахнет луком? Ну я же не виноват, что французы на обеде у посла накормили луковым супом. Суп-то отличный, но запах... Я ухожу, а вы оставайтесь, обсудите детали...

Тут Семаго перехватил взгляд директора на его, Семагины, часы...

— Что, просек фишку золотого «Ролекса», — улыбнулся руководитель. — Молодец, красавец...

Семаго обнял директора и страстно поцеловал его в щеку.

— У тебя будут такие же. Даю слово. Теперь работаем вместе.

Спорткомплексовский начальник стоял совершенно ошалевший. Когда великий комбинатор уже открывал дверь, спорткомплексовский спросил его вдогонку:

— Я вас где-то видел. Вы у зампреда спорткомитета Кретинина бываете?

— Никогда... — категорично ответил Семаго. — Никогда не бываю у зампредов. Бываю только у первых лиц.

Поставив такую жирную точку, руководитель операции уехал. На следующий день молодые бизнесмены прикатили в штаб-квартиру партии с ящикиком шампанского. Дело было сделано. Директор стал их лучшим другом. Еще через день были оплачены все долги партии. Через неделю Семаго катался на иномарке и председательствовал на партсобраниях. Конрад Карлович купил жене кольцо ко дню рождения. Чеховскому досталась ручка «Паркер», а с дворником рассчитались до конца, от чего тот пил с утра до вечера и мочился в урны для мусора.

Короче, жизнь для многих вдруг обрела смысл.

Глава 2

Уроки французского

— **А** к проституткам мы пойдем? Вы обещали, что мы увидим проституток, — скулил Конрад Карлович.

— Конечно, увидим, — отзывался комбинатор. — Более того, они нас тоже увидят. Они увидят нас сильными и богатыми. Предпочтение отдадим тем, кто знает хотя бы три слова на русском языке, например, «пожалюста», «пасибо» и «таварич», — произнес он с характерным акцентом. — В плен брать не будем, только до победного конца. Не посрамим честь новых русских.

— Мы с вами не новые русские, — вздохнул Конрад Карлович, — у нас нет столько денег.

— Зато мы люди идеи. Вас разве не учили в советской школе, что идея стоит выше денег? Или, может, вы заканчивали другую школу, в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ?

— Я даже не был в Америке, — опять вздохнул Карлович.

— Не были — будете. Изучайте пока Париж. Вот смотрите — там вдали Эйфелева башня.

Партийная делегация вот уже третий день слонялась по Парижу. Приехала делегация по приглашению того самого бывшего швейцара из «Метрополя», о котором тепло вспоминал дворник Тихон в ходе исторического первого разговора с Вольфра-

мовичем в дворнице. Звали швейцара Эдиком. Собственно, Тихон и вывел Семаго на швейцара Эдика. Семаго в ответ обещал взять Тихона с собой в Париж, но потом, договорившись о поездке напрямую с Эдиком, в резкой форме отказал дворнику, потому как тот всегда дурно пах и плюс не был членом партии.

— Я в ту-то партию не вступил, а в вашу-то подавно, — кричал обиженный дворник великому комбинатору. — Это я вас познакомил. Это мой друг. Гаишник ему честь отдавал. С Новым годом, положим, буду говорить, я его всегда поздравлял. И с Пасхой... Я тоже хочу в Париж. Это мой друг.

— Участковый — твой друг, — сухо отрезал командор и добавил: — Будешь выступать, сделаю тебя вообще невыездным.

После таких слов Тихон сдулся и вернулся к своему основному виду деятельности — благоустройству территории.

Экс-швейцар Эдик оказался типом незаурядным. В Париж его вытянули бывшие клиенты «Метрополя» из числа писателей и журналистов. Эдик переборвал кучу профессий, пока наконец не залез потихоньку в издательский бизнес, сделав маленькую фирмочку. Он издавал какие-то блатные песни и анекдоты и даже сподобился сам написать порнографический роман, который стал известен среди русских в Париже. Злые языки, правда, утверждали, что реальные деньги Эдик имеет от торговли кокаинчиком, но это, как говорится, не пойман — не вор. На родине в советское время его тоже таскали на Петровку за торговлю водкой после одиннадцати вечера, но ведь ничего не доказали.

Эдик принимал партийцев хорошо. Во-первых,

он нашел доброго француза, который оплатил делегации авиапролет в оба конца и проживание в гостинице. Сделал это француз по политическим соображениям — он очень не любил большевиков и радовался, что в России появилось много партий. Семаго при встрече со спонсором намекал, что новые партии в России испытывают естественные в их ситуации материальные трудности и, конечно, рады всякого рода содействию. В разговоре Семаго выдал фразу, которая, конечно же, войдет в учебник истории партии консерваторов. На вопрос «Что же вам нужно?» он ответил:

— Нам нужно все: от гвоздя до космического корабля.

Приобретать космический корабль для партии француз не стал, но согласился выйти на нижний уровень требований — дал на гвозди. Хотя не без колебаний. Все решила еще одна фраза Вольфрамовича:

— Немцы хотят нам помочь, но мы думаем, мы боимся их тяжелой руки.

Немцев спонсор не любил так же, как и большевиков в России. В общем, пришлось ему делать ставку.

— Потрясающе! — кричал Эдик в машине на пути в гостиницу. — Расколоть француза! Да они шоколадку никогда не подарят. Ну ты мастер!

Еще Эдик организовал встречу в мэрии. Какой-то скучный чиновник долго и нудно говорил о преимуществах западной демократии, высокомерно поглядывая на каких-то русских, которых занесло в его высокое ведомство. Чиновник был мелкий и от того хотел выглядеть очень значительным. Но Вольфрамович быстро укоротил снобизм:

— Как поживает супруга мэра? — спросил он чиновника. — Как ее аллергия?

У чиновника забегали глаза:

— Вы знакомы с госпожой Ширак?

— Да. Очень давно. Нас познакомил художник Илья Глазунов. Я известный в России специалист по иконам и в свое время помогал госпоже Ширак приобретать русские иконы. Она тогда страшно мутилась аллергией. Интересно, как сейчас у нее дела?

— Я не в курсе про аллергию... — замялся чиновник. — Конечно, я могу не знать.

— Такие вещи не афишируют. Я возил к ней тогда русского чудо-доктора Бутейко. Слышали про такого?

— Да, что-то... слышал, — испуганно отвечал тот.

— Удивительный врач. Если у вас будет астма, аллергия, воспаление легких, звоните мне немедленно. Вылечим, вытащим с того света.

Бюрократ из мэрии растрогался. Он провожал Семаго как родного и на своей визитке написал домашний телефон, чем дико поразил Эдика.

— У них тут это не принято. Домашний дают только близким друзьям, — комментировал Эдик.

— В отличие от вас, Эдуард, этот человек серьезно думает о своей карьере, — заметил Семаго. — Мы будем ходить с ним на обеды к госпоже Ширак. Он будет представлен президенту Франции. Если хорошо поработать, через десять лет он войдет в правительство.

Это знакомство скоро помогло партийцам в одной занятной ситуации. Как и все скромные советские люди, члены Консервативной партии хотели посмотреть в Париже не только музеи. Их, конечно

же, занесло в квартал, где царят половая распущенность и низкопробные нравы. В первую же дверь, у которой стояла полуоголая девица, толпа ворвалась с веселыми криками и гиканьем. Попытки Эдика что-то объяснить натолкнулись на стену непонимания и реплики типа «Не понравится — уйдем». По сто франков с носа партийцы отдали легко. Дальше началась ерунда. В маленьком подвальном помещении сидели еще две девицы, кстати, постарше той, что стояла у входа, лет на десять. Одна из них вылезла на маленькую сцену, два раза вильнула задом под музыку, сбросила на секунду лифчик и сразу спрыгнула со сцены. Потом появилась мамаша и сказала:

— Не желаете ли угостить дам шампанским?

— Принесите! — заорал Конрад Карлович.

Но тут вовремя подал голос трезвости и благородства Эдик.

— Знаете, сколько здесь стоит шампанское? — воскликнул он. — По сто долларов бутылка. Они сейчас начнут высасывать деньги. Причем за танцы. Ничего больше эти подруги не будут делать.

— Елки зеленые, — присвистнул один из делегации — Вова Сокол из Липецка. — А зачем мы сюда пришли? И телки убитые, смотреть на них не хочется. Чистое кидалово. Все ты, Карлович, заморочил нам голову.

— А при чем тут я, — огрызнулся Конрад Карлович. — Вас сюда никто насильно не тянул.

— Сейчас не время споров, господа, — сказал Семаго. — Сейчас время мужественных решений. Конечно, никакого шампанского для этих мразей мы приобретать не будем. Более того, имеет смысл покинуть заведение. Но глупо уходить без наших

законных ста франков за вход. Бонапартисты не заслужили этих сумм.

— Не получится, — качнул головой Эдик. — Что упало, то пропало. Если вы начнете требовать, они позовут полицию, а полиция у них своя, и мы сильно рискуем оказаться в кутузке.

— Оказаться целой группой в полиции совсем не страшно. Это уже, я бы сказал, политический факт. Лишние статьи в газетах нам не помешают. Таким образом, ни в одном варианте мы не проигрываем — либо возвращаем деньги, либо получаем рекламой: делегация партии арестована в Париже, угадывается рука спецслужб.

— Может, черт с ней, с этой соткой, — сказал Вова Сокол, которому, видимо, не хотелось лишний раз вступать в неприятный контакт с правоохранительными органами.

— Нет, это дело принципа, — решительно произнес командор.

После этих слов была призвана мамаша, с которой состоялось бурное объяснение. Тут следует обратить внимание на одну деталь — Семаго весьма сносно говорил по-французски, что, конечно, давало ему в Париже большие преимущества. Об источниках своих познаний в области французского Вольфрамович говорил так:

— Три года разведшколы. По заданию Центра я должен был прыгнуть с парашютом в предместьях Женевы, закопать парашют в лесу и устроиться на работу в Красный Крест. Однако на тренировках повредил ногу и был комиссован.

Мамаша была изумлена тем прессингом, который оказал на нее энергичный франкоговорящий иностранец. Да и вся группа, хотя и ругалась на не-

известном ей языке, выглядела довольно угрожающе. Впрочем, мамаша оказалась терпкая и стойкая.

— Вы не имеете права, — кричал Семаго. — На входе написано: живой половой акт. Но акта не было. Это обман. Верните наши деньги. Конрад Карлович, вы видели акт?

— Нет, — рыкнул Карлович.

— Вот видите, нет. Конрад Карлович двадцать лет не видел акт. Посмотрите, он уже седой старик. Он пришел специально посмотреть на акт. Только ради этого. И вы обманули его.

— Я очень сожалею, господа, но в нашем заведении есть определенные правила, — спокойно отвечала мамаша.

— Нет такого правила обманывать клиентов. Мы не спали ночи, мы копили деньги, мы хотели встречи с высоким искусством, а нас просто щелкнули по носу.

— Но, мсье, вы же видели замечательный танец. В стоимость входит также бесплатный напиток.

— Это разведененный сок. Такие напитки готовила тетя Таня из нашего школьного буфета.

— Напрасно, — вдруг забормотал Эдик. — Сейчас она вызовет полицию. Неужели вы не понимаете, все права на ее стороне.

— Нет, все права на моей стороне! — заорал Семаго так, что аж вены надулись на шее. Он вошел в раж. Никто не был способен остановить его в такие мгновения. У мамаши задрожала челюсть.

— Пропали, — шепотом констатировал Эдик.

И именно в этот момент великий комбинатор выбросил свой козырь.

— Ширак — мой друг. Только вчера он говорил мне: «Володя, ты можешь чувствовать себя как до-

ма. Это твой город». Я расскажу Жаку, как обманывают в этом городе его лучших друзей, как Конрад Карлович не увидел акта. Принесите мне телефон. Что ты стоишь, курва, дай мне телефон, я позову Жаку.

Вольфрамович кинулся к телефонной трубке, которая лежала на стойке маленького бара. Он вытащил визитку чиновника из парижской мэрии и легко набрал его домашний телефон.

— Алло, привет. Это Володя из Консервативной партии России. Не успели выйти из здания мэрии, как сразу неприятности. Решили зайти в одну тут контору... посмотреть на половой акт. Да-да, на половой акт. Не удивляйся... Мы же семьдесят лет не видели настоящего акта. Войны, революции, ГУЛАГ, ты же понимаешь. Вся жизнь на тачанке. Но нас обманули. Мы отдали двести франков с человека за какой-то разведенный сок.

— Сто франков, — поправила мадам.

— Мы остались без копейки денег. Прошу завтра же утром доложить мэру. Демократия в России в опасности. Что вы смотрите на меня, как солдат на вошь, — состроил Семаго рожу мамаше. — Немедленно возьмите трубку, поговорите с представителем власти.

Он всучил мамаше трубку, и та имела довольно длинную и неприятную для себя беседу. Судя по долетавшим репликам, мамаша вела себя уверенно и чувствовала свою правоту. Но, видимо, ей объяснили международные последствия инцидента. Бледная, разъяренная, она сдалась. Деньги отдавались медленно, очень медленно. По франку, по сантиму. Но Семаго не торопился. Он подсчитывал каждую

монетку и бережно клал в карман. В finale операции он сказал мамаше:

— Мы могли бы обратиться в суд, и суд был бы на нашей стороне. Но как достойные люди мы предпочли мирный путь. Счастливых сновидений!

На улице толпа партработников очень веселилась. Вова Сокол крутил усы и постоянно ржал.

— Ну, шеф, даешь. Нашла лохов, дурочка. Ну как мы ее сделали, а! Сто франков за компот и голую сиську.

— А кстати, — кричал один. Он был, кажется, из Новгорода. — Компот и сиськи получились на халяву. Она же ничего не вычла.

Сэкономленные деньги решили коллективно пропить. Эдик подсказал неплохую пивную, куда и завалилась наша компания. Вольфрамович был героем бала. Он легко шутил, подпрыгивал на стуле, бесконечно чокался и говорил тосты. Все другие тоже чувствовали какой-то подъем, кроме, пожалуй, Конрада Карловича. Партийный вожак затаил обиду. Вообще, фокусы Семаго его раздражали. Не меньше раздражало, что люди тянулись к Вольфрамовичу. Он стал настоящим лидером и, по сути, оттеснил Карловича. Правда, формально все оставалось по-прежнему: Карлович сидел в своем кабинете, пыхтел, отдавал указания, но реально центр сместился. Впрочем, многие активисты из глубинки пока ходили к Карловичу, Семаго они просто не знали. Великий комбинатор не случайно взял в Париж именно ребят из регионов, он решил использовать поездку для плотного знакомства. Карлович это чувствовал и потому нервничал еще больше. Нервы — плохой помощник. Именно в Париже Конрад Карлович на нервной почве совершил ошибку, кото-

рая окончательно подорвала его позиции. Все началось с нытья во время пьянки по поводу победы над мамашей. Конрад Карлович не мог видеть торжествующую физиономию Семаго и взялся канючить:

— Все-таки вы обещали повести нас к проституткам. Не ругаться повести, а для дела, так сказать. Вы забывчивый, голубчик. А мы люди пожилые, памятливые.

Семаго попытался отшутиться. Однако наступление продолжалось, причем Карлович уже был на грани хамства. Все ожидали, что Семаго врежет ему, но великий комбинатор вдруг обнаружил спокойствие и мягкость.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня же пойдем. Мы найдем вам лучшую проститутку Парижа. Я обещал, я сделаю. Работать с нами так же выгодно, как принимать наличные без кассового аппарата.

Подогретая компания выкатилась из ресторана и направилась на поиски проститутки. Отбор вели строгий. Но как назло на улицах французской столицы в этот вечер водилась одна дрянь. Партийцы уговаривали Конрада Карловича согласиться на грудастую негритянку, но он высокомерно отказался. Время шло, вопрос никак не решался. Правда, члены делегации отвели душу по части разных шуток и прибауток на бабскую тему. Эх, если бы жены наших партийцев услышали пьяную болтовню своих мужей, кое-кто бы точно лишился мужских достоинств. Наконец, в каком-то глухом переулке была найдена худющая особа с длинными рыжими волосами. Она сидела за рулем маленькой машинки. Увидев компанию, выпрыгнула из авто.

— О, вот она. Королева Парижа, фиалка Мон-

мартра, Джоконда. Мой опыт безошибочно подсказывает: она. Не раздумывайте, друг мой.

— Годится, — изрек Карлович.

— Наконец-то... наконец-то кардинал вынес решение. Так вперед с песнями, она ваша...

— Я же не знаю языка. Не могли бы вы...

— Я все понял. Конечно, могу. Дипломатия — моя сфера.

Вольфрамович подошел к особе и, слегка поклонившись, отвел ее в сторону и зашушукался. Вместе с особой он тревожно смотрел на Конрада Карловича. Через минуту комбинатор вернулся к компании.

— Двести долларов за два часа, — сухо сказал он.

— Однако... — поднял брови Конрад Карлович. — Это грабеж. Какие двести долларов!

— Я пытался торговаться. Я бился как лев.

— Безобразие, — рычал Карлович.

— Ладно. Ближе к телу, как говорил Мопассан. Давайте деньги, или отменяем концерт.

— Да раз' в жизни можно и за двести, будет что вспомнить, — загоготал Вова Сокол.

Мысль Вовы повлияла.

— Ладно, черт с ним. Действительно, раз живем, — сломался Карлович и отстегнул мятые купюры.

Семаго быстро пересчитал деньги и пошел назад к проститутке. Они сели в машину, и комбинатор указал пальцем на Карловича. Особа сосредоточенно кивала. Затем Семаго в рамках своей челночной дипломатии еще раз приблизился к Карловичу.

— Все готово. Парижский сервис на высшем уровне. Она отвезет вас к себе и доставит назад. Транспортные издержки входят в цену товара.

— А не опасно ли это... к ней ехать, не прибывают?

— Здесь так не принято. Здесь дорожат репутацией и клиентом.

— Ладно.

Карлович метнулся как затравленный волк к машине. Он тяжело и порывисто дышал. Но тут... произошло нечто. Прямо у всех на глазах, в самый момент, когда клиент должен был рвануть дверцу, рыжая ударила по газам, и авто взвилось с места в карьер. Карлович предпринял дикую попытку догнать тачку и хотя бы сильно стукнуть кулаком по багажнику или заднему стеклу. Но не хватило буквально метра. И камня не оказалось под рукой.

— Сука... — хрюпал от злости седой партийный начальник, глядя вслед ускользающей машине.

Неизвестно, что он сказал бы еще, в том числе и в адрес великого комбинатора, но Семаго тут же взял инициативу на себя.

— Мерзавка, скотина, — завизжал он. — Вот она, демократия. Сплошной обман. На каждом шагу. Только поворачивайся. И главное, улыбаются. И эта мразь улыбалась. Двести долларов... ты подумай.

Сцена возмущения продолжалась еще долго. Партийцы вернулись в гостиницу, полные впечатлений и усталые. Утром на завтраке все молчали, уже не ворочались языки. После скучной трапезы комбинатор попросил счет.

— Какой-то медведь в лесу сдох. Шеф никак сам решил заплатить, — улыбнулся Вова Сокол.

— Вы как всегда ошибаетесь, любезный. Кредит нам предоставил дорогой наш Карлович. Не узнаете ваши купюры?

Конрад Карлович поперхнулся чаем.

— Узнаю...

— Утром принесли из полицейского управления. Целую ночь не спал, занимался этой проблемой. Они ее нашли на какой-то наркоманской дискотеке, деньги вернули до копейки. Мотив ее поведения прост — кокаин. Поздравляю всех с новым успехом партийной дипломатии. Бедный город просто стонет от нашего напора. Скоро мы их научим жить честно. У меня был знакомый сапожник, который исповедывал железный принцип: после каждой халтуры половину пропей с друзьями. Вы не против, уважаемый, если половину возвращенных полицией денег мы пропьем?

— Не против, — пробормотал Карлович.

На том дело замяли. Позже, уже в самолете, выполнявшем рейс Париж — Москва, Вова Сокол, разогретый коньяком, подсел к новгородскому активисту и стал с ним говорить шепотом, еле сдерживая смех:

— Помнишь, как телку рыжую снимали. Знаешь, что ей шеф сказал? Он ей сказал: «Посмотрите на этого седого, он маньяк. Он уже час нас преследует. Сейчас возьмется за вас. Убегайте».

— Правда, что ли?.. — прыснул новгородский. — А я еще думал, чего она так ломанулась. Глупо кидать, если она стоит там постоянно.

— А шеф вернулся к Карловичу, взял бабки и к ней. Говорит, вот сейчас он кинется на вас.

— А Карлович еще с такой рожей побежал на нее. Вообще караул.

— Во, Вольфрамович фантаст, я в шоке. Когда он мне рассказал, я по полу катался. Га-га-га. Ты только Карловичу не рассказывай. А то он еще копыта отбросит.

Они оба зажали так, что самолет завибрировал.

Эпизод с рыжей проституткой, как ни странно, сыграл роль в истории партии. Он превратился в обязательную байку, которую за бутылкой рассказывали друг другу партийцы. После этого эпизода акции Конрада Карловича резко упали. На него все стали смотреть с улыбкой, реального авторитета он лишился начисто. Да и сам как-то сник, съежился и затих. Трудно сказать, дошло ли до него, что Семаго сам взял двести долларов. Могло дойти, мог кто-то рассказать. А могло и не дойти. Но факт остается фактом: Карлович ушел в тень. Семаго же после Парижа превратился в живую легенду. Теперь люди шли только к нему. В штаб-квартире выстраивались целые очереди. Не жалели и час, и полтора потерять в этой очереди. Партийные дела потихоньку шли в гору. Помещения расширились до целого этажа, появился свой автотранспорт, сделали косметический ремонтник, приобщились и к современной технике: компьютерам, факсам. По требованию Тихона облагородили подъезд. У Семаго теперь был свой кабинет, а на полу лежал ковер.

Однако мелкие радости не заслоняли для великого комбинатора главного — чтобы двигаться дальше, ковра в кабинете недостаточно. Нужны две вещи: товар и реклама. И того, и другого не было. Программа консерваторов состояла из набора общих фраз о необходимости твердого порядка. «Это не товар», — понимал Вольфрамович. Глупо торговать подержанными вещами, когда тебе уже далеко не двадцать лет. «Западные демократические ценности тоже поднадоели российской публике, ибо девяносто процентов публики ожидали от этих ценно-

стей прибавления в жалованье, а получилось наоборот, с жалованьем стало хуже. Требовалось что-то простое и ясное, любимое, как хороший квас или селедка, привычное, как демонстрация на Первое мая, но и возбуждающее, как цыганский романс. Интуитивно он чувствовал эту правильную идеологию, но ее еще предстояло выразить в точных словах. В одном Семаго был уверен: нельзя никого повторять и не нужно торопиться, связывая себя какими-то обязательствами. Но в чем нельзя запаздывать, так это в рекламе. «Каждая советская хозяйка каждое утро делала котлеты и давала своим детям булки, — любил повторять Вольфрамович. — Но она даже не подозревала, что, положив котлету на булку, можно получить гамбургер и продавать этот гамбургер по всему миру. Что превратило котлету в гамбургер? Реклама!»

Скучные партийные пресс-конференции, на которые приходили пара-тройка немытых бородатых журналистов из каких-то странных изданий типа «Голос Сретенки», не могли принести большую славу. И тогда великий комбинатор выдвинул идею завтраков для прессы в ресторане «Прага». Идея не сразу овладела массами. Массы внутренне сопротивлялись. Массам не нравилось, что придется платить деньги, а питаться будут другие. Саша и Леша из японского автобуса предложили ограничиться пивом.

— Нет, — отрезал Семаго. — Кормить будем по полной программе. Я не вижу этот завтрак без семги и витков из ветчины.

— Они гадости будут про нас писать, а мы их кормить, — жужжал партийный завхоз.

— Вы лучше скажите, куда делся старый холодильник «Саратов».

При упоминании холодильника у завхоза всегда портилось настроение.

— Да не брал я его, этот «Саратов». На кой черт он мне сдался. Старье...

— Такое старье нас с вами переживет. Там же двигатель от танков.

— Он ломался десять раз. Денег на ремонт не напасешься.

— А баян тоже ломался?

Глаза завхоза забегали.

— Баян украли. Те осетины, которые приходили...

— У осетин есть свои национальные инструменты, им баян не нужен. Если ваши гости любят выпивши плясать под баян, а ваши дети ходят на даче мороженое в холодильнике «Саратов», я же не против этого. Просто пусть тогда дети объяснят своему посудохозяйственному папе, чтобы он не лез в политику. Политикой здесь занимаюсь я, — прикрикнул Семаго.

Впрочем, командор занимался не только политикой. Он сам составлял меню, считал количество салатов и жульенов, инструктировал, как встречать гостей, как расставлять бутылки. Был выбран хитрый зал, из которого можно было выйти на веранду покурить и подышать гарью Калининского проспекта. Вольфрамович лично потребовал положить в зале ковры поновее и поставить красивые вазы с живыми цветами. Накануне завтрака он изысканно постригся, прикупил отличный переливающийся костюм и роскошную, жутко дорогую бабочку. Все было готово. Лед тронулся.

Любителей халавы оказалось предостаточно. Завтрак начинался в двенадцать, но уже в одиннадцать

на площадке перед входом в «Прагу» отмечалось движение. Главное действующее лицо прибыло без пяти двенадцать и вышло из машины под аплодисменты партийной массовки. Семаго не сразу пошел вовнутрь, некоторое время он крутился на свежем воздухе. Уличный оркестр, приглашенный за наличный расчет, исполнил зачем-то «Прощание славянки». Музыка свое дело сделала — количество зевак сильно увеличилось. Первые, самые наглые журналисты атаковали Вольфрамовича уже на улице:

— Сколько евреев у вас в руководстве партии?

— Немного, один-два. Ну один — это точно, — хищно глядя на хрупкую девушку из-за рубежа, задавшую вопрос, отвечал Семаго.

— Нужны ли России космические исследования?

— Русские первыми вышли в космос и последними уйдут оттуда.

— Как вы относитесь к порнографии на экране?

— Лучше, чем к крови и убийствам на экране. Мы странная страна. Мы с удовольствием смотрим на маньяков, вурдалаков, бомжей и возмущаемся, когда показывают голую грудь. Что плохого в женской груди? Каждый день показывают войны, беженцев, авиакатастрофы, а грудь показывать нельзя. Бред. — Тут Семаго понесло. — С детства нам переворачивают сознание. Помните рассказ «Муму»? Кто там главный герой? Как нас учили в школе? Глухой дворник Герасим. Кому все сочувствуют? Герасиму и его дурацкой собачке. Но это глупость. Сочувствовать надо барыне — женщине с нормальной психикой. Зачем ей визжание какой-то шавки по ночам? Она хочет по ночам культурно отдыхать. Нас хотят заставить полюбить какого-то урода. Ведь по описанию Герасим — урод. Почему мне должен

нравиться урод? Или возьмите «Горе от ума» Грибоедова. Какой-то мальчишка Чацкий, нигде не работал, толком нигде не учился, восемнадцати лет от роду и учит всех жить, острит, понимаете ли. А кто он такой? Почему он положительный герой? Положительные герои — Фамусов и Скалозуб. Фамусов — крупный руководитель, человек с опытом. Скалозуб — полковник, а разве дослужиться до полковника в царской армии легко было? Разве без заслуг полковника давали? Но наша интеллигенция любит всякого, кто против власти. И вот начинается... Чацкий — будущий революционер, фигура трагическая, непонятая обществом, борец с ретроградами. А снять бы штаны с этого борца и выпороть, чтобы старших уважал и власть.

— А вы всех собираетесь пороть, кто против вас? — перебила худая журналистка, которая уже спрашивала про евреев.

— Все, кто против нас, — это мафия. Все, кто за нас, — народное ополчение, — пояснил Семаго и продолжил лекцию по литературе: — Или Каренина. Странная особа. Наша интеллигенция сопереживает Карениной. А надо жалеть мужа и ребенка. Удивительная дрянь была эта Каренина. У нее и муж, и любовник, и богатство. Нет, ей чего-то не хватает, она решила под поезд. И всех терзала. И всем принесла только несчастье. Но она считается положительной героиней, а муж — занудой и буквояедом. Хотя муж — приличный человек, на таких держится общество и государство, он соблюдает правила, он никогда не бросится под поезд, потому что он думает о сыне, о своей семье, о том, что скажут о нем после смерти знакомые... Все мозги нам перевернули, все сделали набекрень, наобо-

рот. Но ничего, мы восстановим, мы сделаем, как надо. Мы расскажем вам правду.

Экскурс в классику развеселил журналистов. Очень немногие восприняли рассуждения всерьез. Потом за столом, за хорошей закуской и выпивкой настроение присутствующих и вовсе улучшилось. Каждые три минуты банкетный зал сотрясался от хохота. Хлесткие вопросы следовали со всех сторон, Семаго отбивался как хороший боксер.

— Скажите, вы сотрудничали с КГБ?

— Я очень хотел сотрудничать с КГБ. Даже подавал заявление. Но меня не брали. Им не нравилась моя фамилия. Они так и говорили: «Эх, тебе надо фамилию поменять. Не бывают у нас с такой редкой фамилией. Был бы ты как все — Иванов, Петров, Орлов». Жалко... Я был бы, наверное, самым лучшим резидентом, разведчиком высшей пробы. Вот ведь беда — формализм, бюрократия. Анкеты хорошие, фамилии распространенные, а путч провести не могут.

— Как вы относитесь к собакам?

— К собакам, кошкам, свиньям, к другим животным хорошо отношусь. В детстве держал кроликов. Но из собак тоже не нужно делать культа. Помню, у моей тещи был боксер. Поскольку жил я с родителями жены под одной крышей, то гулять с боксером заставляли меня. В любую погоду, в дождь или снег, одеваешься и идешь с ним гулять. Тебе бы книжку почитать или хоккей посмотреть, а ты нет, ведешь это чудище. Холодно, темно, ночь... тьфу ты черт. А ведь теще ничего не скажешь, квартира-то ее. Думаешь: «Когда же ты, тварь, подохнешь». Какой там подохнешь, с каждым годом все крепче становилась. Иногда со злости как дашь по ней ногой,

а ей хоть бы хны... Так и ходил молодой человек Вова, пастушком у тещи работал.

— Где вы познакомились с женой?

— В институте. Я же жил в общежитии. Десять человек в комнате. До сих пор помню запах буфета в общаге, эти сосиски, это яйцо под майонезом, этот винегрет. А компот... ой. И вдруг познакомился с москвичкой, папа — профессор, трехкомнатная квартира в центре. Нет, думаю, такой шанс упускать нельзя. И не упустил.

— Но ведь пришлось выгуливать тещину собаку, — заржал длинноволосый в майке.

— Пришлось... Что делать? А ты, я смотрю, уже выучил мою биографию, уже знаешь все детали. Дай я тебя за это поцелую. Иди сюда.

Семаго вскочил, обошел стол и принялся картино целоваться с длинноволосым.

— Молодец, понял, — приговаривал Вольфрамович. — На будущих выборах за кого будешь голосовать?

— Конечно, за тебя, — засмеялся длинноволосый.

— О... красавец, человек двадцать первого века. Вот видите! Один уже понял. Один уже есть. Нам осталось еще миллионов тридцать таких вот богатырей ума, и мы, господа, придем к власти.

Народ дружно рассмеялся. В этот момент открылась дверь, и, стараясь не привлекать внимания, вошел сутулый черненький паренек.

— О, мой друг! — закричал Семаго. — Всегда пишет про меня гадости. Господин Эпштейн из газеты «Московский многоборец».

Эпштейн действительно один раз в своей статье про ночной клуб «У Петровича» упомянул, что ви-

дел лидера консерваторов, который был изрядно навеселе. Ничего другого Эпштейн про Семаго не писал.

— Саша, постоянные оскорбления, клевета на партию, — привязался Вольфрамович к Эпштейну, — грязные подтасовки, жареные факты. Так нельзя, Саша. У нас длинные руки. У нас мощная служба безопасности. Ведь у тебя тоже, как у всех советских людей, не горит уже год лампочка в подъезде. Почему же ты такой развязный? У тебя одно искупление, Саша. Ты должен встать на подоконник, открыть окно и выпить из горла бутылку водки. Дайте товарищу водки. Он хочет снять напряжение.

— Я не пью водку, — испуганно сказал журналист Саша Эпштейн.

— Саша, это несолидно. Ты нас обижаешь. Ты же сильный парень, сегодня ты обязан совершил подвиг, — настаивал Семаго. — Ладно, иду на компромисс. Пьешь на подоконнике, но с закрытым окном.

— Но я вообще не пью.

— Хорошо, иду еще на один компромисс. Не нужно подоконника. Стоишь рядом с нами и хлебаешь. Саша, речь идет о престиже твоего издания. Я пошел на все уступки.

Тут подключилось общественное мнение.

— Сашка, давай, — выкрикивали из-за стола. — Сделай стойку на кистях. Покажи масть.

— Сашенька, маленький, за маму, за папу, — подначивал комбинатор.

— Ладно, — тихо произнес Саша под аплодисменты и смех собравшихся.

Потом, как в цирке, перед смертельным трюком,

установилась тишина. Саше принесли бутылку, он аккуратно протер горлышко беленьким платочком и с закрытыми глазами припал к источнику. Сделав несколько глотков, Саша захлебнулся и закашлял.

— Г-н Эпштейн, на вас смотрит вся Россия и весь Израиль. Вы не имеете права сойти с дистанции. Только что мне позвонил дядя Соломон. Он очень расстроен вашими результатами, — комментировал Семаго.

Зал смеялся. Саша сделал вторую попытку. Потом третью. Потом произвел несколько неуверенных шагов и... упал. Его тут же подняли несколько ребят. Голова журналиста «Московского многоборца» безжизненно болталась, руки обвивали шеи товарищей.

— Внимание, держите красного командира Щорса сильнее. Снимите с него ботинки. Так ему будет легче. Ботинки я понесу сам, — визжал Семаго.

Ребята сняли с Эпштейна ботинки. Семаго взял их в руки и возглавил вынос тела. Он шел впереди с ботинками, сзади двое волокли Сашу в линялых носках.

— Дорогу инвалиду войны и труда, заслуженному ликвидатору республики, — кричал партийный лидер.

Процессию фотографировали и снимали на видеопленку. Все теленовости в этот вечер показали вынос Саши, наутро газеты описали подробности. Семаго проснулся знаменитым, а Саша Эпштейн еще два дня блевал.

Глава 3

«Эфир
Семаго»

Ранним утром Вольфрамович проводил совещание. Были все. Даже дворник Тихон. (Он стал в последнее время часто захаживать, несмотря на нанесенные партийцами обиды.)

Семаго уверенно сидел во главе стола. Теперь он был полноправным хозяином. Конрад Карлович сдулся окончательно и мечтал о тихом месте на дипломатической службе. Интеллектуальная мощь и буйный порыв великого комбинатора захватили партию целиком.

— В государстве Лазания случилось несчастье — прошел дикий ураган, — вещал Семаго. — Аборигены не наблюдали такого двести лет. Последний раз такое происходило при Миклухо-Маклае.

— И Пржевальском, — добавил кто-то из слушавших.

— При чем тут Пржевальский? — возмутился Вольфрамович. — Пржевальский был тогда занят выведением соответствующей лошади. Историю надо знать, товарищ. Итак, Лазания в тяжелейшем положении. Она нуждается в срочной помощи. Голодные дети Лазании взывают к нашей совести.

— А на хрена нам, извиняюсь, Лазания, — вдруг перебил Чеховский.

Он аккуратно подстригся и выглядел совсем даже по-барски.

— Нам что, своих голодных детей не хватает, — продолжал Чеховский. — Я даже не знаю, где она находится, эта Лазания. Самим жрать нечего.

— Это правда... — вздохнул Тихон.

— О... Какой трогательный союз рабочего класса и интеллигенции, — сказал шеф, поглядывая то на Чеховского, то на дворника. — Интеллигенция сказала, рабочий класс, как всегда, поддержал. А известно ли господам интеллигентам и поддерживающим их люмпенам, что Лазанья богата природными ресурсами, что нефть сочится там из каждой дыры, что...

— Так тем более зачем помогать? — опять возник Чеховский.

— Десительно, ядрена конь, — заволновался дворник. — У них нефть сочится из каждой дыры, а у нас ссаки. Вчера опять насали на втором этаже.

— Я так понимаю, мой дорогой друг, что вы очень озабочены проблемой энуреза. Это ничего, это лечится, — немедленно среагировал Семаго. — Я куплю вам два бесплатных билета на сеансы Кашпировского, и все как рукой снимет.

— Бесплатно — это хорошо. А то сейчас за все три шкуры дерут.

— С рабочим классом все ясно. С ним мы всегда легко договоримся, — продолжал великий деятель, — с интеллигенцией труднее. Ей, как обычно, мешает самомнение. Придется применять систему Станиславского в умелом сочетании с методами Лаврентия Павловича Берии. Вы кто по профессии, Александр Михайлович? Если не ошибаюсь, инженер?

— Специалист по летательным аппаратам, — с достоинством произнес Чеховский.

— Тогда давайте поговорим о гиперзвуковом двигателе и трансатмосферном самолете, — предложил Семаго.

— Давайте.

— Нет. Нет, — партийный лидер вскочил со стула и стал расхаживать вдоль стола. — Никогда я всерьез не возьмусь спорить о перспективах гиперзвукового двигателя и трансатмосферного самолета. Потому что я не специалист в этой области. Я никогда не буду давать советы зоотехникам, потому что ни черта не понимаю в этом деле, и если я два дня проведу в коровнике, все коровы перемрут. А вы считаете возможным рассуждать о Лазании вслух, ни дня не проработав на внешнеполитическом фронте, не пожав руку ни одному министру иностранных дел.

Чеховский уже набрал в рот воздух, чтобы поинтересоваться, сколько дней провел на внешнеполитическом фронте сам господин Семаго и скольким министрам иностранных дел пожал руку он, но главный оратор опередил его на долю секунды.

— Все наши беды идут оттого, что нами правят инженеры, физики, строители и трактористы, то есть люди, которых учили работать с частицами, металлами и механизмами, а не с обществом. Нормальным государством должны править социологи, то есть те, кто работает с широкими народными массами и знает их психологию. Даже экономистов и юристов следует пускать в Министерство юстиции и Министерство финансов, но не дальше. В политике им делать нечего, политика — не бухучет и не свод правил. Политика — живое дело, и в ней должны быть живые люди. Идеальный вариант — бывший мошенник, отсидевший небольшой срок при Совет-

ской власти. Умеет работать с людьми и обладает ценным жизненным опытом. Но таких сейчас в партию не затащишь, такие все при деле — президенты банков и финансовых корпораций. Приходится переучивать специалистов по летательным аппаратам. Бесплатно, заметим, переучивать.

Семаго строго зыркнул на Чеховского и добавил:

— Пока бесплатно. А там посмотрим. Может быть, введем тариф с учетом мировых цен на подобные услуги. Вряд ли вы расплатитесь. Придется наниматься гувернером в семью новых русских. Будете клеить их тупым детям самолетики и рассказывать о гиперзвуковом двигателе от Версаче. Дети будут вас обожать. Умный дядя с такой шикарной бородой. В бороду ведь детки всегда смогут вы-smоркаться.

Чеховский попытался было что-то сказать, но опять не успел. Ему опять не хватило доли секунды.

— Ладно, — продолжил босс, — оставим пустое. Поговорим о главном. Лазания — богатейшая страна. Почему распределение ее богатств должно происходить без нашего участия? Поднимите руки, кто из присутствующих нисколько не желает иметь в собственности хотя бы одну нефтяную скважину.

Все молчали. Ни одной руки не поднялось.

— ...Голосов «за» нет. Теперь ясно, что наш коллектив состоит из лиц со здоровыми мозгами и одного специалиста по летательным аппаратам. Показатель очень неплохой. Теперь рассуждаем. Просто так к лазанийской нефти нас никто не подпустит. Нужны хорошие отношения с королем и наследным принцем. Обычно эти отношения складываются годами, но нам повезло. Природное бедствие дает нам

шанс в короткий срок создать себе блестящую репутацию в глазах короля Лазании. Русские консерваторы помогают пострадавшим детям. Русские первые протянули руку помощи. Оркестры, интервью, прием у короля, разговор с глазу на глаз, и мы выходим сразу туда, куда нашего уважаемого авиационного техника не пустят, даже если он сконструирует летающую тарелку.

Конрад Карлович понимающе качнул головой. Он тихо радовался, что командор принялся за Чеховского. Во-первых, потому что Чеховского недолюбливал, во-вторых, ему было приятно, что объектом наездов Семаго стал теперь не он. Конрад Карлович с улыбкой вспоминал времена, когда он пыжился и хотел что-то доказать Вольфрамовичу.

«Пусть попрыгает, дурачок, — думал Конрад Карлович, глядя на важное и потное лицо Чеховского. — Узнает, что значит попасть под гусеницы танка».

— Теперь ясно, зачем сначала дети? — подытожил главный оратор. — Перейдем к практическим вопросам. Господа коммерсанты, как дела с арендой самолета для перевозки медикаментов и вещей, в которых так нуждаются дети Лазании?

Господа коммерсанты — те самые, которым Семаго помог получить торговые точки во Дворце спорта у директора по кличке Жопа — выглядели озадаченными. Они, конечно, хотели получить скважины в далекой Лазании, но платить за аренду самолета им не хотелось.

— Может, рейсовым полетим, чартер стоит воще вилы, — промямлил один из них. Он чувствовал, что сейчас будет, поэтому говорил тихо.

— А детское питание будете прятать в чемода-

нах с двойным дном? Хорошо, не желаете платить, я вычеркиваю вас из списка на скважины.

— Не... ну так не надо, — завыли жадные бизнесмены. — Мы же бабки не печатаем. Мы можем, но это сам понимаешь... Что нефть пойдет, тоже гарантий никаких.

— Гарантии давала подруга моего детства Ольга Гольдштейн другу моего же детства Севе Черепахину. Ольга говорила Севе, что импортные таблетки гарантируют от любых неожиданностей, тем не менее через два месяца Ольга забеременела, а еще через девять месяцев родила маленького Веню. Итак, вы не хотите платить, значит, я вас вычеркиваю из списка.

— Не... ну, командир...

— Торг здесь неуместен, — неожиданно рявкнул Конрад Карлович.

«Какой молодец! — подумал Вольфрамович. — К месту врезал. Стариk начинает соображать!»

— Вычеркиваю, — строго произнес шеф, водя ручкой по какой-то бумажке.

— Ну это... ладно. Мы это... заплатим, — сломались бизнесмены. — Может, мы внесем полсуммы вначале, а потом после полета еще половину бабок?

— Всю сумму и сегодня, — отрезал командир. — Полсамолета не может взлететь, самолет обычно взлетает весь. Спросите у нашего авиаконструктора, он вам расскажет.

— Хорошо, — чуть не заплакали ребята.

— Нет, хорошо будет потом, когда костюм «Армани» за пять тысяч долларов покажется дешевым, а топ-модель Линда Евангелиста очень скучной. Но для того чтобы стало совсем хорошо, нужен не грамм кокаина, как думают некоторые представите-

ли бизнеса, — тут шеф окатил жестоким взором ребят, — а настойчивость, легкий авантюризм, скромность. Русский купец в прошлом веке мог неделями не есть мяса, копить на расширение мануфактуры. А русский купец в конце нового века первые заработанные деньги тратит на евроремонт в своей квартире, как будто его спасет фигурный паркет в гостиной. На расширение мануфактуры он не тратит ничего и еще забирает у трудящихся зарплату. Он транжирит тысячу долларов в казино, но оплатить самолет своего счастья не желает, думает, другие оплатят.

— Мы не играем в казино, — завопили ребята.

— А я вас и не имею в виду, — заявил Семаго. — Вы осознали свой патриотический и партийный долг, опередили время и взяли билеты на самолет счастья. Я имею в виду сотни тех, кто еще не осознал. Что ж, будем настойчиво объяснять. Самых тупых ждут подвалы Лубянки. Далее. Что у нас с медикаментами? Уважаемый наш авиадиспетчер обещал две тонны лекарств.

— Лекарства оказались с просроченной датой хранения, — отозвался Александр Михайлович Чеховский.

— Что же... мы попросим нашего друга Сашу Эпштейна из газеты «Московский многоборец» написать разгромную статью о фирме, которая подсовывала детям Лазании просроченные лекарства. Дайте-ка мне координаты этой фирмы, фамилии владельцев. Это будет отличное журналистское расследование. Я думаю, делом после статьи заинтересуется Интерпол.

— Я не могу дать координаты. Это мои знакомые. Я не хочу их подводить, — замялся Чеховский.

— А партию подводить вы хотите?! Давать липовые обещания, а потом кидать. Почему мы должны беречь репутацию какой-то фирмы, которой жалко для детей каких-то пяти тонн лекарств?

— Двух... Речь шла о двух.

— Хорошо, трех. Я уступаю. Но они должны выполнять обязательства. Потом, дело-то святое. Нельзя же доводить до международного скандала.

— Хорошо, я переговорю с ними, — сказал Чеховский.

— Переговорите в присутствии Саши Эпштейна и посла Лазании. Пусть смотрят прямо в глаза представителю страны-реципиента.

Слово «реципиент» всех испугало. Люди заерзали на стульях. Чеховский развелся окончательно.

— Постараюсь... думаю, уговорю... У них товар есть... — шептал Александр Михайлович.

«Так-то тебе, надутый индюк... Умного корчил всю жизнь, — ликовал в душе Конрад Карлович. — Пустышка».

— Что с детской одеждой? — продолжил Семаго.

— Все в порядке, — ответил Леша — один из тех двух, кто катался на японском микроавтобусе. — Полтонны детской одежды, полтонны детского питания. Наши знакомые все оплатили, товар лежит, в любое время можно грузить. Знакомые просят только, чтобы их взяли в поездку.

— За такой шикарный подарок пусть катаются с нами целый год. Не жалко, — заявил Владимир Вольфрамович. — Надо принять ваших знакомых в партию.

— Боюсь, они пока не готовы...

— Вот тут я вынужден сделать лирическое отступление. Я вас часто ругаю и почти на сто процентов ругаю по делу. Но есть и положительные примеры. Я давно наблюдаю за деятельностью наших молодых соратников Алексея и Александра. И ничего, кроме удовольствия, от этих наблюдений не получаю. Ребята работают тихо, но конкретно. В отличие от наших партийных летчиков они не дают пустых обещаний и не лезут со своим мнением. Они помогают партии сегодня, реально...

«Когда есть деньги, можно и помогать, — думал Конрад Карлович. — Хитрые ребята. Успели схватить кусок».

«Помогают, а автобус свой ставят так, что к подъезду не подойти», — скрежетал про себя дворник Тихон.

«Интересно, они только партии помогают? А отдельным ее членам? Может, попросить у них кредит?» — прикидывал Вова Сокол.

— Правда, есть у них и недостатки, — рассуждал вождь. — В публичной политике нельзя быть тихим. Наоборот, надо привлекать к себе внимание. А вы ведете себя незаметно. Для чиновника это хорошо, правильно, но для политика — смерть. Ведь вы же наша смена. Поэтому попрошу поактивнее, порезче. Предлагаю вам взять партийные псевдонимы и с этого момента забыть о прошлой серой жизни. Какие будут идеи по псевдонимам для Алексея и Александра? Попрошу высказать мнения.

— Тихий... — произнес кто-то.

— Что это за глупость... Тихий. Мы хотим через псевдоним избавить человека от комплекса, а не закрепить этот комплекс навечно, — возмутился вождь. — Кроме того, псевдоним должен быть яр-

ким, запоминающимся, интересным для журналистов. Предлагаю для Алексея псевдоним Берия, а для Александра...

— У меня у самого есть предложение, — перебил Александр. — Я хочу взять псевдоним Саша Героин.

— Почему Героин? — насторожился вначале Семаго.

— Вот все так и будут спрашивать, как вы сейчас, — отвечал Александр.

— Молодец! Гениально. Быстро соображаешь, — закричал шеф. — Полстраны будет спрашивать, почему Героин. Сколько историй здесь можно придумать! Блеск! И наркоманам приятно, и милиция на заметку возьмет, и журналист обязательно напишет. Мол, на сессии городской Думы присутствовал небезызвестный Саша Героин. А для светской хроники какой шикарный товар! Видный деятель Консервативной партии — Саша по прозвищу Героин беседует со звездой футбола Пеле. Или Саша Героин принимает немецких правых. Отлично! Пять с плюсом! Себе ставлю пять с минусом за псевдоним Берия. Другие мнения будут? Другие мнения будут — раз, другие мнения будут — два, другие мнения будут — три. Продано!

Мастер стукнул ложечкой по графину.

Уточнили еще кое-какие детали. Оказалось, что на борт просится сотня журналистов. Кто-то предложил журналистов обложить данью, но Семаго эту идею отверг категорически.

— Едут все, кто способен держать ручку, — сказал он. — Пусть клевещут.

После обсуждения мировых цен на нефть и перспектив нефтедобычи в Лазании участники совеща-

ния стали расходиться. Последняя установочная фраза звучала так:

— Завтра в десять во Внуково в депутатском зале. Попрошу без опозданий. Шоу состоится при любой погоде.

В тот же вечер, довольно поздно, Александр Михайлович Чеховский позвонил Конраду Карловичу. Александр Михайлович говорил взволнованно:

— Я только что беседовал со своими друзьями. Выяснилось, что никаких разрешений на полет до Лазании не получено. Коридора нет. На согласование требуется несколько дней минимум. Спрашивается, зачем мы собираемся завтра в десять. Мы ведь не взлетим.

— Может, ваши друзья не все знают, — отреагировал Конрад Карлович. — Может, он тайно получил разрешение.

— Какая тайна? Коридор либо есть, либо нет.

— Давайте завтра разберемся. Сегодня уже поздно, — зевнул в трубку Конрад.

— Мы будем выглядеть идиотами. Надо срочно его предупредить. Прямо позвонить сейчас.

«Дубина, ты так ничего и не понял», — подумал Карлович, а вслух произнес:

— Ну и позвони ему. Я-то в этих делах ничего не соображаю.

— И вообще... вам не кажется, что в последнее время он ведет себя возмутительно, грубит коллегам, ничего не слушает. А завтра... вот увидите, мы будем выглядеть круглыми идиотами. Есть международные правила, и никто не позволит их нарушить.

«Ты бы ему в глаза это сказал», — пронеслось в голове у Карловича, а посоветовал он так:

— Саша, утро вечера мудренее. Я уже почти заснул. Бесполезно что-то сейчас обсуждать. Если есть желание, позвони ему, предупреди.

«Позвони-позвони, дурак, познакомишься с кузькиной матерью».

— У меня нет его домашнего телефона.

«О, да ты еще и хитрожопый, — прикидывал Карлович. — Хочешь потом сказать, что, мол, Конрад Карлович телефончик подсказал. Или еще хуже скажешь: мы с Конрадом Карловичем посоветовались и решили вас предупредить. Нет уж, х... тебе телефон. Погибай один. Меня здесь не стояло».

— Я ему домой не звоню. А телефонную книжку на работе оставил.

— Мы завтра не улетим, — после паузы сказал Чеховский. — Я не хочу участвовать в балагане. Серьезные люди перестанут со мной здороваться.

«Да они никогда с тобой и не здоровались», — возмутился про себя Карлович и завершил неприятный для себя разговор:

— Я лично спать хочу. День сегодня трудный. А завтра будет еще труднее.

Карлович не ошибся. Исторический день отлета многим запомнился на всю жизнь. Шоу началось точно по расписанию — в десять утра. В депутатском зале аэропорта Внуково толпились сотни людей. Вернее, кто-то толпался в зале, кто-то на улице, на свежем воздухе. Ближе к десяти вереницей пошли машины, причем модных и дорогих машин наблюдалось абсолютное большинство. Журналисты с камерами и диктофонами тяготели к буфету. Телекамер было столько, что, по всей видимости, во всей остальной Москве съемки были прекращены. Но самое главное, прямо рядом с депутатским за-

лом стоял красавец «Ил», зафрахтованный молодыми бизнесменами из Дворца спорта. Конрад Карлович приехал пораньше и наблюдал весь процесс с тревогой и интересом.

«Однако, — прикидывал он в уме, — как Олимпиада получается».

Кто-то слегка взял Карловича за локоть. Это был Чеховский.

— О... здравствуйте, — заулыбался Карлович настороженной улыбкой. — Решили все-таки прийти.

— Решил... — недовольно протянул Чеховский и, перейдя на полуслепот, сообщил: — Вы знаете, что вся эта братия рассчитывает улететь в Лазанию? Ни у кого нет никаких билетов. Списков отезжающих тоже нет.

— Кто же их позвал?

— Кто! Он... Он прямо так и сказал: все желающие журналисты полетят с нами. Как вам нравится? Трех самолетов не хватит их рассадить.

— Да тут и разных сомнительных личностей полно. Не только журналистов.

— Вот именно. Авантура... Чистой воды авантюра. Они еще не знают, что нет разрешения на пролет.

— Но самолет-то стоит...

— Ну и что... Самолет может стоять где угодно, хоть у вас на даче.

— На моих шести сотках можно разместить только ишака.

— О... идет, — зашипел Чеховский. — Смотрите, как вырядился.

На здание аэропорта катился смерч — толпа, в центре которой шел Семаго. Он был одет в камуфляжную форму, эдакий солдат удачи. Вокруг сути-

лись, расталкивая друг друга, журналисты, операторы с камерами, партийные помощники, зеваки, авиационное начальство, бомжи, цыгане, юродивые, кликуши. Атмосфера была вполне естественной для партийных тусовок, то есть нервной, наэлектризованной, на грани истерики.

— Не имеете права, — кричал Семаго. — Какой комиссионный сбор... простите... какое разрешение на пролет? Дети Лазании умирают ежедневно, ежечасно. Вот мы сейчас здесь идем, а там уже кто-то умер. Там уже кто-то заболел. Дети не могут ждать разрешения.

— Но есть порядок. Я его не могу нарушить, — ныл чиновник, семенивший рядом. — Компанию лишат лицензии, а вас посадят истребители.

— Вашу компанию и так лишат лицензии. Я побочусь. Я поставлю на ноги всех. Считайте, вы уже без лицензии. А насчет истребителей не беспокойтесь. — Тут Вольфрамович увидел Чеховского и, зыркая на того, тут же заявил: — В составе нашей партии есть конструкторы и даже один генерал авиации. У нас есть свои истребители. Посмотрим, чьи истребители лучше. Это покажет бой.

— Но, товарищ Семаго, я не имею права вас выпустить. Получите разрешение и тогда...

— Я вам не товарищ, псковский волк вам товарищ. Немедленно соедините меня с Генеральным секретарем ООН.

Толпа ворвалась в помещение депутатского зала, сметая на своем пути не сориентировавшихся вовремя пассажиров и сотрудников аэропортового зала. Вождь рванулся к телефону.

— Немедленно, — рычал он на помощников, —

немедленно дайте мне телефон Генсека ООН в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке сейчас ночь, — бросил кто-то из толпы.

— Тогда звоните ему домой, звоните его любовнице, наверняка он у нее. Звоните, подлецы, — командовал шеф. — Звоните президенту, премьер-министру нашей великой страны, звоните министру иностранных дел.

— А телефоны... — промямлил один из помощников — розовенький мальчик, совсем, видно, дурачок, — номера телефонов где взять?

«Кажется, один труп сейчас будет». — Конрад Карлович закрыл глаза, чтобы не видеть сцену публичной казни.

— Телефонов у тебя нет! Работаешь в политической партии — не знаешь, как позвонить премьер-министру?! Подлец, мерзавец, пятая колонна, цэрэушник. На кого работаешь, собака? Кто тебе платит? А ну-ка иди сюда!

Семаго хотел было ухватить парнишку, но тот вырвался и побежал наутек.

— Немедленно! Охрана! Арестовать мерзавца, шпиона! Кого держим?! Мерзавцев держим. Почему держим? Денег нет. Мы, конечно бы, наняли честных и квалифицированных, но за наши деньги таких не найдешь. Приходится брать уродов и шпионов, но подешевле.

Тем временем охрана ловила по всему аэропорту мальчишку. Ловля вызвала всеобщий интерес граждан, уставших от однообразия окружавшей их действительности. Граждане разбились на два лагеря: тех, кто за мальчишку, и тех, кто за его поимку. Операция закончилась в общественном туалете, где

преследуемый заперся в кабинке. Охрана доложила об этом боссу и попросила дальнейших инструкций. Босс сам ворвался в туалет в сопровождении пяти телекамер. Справившие естественную нужду сразу отпрянули от писсуаров и спрятали это дело в штаны.

На присутствие телевидения они не рассчитывали.

— Попался, подлец, — негодовал Семаго. — У нас длинные руки. Мы люди конкретного дела. Чистосердечное раскаяние облегчит твою участь. Выходи!

— Не могу. У меня понос, — раздалось из-за дверки, и в доказательство этого раздался шум спускаемой воды.

— Может, дверь того... высадить? — сказал партийный охранник.

— Не надо, — тут же остановил Семаго. — Мы не в Чикаго тридцатых. Мы работаем интеллектуальными методами. Мы давим на психику. А ну-ка просуньте ему туда микрофон... Этот, на длинной палке.

Между кабинкой и потолком было довольно большое пространство, и туда установили микрофон на длинной палке.

— Отвечай на вопрос, мерзавец. Только в микрофон говори, а не себе под нос. Сколько тебе платили за предательство?

— Нисколько.

— Он еще и работал бесплатно. Совсем идиот. Ты знаешь, что тебя ждет заслуженное наказание?

— Знаю.

— Говори громче, в микрофон. Люди записыва-

ют, на весь мир передавать будут, как поймали шпиона.

— Может, петличку ему на рубашку надеть, чтоб звук шел нормальный, — предложил телеоператор.

— Выйдет, наденете... — бросил шеф. — Я ухожу. Меня раздражают бесплатные агенты иностранных спецслужб. Посыпьте ему хлорку и установите круглосуточное наблюдение за объектом. И очень прошу, без мордобоя. Только чекистскими методами обработки.

В сопровождении телекамер Семаго покинул туалет. У кабинки остался один охранник, второй пошел за хлоркой.

Уже в зале шефа пригласили к телефону. На проводе был заместитель министра иностранных дел Петров.

— Алло, Игорь Павлович? Добрый день. Это Володя Семаго из Консервативной партии. Как настроение? Как день начался? — невероятно мягко говорил Вольфрамович. — ...С наших приключений начался? Ну, мы-то люди скромные, почти незаметные. Мы, как говорится, не глобально, а локально... Понимаю, Игорь Павлович... Может, что-то и не так сделали, но улетать надо. Там ждут эту помошь. Почему вас подставили? Но мы же не дипломаты, Игорь Павлович. Мы люди маленькие, скромные, и мозги у нас скромные. Но улетать надо. Деваться некуда. Спасибо, Игорь Павлович, спасибо.

Семаго положил трубку. Стоявший рядом партиец то ли из Томска, то ли из Омска с тревогой спросил:

— Не выпускают, скоты? Надо было сказать ему, сукину коту: не выпустишь, мы тебе яйца оторвем.

— Кому яйца оторвем? — брезгливо глянул Семаго на партийца. — Запомните, товарищ, спорт от учебы надо отличать. Наезжать в лоб на должностное лицо, от которого зависишь, — глупо и бесперспективно. Кричите на кого угодно — на старушек в парке, детей, газетчиков, ругайте погоду, поголовный бандитизм, развал производства, но того, кто подписывает бумаги в ваших интересах, никогда не ругайте. Потом можете и его ругать, когда он не будет вам подписывать. Не усвоив эту истину, вам в нашей партии будет трудно. Короче... выгоню, если будешь давать глупые советы.

— Есть, — выпалил партиец. И выпрямил спинку.

— Где есть? — перехватил босс. — У меня нет. — Он хлопнул себя по карману. — Пусто. Может, у вас есть? В штанах, может, что-то есть, но партии от этого ни жарко ни холодно.

После паузы, в течение которой на семаговском лице отображалось размышление, великий комбинатор дал команду:

— Все на борт самолета! Начинается посадка! Беременных женщин с собой не берем! Слабонервным и впечатлительным просыбь не беспокоиться! Операторы, берегите камеры! Организованно проходим досмотр. Что с грузом?

— Груз давно на борту, — отреагировал Леша, получивший недавно кличку Берия. — Все, до последней упаковки. Бумаги у меня.

— Отличная работа, высший класс!

— А когда мы взлетим? — спросил Берия.

Они встретились на мгновение глазами. Семаго тихо и сухо сказал:

— У хорошего шоу есть железный закон: каждые десять минут происходит что-то существенное.

Зрители должны быть постоянно в напряжении, иначе они разойдутся. После часа бессмысленного блуждания по вокзалу люди сбегут домой. В самолете им бежать будет некуда. Мы сохраним темп операции.

Возбужденная толпа с сумками, чемоданами, коробками бросилась на досмотр. Пассажиры спецрейса толкали друг друга локтями, били один другого по коленкам, пересыпая шедшими от самой души словами.

— Что происходит? — вопил авиационный начальник. — Никакого разрешения я еще не получал.

— Мне только что позвонили и объявили, что разрешение есть, — парировал вождь. — Пока доведут до вас — пройдет время. Бюрократическая машина работает медленно. За это время люди сядут в самолет, и останется лишь взмахнуть крыльями.

— Но у меня разрешения пока нет, а словам я не верю.

— Вы в армии служили? — неожиданно спросил босс.

— Конечно. Два года, рядовым, как положено.

— Жалко, я не служил в вашей части сержантом, вот бы мы славно провели время! Я объяснил бы, чьим словам надо верить всегда, а чьим никогда.

Тут авиационника позвали к телефону. Он понесся вприпрыжку, высекая искры своими тяжелыми тупыми ботинками.

— Человек дела! Вот беспокойная служба! Одни нервы! — качал головой вождь, не отрываясь взглядом от убегающей фигуры.

Тем временем пассажиры рейса «Эйр Семаго» рвались на борт. Ничто не могло их остановить. Не

было ни списков, ни билетов, было лишь отчаянное желание. Попытка каких-то чиновников придать процессу плановый, упорядоченный характер сталкивалась с живой энергией масс, а как показывает опыт четырех русских революций в двадцатом веке, с живой массой бороться невозможно. Отъезжающие, видно, знали еще один закон русских революций — вчера было рано, завтра будет поздно, значит, сегодня, сейчас. Кто не сядет в самолет, тот не попадет на праздник жизни в Лазанию. А билетов в руках нет, выходит, надо бороться, используя локти, плечи и армейскую хитрость. Кто только не пытался проникнуть на борт! Ветераны войны махали удостоверениями, журналисты — своими карточками, партийцы — партийными билетами, инвалиды — костылями, новые русские — денежными купюрами, молодые девчонки — задницами, пожилые тетки — сумками. Часть людей с других рейсов, чувствуя, что счастье проносится где-то рядом, решили присоединиться к общему безумству. В конце концов, родной город или командировка подождут, а фортуна улыбается раз в жизни. Не зря же серьезные люди ломятся в эту Лазанию! Что-то ведь в этом есть! Не просто же так! Одних телекамер сколько!

В разгар штурма в зале появился важный и нужный гость — посол Лазании. Это был седой высокий красавец — мужчина с безупречными манерами. На нем здорово сидели по-настоящему дорогой костюм и новые, прекрасные ботинки. В образ эффектно встраивался новый красный платочек, высывающийся из бокового кармана пиджака. Его руки и ногти были ухожены, усики аккуратно подстрижены. В отличие от пассажиров спецрейса от него благородно пахло, он никуда не торопился и курил хорошую сигару.

Семаго обнимал посла как старого боевого товарища. Посол был немножко шокирован, но вида не подавал, растягивая губы в резиновой улыбке.

— Господин посол! Как я рад, что вы поддерживаете нас в самую тяжелую минуту. Враждебные силы делают все, чтобы сорвать нашу миссию доброй воли. Но мы знаем, что истинные друзья всегда с нами, что истинные друзья не подведут, истинные друзья всегда дадут... в смысле посодействуют. Спасибо, что вы сейчас с нами.

Семаго всплакнул и тут же тихо шепнул помощнику — бритому пацану:

— Что стоишь, подлец. Заснул, что ли? Принеси поднос с цветочками.

Поднос подарили послу в знак верной дружбы. Посол растрогался и предложил Вольфрамовичу сигару. Вольфрамович не курил, это все знали, но сигару принял и непрофессионально зажег ее. Теперь они были с послом одинаковые. Пресса бросилась снимать. Отличные получились кадры. Втянув первый раз дым, Семаго позеленел с непривычки. Придя в себя, он сказал помощнику:

— Видишь, гроблю здоровье. Все ради партии, все ради вас, подлецов, чтобы вы, бездари, когда-нибудь пришли к власти. А ты ради партии что сделал? Хоть рубль в партию принес? А про зарплату, мерзавец, спрашиваешь каждый месяц.

После совместного раскуривания дорогих сигар Семаго и посол произнесли короткие речи и расстались.

— Кстати, замечательные сигары! Где их можно приобрести? — на прощание сказал Семаго. — Я бы угостил дядю, который курил их последний раз на войне, когда захватил в Берлине трех немецких ге-

нералов. К сожалению, трофеев на пятьдесят лет не хватило.

— Господин председатель, я обещаю прислать вам ящик фантастических сигар, — заявил посол с неизменной улыбкой.

— Спасибо. Я тронут. Жалко, что в Москве нет ни одного серьезного магазина, где торгуют сигарами. А ведь это выгодно. Многие сегодня хотели бы забыть о прошлом, когда они пыхтели «Примой» на стройках коммунизма. Они хотят новых ароматов. А купить негде. А ведь в Лазании понимают толк в настоящих сигарах. Почему бы не открыть совместный магазин в Москве, где-нибудь на Арбате.

— Блестящая идея, — отозвался посол. — Я по рекомендую вам хороших партнеров — моих близких друзей, богатейших людей. Они сумеют поставить дело на мировом уровне.

— Можно у нас, — оживились стоящие рядом бизнесмены из Дворца спорта.

— У меня тоже есть хорошие приятели, они как раз торгуют сигаретами, — влез Чеховский.

— Есть фирма «Глобус», — подал голос кто-то из толпы партийцев. — Надо ее привлечь, я там ребят знаю.

— У нас у всех друзья, — резко сказал Конрад Карлович. — Но есть интересы партии, и их жестко определяет уважаемый наш Владимир Вольфрамович. И попрошу не выступать с дурацкими предложениями.

«Пять баллов. Гениально. Карлович, кажется, становится полезен», — подумал Семаго и подытожил дискуссию:

— Абсолютно поддерживаю одного из отцов-основателей. Мелкую грызню отвергаем с порога. Ви-

дим только стратегические интересы. Исходя из них, из стратегических интересов, вопрос с магазином поручаю решать... — Семаго сделал паузу. Ох, какая это была пауза! Все вокруг замерли и страшно напряглись. — Нашим друзьям из Дворца спорта.

Стоявшие в толпе вздохнули. Кто-то с радостью, кто-то с сожалением.

— Нам не нужны просто коммерсанты, — продолжал командор. — Нам нужны те, кто помогает партии уже сегодня и завтра увеличит эту помощь. Переговорите сейчас с господином чрезвычайным и полномочным послом по практическим вопросам.

— Вы вылетаете этим рейсом? — поинтересовался посол у ребят.

— Ага... — отвечали те. Они ошалели и слов не находили.

— Очень хорошо. Я дам сообщение, вас найдут в Лазании и познакомят с великолепными партнерами.

— Ага... — мычали бизнесмены.

— Вот и чуденько, — подвел итог шеф. — Я надеюсь, через три-четыре месяца мы, пьяные и веселые, будем плясать на открытии супермагазина, а еще через месяц устанем считать доходы.

— Как насчет начального капитала, — очнулись бизнесмены.

— Капитал не бывает начальным. Буржуазные экономисты Смит и Рикардо обманули вас. Капитал либо есть, либо его нет. Идите работайте. Иначе я применю к вам политэкономию Маркса, и в частности положения моей любимой главы об экспроприации экспроприаторов. «Бьет час капиталистической эксплуатации. Экспроприаторов экспроприируют». Как сказано! Сколько я проплакал в детстве над этими короткими как выстрел фразами. Может, из-

за этих фраз я пришел в политику и... валандаюсь тут с вами. Ладно, оставим лирику поэтам. Полет продолжается, господа присяжные заседатели.

Последнее заявление великого комбинатора расходилось с действительностью. Полет не продолжался, полет еще, честно говоря, и не начинался. А вот штурм борта действительно продолжался. Пассажиры заполнили все пространство самолета, включая туалеты. В проходах валялись бесконечные сумки, портфели, какие-то свертки. Скандалы возникали то тут, то там. Мест явно не хватало, но невезучие не собирались уходить и боролись за свои права. Стюардессы сначала кричали, потом плакали. Командир корабля махнул рукой и сказал великую русскую фразу: «Разбирайтесь сами». Человек в камуфляже по фамилии Семаго поднялся по трапу в числе последних. Толпа ждала его, толпа жаждала порядка, который, конечно же, не мог установиться сам по себе. Порядок может установить только сильная рука, и она явилась, эта рука.

— Я вижу, посадка обнаружила лучшие человеческие качества, а именно — хамство, пренебрежение к близким, зависть, — сказал Вольфрамович, наблюдая ситуацию. — Придется наказывать. — Он повысил голос. — Итак, слушайте меня внимательно, как слушал друг моего детства Сева Черепахин сообщение подруги моего же детства Ольги Гольдштейн о том, что она от него беременна. Командовать полетом буду я. Несмотря на мой природный либерализм, методы командования будут авторитарные. Как писал в своей книге «Малая земля» незабвенный Леонид Ильич, на войне жалость штука неблагодарная — пожалеешь одного, значит, вместо него посылаешь на смерть другого. Бывший Генсек

прошел войну, и это развило в нем наблюдательность. Нынешние семидесятники-восьмидесятники имеют только опыт портвейна и кокаина, а от кокаина наблюдательность падает. Что улыбаешься? — Вольфрамович посмотрел на неопрятного, патлатого парня. — Вспомнил про кокаин? На душе полегчало? Молодец. Только учти, без моей команды ни шагу.

— Когда взлетаем? — крикнул кто-то.

— Что? Кто сказал взлетаем? — зарычал Семаго. — Приказываю дурацких вопросов не задавать. Слабые пусть уйдут сразу. Это не развлекательная поездка на Канары. Это трудная гуманитарная миссия. Не исключено, что, когда мы приземлимся в Лазании, ураган повторится. Все может случиться. Все! Поэтому прошу слабых и больных на выход!

Публика молчала. Публика хотела в Лазанию. Сев в самолет, после стольких неприятностей, уходить было глупо. Да и мало кто верил в трудности гуманитарной миссии и новый ураган.

— Повторяю! Кто не готов, уходите сейчас. За нытье и паникерство буду карать, как товарищи Дзержинский и Менжинский.

— Но наша редакция заплатила вам за участие в полете, — сказал один чудик.

— Она заплатила не нам, а детям Лазании. Хотите, я сейчас же отдам ваши мелкие жалкие деньги, и вы немедленно покинете летательный аппарат. У нас все решается молниеносно.

— Нет-нет, — испугался чудик. — Не надо, я так... просто.

— «Просто» — так ответила подруга моего детства Ольга Гольдштейн другу моего же детства Се-

ве Черепахину на его вопрос о том, как она вдруг забеременела.

Семаго еще более подробно хотел пояснить относительно злоключений своих друзей детства Ольги и Севы, но тут появился авиационный чин и металлическим голосом возвестил на весь салон, что никакого разрешения нет и в помине. Последовала немая сцена из «Ревизора». Еще секунда, и на борту свершилась бы революция с отрезанием головы великого партийного руководителя. Но он опередил толпу на полмгновения. Мы уже не раз сталкивались и еще не раз столкнемся с этим его умением опережать на чуть-чуть в последний момент.

— Немедленно дайте телефон. Немедленно, — потребовал он. — Пес, куда смотришь. Срочно звони в МИД. Жуткая бюрократия. Аферисты! Проходимцы! Мы наведем порядок. Мы отпилим шпиль у них на высотном здании.

Обозванный псом помощник дозвонился до министерства.

— Алло, — кричал в трубку Семаго. — Это из Консервативной партии. Мы удивлены отсутствием разрешения. Весь мир удивлен. Чем вы там заняты? Придется проводить бессрочную пресс-конференцию. Мы не уйдем отсюда ни на метр! Мы умрем в самолете!

После этих слов вождь, закрывая аппарат рукой, направился в туалет. Журналиги метнулись за ним, но помощники отсекли.

— Послушайте, — уже тихо и вкрадчиво говорил он, сидя на толчке. — Мы все понимаем. Но мы должны взлететь именно сейчас, иначе народ через час разойдется и мы окажемся в дерьме. И вы, между прочим, тоже. Лазанийцы обидятся на вас. По-

пробует тогда ваш министр приехать в Лазанию! Я предлагаю такой вариант: вы немедленно даете коридор на любую хорошую страну. Мы вылетаем туда, плескаемся в море или в ванне и ждем нормального разрешения в Лазанию... Да нельзя ждать в Москве! Люди разойдутся по домам и все. А если улетим, там деваться будет некуда. Не обратно же лететь! Понятно? Как дети, все объясни...

Вскоре произошло странное: авиационный чиновник, бледный и ничего не соображающий, объявил о том, что коридор получен, правда на пролет... в Армению. Публика не успела среагировать и проанализировать новость.

— В Армении мы возьмем на борт шприцы и заправимся перед дальней дорогой, — объяснил вождь.

— А в Москве нельзя заправиться? — спросил голос из массовки.

— В Москве дерут в два раза дороже. Мой папа не Ротшильд. Ваш, насколько мне известно, тоже. Заводите моторы. Процесс пошел, как говорил один мой коллега по ставропольскому крайкому партии.

Самолет взлетел моментально. Видно, очень многие мечтали, чтобы этот идиотский рейс перестал мешать жить. А на борту творилось обычное в подобных случаях — половина пассажиров пребывала в полной уверенности, что полет прямо в Лазанию, процентов пятнадцать спали и вообще ничего не знали, процентов пятнадцать выпивали, и им нравилось, когда их укачивает, процентов двадцать знали про Армению, но не верили в эту версию, думая, что это отвлекающий маневр. Все знал, как всегда, один, но он своих планов тоже, как всегда, не раскрывал. И опять же, как всегда, поползли слухи: что самолет сломанный, что пилоты купленные

(правда, неясно кем и зачем), что кругом измена, и жиды, и вообще летят в Израиль.

Однако сели все-таки в Ереване. Около трапа уже толпились журналисты и авторитетные представители местных властей. Чувствуется, молва о спецрейсе долетела быстро, со скоростью распространения телесигнала. Шашлыки-машлыки, коньяк и вино начались сразу, уже в здании аэропорта. Пассажиры «Эйр Семаго» ожесточенно рвали лаваши и макали куски мяса в соус. Приняв коньяк, они расслабились, а некоторые расслабились так, что уже не понимали, зачем прилетели. Впрочем, командора это устраивало. Он должен был успокоить пассажиров, и он сделал это.

Ночь участники гуманитарной акции провели в хорошей гостинице. Утром они опохмелились, по завтракали и часам к двенадцати дня задумались над своим странным положением. Вместо Лазании они почему-то оказались в Ереване, неясно, кто будет оплачивать проживание в чудесной столице Армении, неизвестно, когда вылет и будет ли он вообще. Ответы на эти и многие другие, более мелкие вопросы знал только один человек. Этого человека и стали судорожно искать. Его нашли в номере волейболистки ростом метр девяносто пять, приехавшей на матч в составе национальной сборной когда-то дружественной нам страны. Волейболистка в глубоком детстве учила русский и теперь напрягала память, слушая рассуждения Вольфрамовича о перспективах азиатского волейбола. Она лежала на короткой кровати, явно не зная, куда деть свои ноги, которые не вписывались в габариты. Вольфрамович прыгал вокруг кровати в шортах, попивая виски с содовой. Белое полотенце прикрывало известное

место подруги, остальные места были оголены. Дверь в номер оказалась не запертой, и ряд активистов гуманитарной акции вошли без стука, когда мэтр перешел к проблемам японского женского волейбола.

— Японки больше не подымутся. У них нет живой фантазии. Они могут только копировать, учиться повторять. Но повторяют они лучше оригинала. Любые нестандартные комбинации приводят их в шок. Посмотрите, игры, где много комбинаций, японцам не даются. Например футбол. Они люди конкретной схемы. Малейшее отклонение от схемы — и они теряются.

Вождь прекратил выступление. Активисты использовали момент и поинтересовались насчет отъезда. Шеф отреагировал на обнаглевших визитеров вяло:

— В час у входа в отель я дам пресс-конференцию. Предупредите прессу. Идите.

Волейболистка даже не прикрыла голую грудь. Она была увлечена полетом мысли своего нового знакомого.

Пресс-конференция на ступеньках у входа в гостиницу действительно началась в час. Вождь кратко охарактеризовал международную обстановку, назвав ее тревожной и неоднозначной. Потом он перешел на экономические проблемы Лазании, уделив особое внимание сельскому хозяйству и нефтяной промышленности. Затем вспомнил о международных гуманитарных акциях, и в частности о рок-концерте в поддержку голодающих в Африке на стадионе Уэмбли с участием мировых звезд. Коснулся и общефилософских тем, а также проблем материнства, семьи, сокращения стратегических ракет. Един-

ственное, о чем Семаго не сказал ни слова, — о вылете в Лазанию. В пять вечера он собрал вторую пресс-конференцию, где тоже осветил кучу вопросов и тоже ничего не сказал о перспективе полета. Честно говоря, он сам не знал, чем закончится эпопея. Регулярно созванивался с мидовцами, которые отвечали туманными обещаниями.

Вечером после интенсивных пресс-конференций пассажиры «Эир Семаго» напились и немножко побуянили. Но атмосфера уже отличалась от предыдущего дня. Она была нервная, неприятная. Доверие к командору упало. В народных массах тихо зрел бунт. В народных массах зациркулировали новые слухи: будто вождь решил смыться один с узкой группой приближенных, а остальных бросят в Ереване. Журналистов вообще, мол, не будут брать. Около номера командора решили круглосуточно дежурить. Добровольцы легли на рюкзаки прямо у двери. Шеф, проходя к себе, спотыкался о них, но молчал — в его положении струну натягивать было опасно.

Тем временем телефоны ответственных мидовцев перестали отвечать. Это был очень плохой признак. Семаго напряженно думал. Даже закурил подаренную послом сигару. Включил телевизор. Оттуда тоже огорчения. Каждый час в новостях говорили о неудавшейся гуманитарной экспедиции в Лазанию, постоянно демонстрируя его физиономию. Телевизионный Семаго надоел живому, и живой выключил ящик.

Он обязан был что-то предпринять. Что-то нестандартное, спасительное. И он придумал. Вольфрамович позвонил послу — любителю сигар и попросил дать телефон канцелярии короля Лазании.

Обалдевший посол сначала категорически отказался, потом впал в колебания.

— Порой дипломатам неудобно что-то докладывать руководству, а человеку со стороны легко. Я же не подчиненный, — аргументировал Вольфрамович.

Он привел еще сто доводов, и посол, наконец, сделал непростительную ошибку — согласился. Вождь дозвонился до канцелярии короля на удивление быстро. Труднее было дозвониться в соседний номер гостиницы, где жила волейболистка метр девяносто пять. На другом конце провода долго не могли понять, с кем разговаривают. Короля, естественно, не позвали, хотя Семаго, естественно, требовал короля к телефону. Королевскому чиновнику было велено немедленно доложить королю следующее: гуманитарная миссия из России под руководством консерватора Владимира Семаго под угрозой срыва из-за медлительности и лени посла Лазания, который не может договориться о каких-то технических, совсем мелких деталях с российским МИДом, десятки людей и тонны грузов томятся в Ереване, ожидая высочайшего королевского вмешательства.

Через минут сорок посол разыскивал Семаго по всем телефонам в ереванской гостинице, но Вольфрамович не подходил к трубке. «Сработало. Намазали ему задницу скрипидаром, — понял вождь. — Сейчас будет трясти наших мидовцев». Заместитель министра иностранных дел позвонил через несколько часов и ласковым голосом сообщил, что разрешение на вылет получено и что его сотрудники, бедные, никак не могли дозвониться до Еревана.

— Но вы только там не очень... — бросил замми-

нистра в конце. — Не волнуйте сильно наших друзей, а то они уже в Кремль собирались ехать за вас заступаться... Грозили тут порвать дипотношения.

— Порывистые люди. Дети солнца, — отреагировал Вольфрамович и подумал: «Эк его взгрели, маленького. Аж в Кремль рвался, небось искурил сигар штук сто. Ничего, жизнь не только праздник».

По телевизору передали о том, что разрешение получено. Пассажиры спецрейса спешно и бессистемно рванули в аэропорт. Шеф выбрался из отеля достаточно спокойно, чему способствовала смешная история. Как раз в момент сборов в номер Семаго прорвался бородатый армянин, который представился экстрасенсом и уламывал взять его на борт для борьбы «со сглазом». Армянин смотрелся живописно: бородища была длинная, на голове здоровая шляпа, огромные темные очки закрывали лицо. Семаго попросил добровольца экстрасенса написать заявление на имя министра иностранных дел и обещал заявление передать прямо в руки министра. Бородатый ушел. Через какое-то время, когда бородатый уже удалился на приличное расстояние, один из тех, кто дежурил у номера вождя — журналист с радио, — закричал, что бородатый — это загrimированный Семаго, который обманул всех и уходит тайным путем.

— Бороду приkleил, сука, очки темные надел, — вопил журналист.

— Очкi, кажется, я такие у него видел, — подхватил другой дежурный. — Главное, шляпу нацепил.

Они бросились за бородатым, настигли его на лестнице. Сорвали шляпу, очки, подергали за боро-

ду. Бородатый оказался не робким мужиком и в ответ капитально врезал. Возникла свалка, которую разнимали служащие гостиницы. В этот момент ничего не знавший об эпизоде с бородой вождь спокойно покинул номер, сел в авто и поехал в аэропорт, где его поджидал новый удар.

Посол России в Армении со странной фамилией Сало предупредил вождя, что сопровождающих груз может быть не более тридцати человек. Так якобы написано в разрешении.

— Решайте сами, кого брать, а кого не брать. И дайте мне список отъезжающих, — командным голосом заявил посол по фамилии Сало.

— Нет, — усмехнулся вождь, — список будете составлять вы, и зачитывать будете вы.

— А что же будете делать вы, товарищ Семаго?

— Помогать санитарам грузить ваше тело в карету «Скорой помощи». У вас вес за сто, вдвоем они не справятся.

— Не смешно.

— Согласен, абсолютно не смешно. Даже немногого грустно. Когда я смотрю на решительные лица пассажиров спецрейса, даже чуточку страх охватывает. Страх за вас и ваш список.

— Это ваше дело. Вы — руководитель экспедиции и должны подчиняться государственным решениям. Я здесь представляю государство, — верещал посол Сало.

— Какое государство? Которое вы предали в августе 1991 года? — сказал вождь, прямо глядя в глаза собеседнику.

Дело в том, что Вольфрамович слышал от кого-то за обедом рассказ о том, как Сало служил в ЦК, и потом легко перебежал к демократам. Слушал

Вольфрамович вполуха и, к сожалению, не запомнил деталей.

— Я никого не предавал, — занервничал посол, — я государственник и всегда служил государству.

— Не рассказывайте сказки. Адмирал Колчак тоже думал, что служит своему государству, но большевики думали иначе. У нас целое досье на вас. Там на три детективных романа. Читаешь, коленки начинают дрожать.

— Не шантажируйте меня!

— Я не шантажирую.

— Нет, шантажируете. Это дешевый шантаж. Я на шантаж не поддаюсь.

— Тихо, гетман Мазепа, не шумите. И не мешайте людям садиться в самолет. Вы видите, люди устали, они хотят спать в дороге.

— Нет, я не допущу! — заорал посол Сало и кинулся к толпе, которая собралась у трапа. — Товарищи, стойте! Я должен вам объяснить. Разрешено взять на борт груз и только тридцать сопровождающих. Только тридцать! Это требование ООН.

— Почему тридцать? — заревели пассажиры. — А остальные? Зачем мы тогда здесь парились?

— Это вопрос, товарищи, не ко мне, — сказал Сало. — Это вы спрашивайте у товарища Семаго.

— Что за дела? — закричали из толпы. — Либо все летим, либо никто. Какие тридцать человек! Что за глупость!

Появление Семаго вызвало бурю эмоций.

— Спокойно, — окатил вождь холодным душем. — Летят все. Все кто пожелает.

— Это безответственное поведение. Я официально заявляю, что больше тридцати человек я на борт

не пущу. Представители ООН будут встречать вас в Лазании и пересчитывают по головам. Если обнаружится на одного человека больше, у страны будут дипломатические неприятности.

— Нам не нужно такое ООН, которое будет считать нас по головам. Мы создавали ООН не для того, чтобы она нас считала! — воскликнул вождь. — Если так пойдет дальше, мы ООН разгоним к чертовой матери.

— Не вы ООН создавали, не вам ее, молодой человек, разгонять, вас самого скоро...

— Вот, слышали?.. Уже переходит на личности. Потому что нет интеллекта, нет позиции, потому что слабость. Ладно, мне надоело общение с этим апологетом застоя. Я объявляю великий революционный лозунг *laisser passer laisser faire*, что в очень вольном французском переводе означает делайте, что хотите. Я объявляю посадку всех желающих. Вперед на баррикады. Ура!

Толпа стремительно пошла по трапу. Посла Сало оттолкнул парень-оператор с камерой. Оттолкнувший еще и камеру наставил, чтобы запечатлеть для истории. Видно, Сало не любил сниматься в скандальных историях и стал закрывать физиономию толстенькими пальцами-сосисками. Выглядело это чрезвычайно смешно.

— Все равно самолет не взлетит! — орал ужалинный Сало. — Вы что, этого не понимаете? Авиакомпания лишится лицензии, если она нарушит правила. Это бесполезно. Это чистейший авантюризм. Вы, между прочим, создаете дипломатические проблемы не только для Москвы, но и для Лазании. Вы оказываете лазанийцам медвежью услугу.

— Ну ты... аналитик Госдепа США, профессор

Принстонского и Оксфордского университетов одновременно... крыса ты канцелярская... чмо педальное. Как ты мне надоел...

Тут Вольфрамович ловко ухватил Сало двумя пальцами за нос. Посол не ожидал такого хода. Он начал мотать головой в разные стороны. Смотрелась сцена уморительно. Затем босс пнул посла и легко, пружинисто запрыгнул на трап.

— Встретимся в суде! — кричал ошалевший Сало. — Я этого так не оставлю!

— Встретимся, — ответил Вольфрамович, помахивая ручкой на самом верху трапа. — В военно-полевом суде, по громкому делу изменника Родины гражданина Сало. Приговор будет окончательным, не подлежащий обжалованию.

В салоне творилось уже привычное для рейса «Эйр Семаго» бордельеро. Пассажиры ругались, толкались, стюардессы кричали и плакали, пилоты не вмешивались, приберегая нервные клетки для полета. Но самое страшное другое: посол Сало был прав — рейс никто не собирался выпускать. Авиакомпания действительно не хотела иметь головную боль. Решила твердо не связываться с властями. Трап не убирали, Сало не уходил и совещался у трапа с какими-то мужчинами в галстуках. Затем подошла группа пограничников. Наконец Вольфрамовичу передали ультиматум: лишних из самолета убрать или... шансов никаких.

Наступил самый критический момент экспедиции. Вождь подозвал Алексея по кличке Берия и сказал ему тихо:

— Бери инициативу на себя. Скажи, что надо любыми путями выскочить в Лазанию. Поругай меня. Я тоже поругаю тебя.

Алексей удивленно поднял брови.

— Не удивляйся. Я не могу сказать людям: уходите, а ты можешь. Тебе все равно. Ты их сюда не звал. Дай умного, рассудительного. Тебе это легко, ты же умный.

Так в главных ролях пьесы появился еще один актер. Дебют прошел удачно. Берия поднял серьезный шум, но вел себя спокойно и рассудительно.

— У нас жесткий выбор: либо мы упремся рогом и никуда не улетим, либо пойдем на компромисс и улетим. Я считаю, надо пойти на уступки и лететь, — сформулировал Алексей. — В конце концов, главное — доставить груз.

Публика сперва возмущалась, потом затихла. Тут из первого салона выскочил Вольфрамович.

— Что? Бунт на броненосце «Потемкин»? Придется усмирять, — кричал он.

— Не надо никого усмирять. Надо выполнить их требования и улететь, — заявил Берия.

— Послушайте, вы, мальчик-гайдарчик, мы никуда отсюда не уйдем и дураков типа Сало слушать не будем.

— Владимир Вольфрамович, вы умный человек и прекрасно знаете, что нас не выпустят, не выпустят. Зачем вы всехdezориентируете? Давайте составим список тех, кто останется. Я лично готов уйти.

— Нет, — протянул вождь, — в таком случае уйду я. Если вы такой правильный, командуйте вы, товарищ Берия.

Семаго развернулся и легкой походкой вышел на трап. За ним механически потянулись народные массы. От уходящих Алексей услышал немало гадо-

стей в свой адрес. Он не реагировал, он молчал. Кое-кого даже уговорил не уходить.

Босс шел, не разговаривая и не оглядываясь, в окружении большинства других пассажиров спецрейса, в сторону депутатского зала «Внуково», когда его окликнул Алексей:

— Владимир Вольфрамович, вы забыли свою сумку.

Семаго без единого звука развернулся и подошел к трапу. Алексей стоял на самом верху трапа с сумкой.

— Бросай, — скомандовал шеф.

— Ничего не разбьется у вас?

— Не разбьется. Я из хрустальных ваз не пью, употребляю по-пролетарски пластмассовые стаканчики.

Семаго поймал сброшенную сверху сумку, открыл ее, порылся и вдруг заорал:

— Где кожаный бумажник — подарок любимого дяди из Львова? Там же документы, деньги... Подлецы, мерзавцы, куда дели бумажник!

Вольфрамович в порыве бросил сумку и рысью взобрался по трапу, выкрикивая ругательства по поводу шпионов и диверсантов, которые засели повсюду.

Едва вождь скрылся в салоне, послу Сало сообщили по радио:

— Двадцать семь! Какие указания?

— Точно двадцать семь? Отвечаете? Ладно, можно, — утомленно сказал Сало.

Борт закрылся. Трап отъехал. Самолет начал рулить. Граждане на летном поле из числа уже бывших пассажиров рейса лишились дара речи.

— А сумка? А сумка-то его осталась! — выговарил с трудом кто-то.

— Какая к черту сумка! Он кинул нас, — завизжал какой-то псих. — Кинул как детей.

Обманутая толпа рванула к оставленной сумке. Начала ее потрошить, а там только... партийная литература — брошюрки, книжки, листовочки. Толпа рвала макулатуру на мелкие кусочки и топтала ее. На большее толпу не хватило. Самолет тем временем взлетел, взяв курс на Лазанию.

Принимали в солнечной стране сказочно. Сам король даже похлопал по плечу мужественных бойцов гуманитарного фронта. Кормили на убой, поселили в пятизвездочной гостинице. Повозили, показали достопримечательности. Словом, настоящий кайф. Назад вернулись под оркестр и телекамеры.

Пожалуй, с этого момента Семаго стал популярным на всю страну. Его узнавали на улице простые граждане, девушки просили автограф. Гуманитарная миссия принесла свои плоды. Некоторые, из числа не улетевших, правда, напрягались на маэстро и даже гадили противными статейками. Но сколько их, недовольных — ну десять, ну двадцать, ну тридцать человек. Что это в сравнении с десятками миллионов поклонников!

Глава 4

Из истории
губернии
Черные Горы

В губернии Черные Грязи было так много спиртовых и сахарных заводов, что казалось, жители губернии рождаются лишь затем, чтобы хлестать спирт и запивать его сладким чаем. Существование губернии было тишайшим. Весенние вечера были упоительны, грязь под луной сверкала, как антрацит, и единственным шумноватым местом было казино, где три с половиной местных бандита с двумя с половиной местными проститутками прожигали жизнь.

В губернии, естественно, был губернатор — господин Пришибенко. Ежедневно он ведал губернией с девяти утра до шести вечера с перерывом на обед. Каждое утро он выезжал из кирпичной дачи, напоминавшей детсадик, на просторную, полную диковинного весеннего цвета улицу товарища Урицкого. Это была приятнейшая из улиц, какие встречаются в провинциальных городах. По левую руку за волнистыми зеленоватыми стеклами серебрились гробы похоронного бюро «Нимфа». Справа в сером доме с маленькими, с обвалившейся замазкой окнами помещалось местное управление внутренних дел. Чуть дальше на углу находился универмаг «Москва», у входа в который дядя Сеня торговал дешевыми пиратскими видеокассетами. И, наконец, здание областной администрации, украшенное государственным

флагом, — постройка из стекла, бетона и мрамора середины семидесятых годов, где до августовской революции помещался обком ленинской партии. Кстати, сам губернатор Пришибенко когда-то состоял в партии и даже был секретарем райкома, но те времена вспоминал с неохотой. Коммунисты мешали раскрыть весь потенциал его личности, заставляли в болотных сапогах бегать по полям во время битвы за урожай, срывая голос из-за какого-то плана по свекле или рису или черт еще знает по чему. В отместку за унижения молодости Пришибенко сделал себе кабинет на целый этаж, соорудив там бытовую комнату с джакузи и сауной. И еще завел массажистку двадцати лет, которая постоянно сидела в этой комнате. Сотрудники администрации недоумевали, почему у массажистки Пришибенко длинные ногти и не мешает ли это делать массаж. Провинциалы! Что они понимают в современных видах массажа!

15 февраля губернатор Пришибенко, как обычно, проснулся в половине восьмого, попил крепкого чая, скушал бутербродик с икоркой, присланной из Калмыкии тамошним президентом Кирсаном, сел в «Мерседес» и уже через двадцать минут прибыл на службу. Там было все как всегда — оперативка, потом отправка денег по районам, чтение разных бумаг. Только потом произошло событие, о котором Пришибенко не может думать без валокордина. И произошло-то это глупо, буднично. Пришел начальник департамента по связям с общественностью Павло Коваленко.

— Бонжур, — сказал ему губернатор.

«Бонжур» указывало на то, что губернатор проснулся в добром расположении духа.

— Здравствуй, — ответил скромно Павло. — У меня есть очень важная информация. Наши аналитики сделали серьезнейший опрос. Твой выборный рейтинг снижается. Нужно проводить выборы в мае, в декабре уже можем проиграть. Я очень встревожен.

Волосы на голове губернатора колыхнулись в разные стороны. Он сморщил лицо и раздельно сказал:

— Ничего не будет, Павло. Дачу ты уже достроил? Когда в баню пригласишь?

Оказалось, что дача будет достроена через неделю, и скоро можно будет париться в бане.

Пришибенко не любил Коваленко. Но было одно обстоятельство, которое заставляло губернатора не только держать Коваленко на должности, но еще и периодически пускать в свой кабинет, чего, надо заметить, немногие удостаивались. Коваленко был тестем губернатора. Да-да, именно так, хотя они были почти одногодки. Недавно губернский начальник женился на дикторше местного телевидения. Старая жена — из коммунистической эпохи — десятки лет трудилась агрономом и безнадежно устарела морально и физически. Дикторша была, напротив, на двадцать лет моложе, элегантная и даже зажигательная. Об их браке много судачили, но потом перестали — надоело.

Таким образом, Павло Коваленко служил не только начальником департамента, куда его продвинули из редакторов того же телевидения, но еще и дедушкой губернаторского сына. Однако, повторяю, общение губернатора со своим подчиненным было для первого мукоей. Раздражала Пришибенко в teste страсть ко всяkim рейтингам, очкастым со-

циологам, модным теориям, экстрасенсам и всякой подобной чепухе. Губернатор был уверен, что социологи и рейтинги существуют только для того, чтобы выбивать больше денег из администрации и пугать начальство. Павло вместо того, чтобы бороться с шантажистами, сам подпал под их влияние. Ему постоянно что-то кажется, что-то снится, что-то видится. «Это потому что корову ни разу за сиськи не держал. А подержал бы, забыл бы о социологах. Сукин кот» — так думал Пришибенко о своем тесте.

И сейчас новую дурь принес — досрочные выборы.

— Мне кажется, нужно избираться в разгар полевых работ. Зимой может быть поздно, — еще раз подытожил Павло свою нудную речь.

«В рожу ему, что ли, плюнуть. Еще обидится, с Сережкой перестанет в лес ходить», — крутилось в губернаторском мозгу, а вслух он сказал:

— Ладно, Павло, подумаем. Дело непростое... политическое. Надо мозгами пораскинуть, посоветоваться. Не перемудрить бы.

— Не перемудрим. Наоборот, все конкуренты не ожидают этого, не успеют подготовиться. Они ведь декабря ждут.

— Какие конкуренты? — Губернатор смахнул по чесал затылок. — Где ты видел конкурентов?! Один Похмельницын, да и тот одно название...

— Может приехать кто-то сильный из Москвы.

— Зачем сильным из Москвы наши Черные Грязи? Господи... у них один микрорайон как вся наша тряхамудия. Кто из Москвы сюда поедет?

— Не скажи... Жуликов в Москве много.

— Крупные жулики не поедут, а мелким мы бы-

стро по шапке надаем. Тут вдруг губернатор вспомнил, что один швейцарский бизнесмен приглашал его в декабре, накануне католического Рождества, в Альпы покататься на лыжах. «Если выборы зимой, черта лысого куда-нибудь поедешь, по деревням придется кататься, беззубых теток слушать, ядрена вошь, — рассуждал про себя губернатор. — Может, действительно устроить выборы весной, в хорошую погоду, а зимой — в Альпы». Можно, конечно, поехать в Швейцарию и в январе, и в феврале, но в Рождество интересней. Еще по телепередаче брежневских лет «Международная панорама» Пришибенко помнил, что на Западе особо красиво в Рождество. За границу губернатор ездил довольно часто, но ни разу — в Рождество.

— Может, это... и вправду досрочные выборы, — задумчиво произнес Пришибенко. — В конце мая — начале июня... Чего людей мучить неопределенностью.

— Да что такое, почему нет. Тридцатого мая, между маев и июнем, в воскресенье, — радостно запрыгал Павло.

— Ладно, давай... уговорил, речистый, — махнул рукой хозяин Черных Грязей, еще не зная, на что он обрекает себя этой фразой. — Работай с областным собранием.

— С ними все нормально. Это... грится, мое дело.

— Ты в субботу едешь со мной на рыбалку?

— Спрашиваешь... Может, Когатьку взять?.. Пусть на баяне поняряивает.

— Возьми... Только скажи ему не пережирать, а то рыба сдохнет от его перегара.

— Не сдохнет. Мы ему противогаз натянем. Анекдот знаешь... Сын приходит к новому русскому и

говорит: «Батя, был я в школе. Парты все исписанные, с потолка течет, училки старые, а ты говорил — первый класс». Ха-ха. — Губернатор весело заржал.

Семаго сидел в своем кабинете и читал газетки. Близкие партийцы сидели здесь же, изображая умные и заинтересованные лица.

— Ух ты... объявлены досрочные выборы губернатора Черных Грязей! — воскликнул лидер, не отрывая глаз от текста. — Здорово, наверное, быть губернатором этих Черных Грязей.

— Губернатором везде неплохо быть, — заметил Чеховский.

— Может, выставите свою кандидатуру, — тут же среагировал Семаго. — Мы вам поможем.

— Нет-нет, зачем мне эта деревня.

— Александр, что за сnobизм. Будьте проще, людям это нравится. Не надо брезговать Черными Грязюками, тем более что и туда вас никто не приглашает. Помните, что сnobизм подвел друга моего детства Севу Черепахина, который считал себя выше подруги моего же детства Ольги Гольдштейн только потому, что она училась на вечернем отделении экономического факультета, а он на дневном.

— Ну кому нужны эти Черные Грязи. Я как-то мимо ехал на поезде. Вонь и пыль. Никому они не нужны, — не унимался Чеховский.

— Они мне нужны! — рявкнул вождь. — Я туда пойду в губернаторы. Назло вам, Александр Михайлович. Из принципа. Чтобы показать красивую игру, чтобы бороться со сnobизмом, который подорвал отношения Севы Черепахина и Ольги Гольдштейн и подрывает нашу партию.

— Там много сахарных заводов, — заметил Леша по кличке Берия.

— Да-да, — подхватил Семаго. — Много хороших сахарных заводов. Видимо-невидимо. Больше чем в Москве машин. Я назначу вас, Конрад Карлович, управляющим этими заводами. Теперь я знаю, от чего, Конрад Карлович, умрут все ваши родственники — они умрут от диабета, но до того поживут красиво, с размахом. Господин Берия получит телевидение, театры, молодых актрис и кинозалы. Старых актрис мы переведем под начало господина Чеховского, который возглавит детские приюты и дома престарелых. Именно вы будете рассказывать населению, почему денег не хватает на пенсии.

— За что мне такая честь? — серьезно отреагировал Чеховский.

— За то, что у вас гигантская сила убеждения. Почти как у Владимира Ульянова. Но если Ульянов черпал силы у Инессы Арманд, то вам помогает сама природа. Я смотрю на вас и верю каждому вашему слову. Даже я верю.

— А мои какие будут... — Вова Сокол искал нужное слово. — Эти... функции.

— Самые почетные... ты будешь считать деньги... с утра до ночи... с ночи до утра.

— Это мы можем, — дико обрадовался Вова.

— Заметим, чужие деньги... Ты будешь считать деньги, которые имеют местные и заезжие коммерсанты на эксплуатации черногрязской рабочей силы.

— Хорошо бы... — уже не так весело сказал Вова. Чужие деньги он тоже любил считать, но не так, как свои. — Мы вам люди до смерти преданные. Посчитаем все в лучшем виде.

— Вот этого не надо, — мрачно сказал вождь. —

Этого я не люблю. Мне не нужна преданность до смерти. Коммунисты нам морочили голову: «до смерти», «до последней капли крови», отдадим все на благо. А почему, собственно, человек обязан отдать какой-то партии последнюю каплю крови? Почему он не может прийти в партию, потому что живет рядом с ее штаб-квартирой? Просто потому, что пешком пять минут. Или оттого, что нет денег и работы? Ты разве пришел в партию отдавать свою жизнь?

— Ну... — замялся Вова.

Партийцы сникли. Они не представляли, куда клонит патрон.

— Ты пришел в партию делать карьеру, подыматься, расширять свои возможности. Что же здесь зазорного? И не должен за кого-то отдавать жизнь. Не понравится, пойдешь в другое место, на автосервис, например. Или в баню... в женскую. Коммунисты врали. Они уже давно не хотели рисковать ни одним волосом со своих тупых голов, а мычали: «Мы все как один». И чего? Разбежались при первом встречном ветре. Выяснилось, никто умирать не хотел. Ни один человек, ни член Политбюро, ни работяги. Потому что врали. А мы врать не будем. Мне не нужны ни собачья преданность, ни тургеневская любовь. Пусть обычные люди обычно работают, и чтоб у каждого был личный интерес. Вот у тебя есть личный интерес в черногрязской губернии?

— Ну, пока нет... — заблеял Вова Сокол.

— Плохо... Я требую от всех немедленно определить для себя личный интерес в Черных Грязях. И больше никогда не говорите мне о самоотверженности и готовности умереть за общее дело. У нас

нет одного общего дела, у нас есть много разных полезных дел, уяснили?

Партийцы мощно призадумались о личном интересе в губернии Черные Грязи.

Колонна машин числом штук двадцать с загоренными фарами, с воем сигналов на ужасной скорости мчалась к областному центру. Предводитель сидел в головной машине. Он чувствовал себя спокойно и уверенно, прогоняя в мозгу фрагменты предвыборных речей.

Вдруг председательский автомобиль дернулся. Потом дернулась вся колонна, откуда-то сбоку вынырнул велосипедист, едва не ставший причиной дорожно-транспортного происшествия. Семаго пулья выскоцил из притормозившей машины и побежал к велосипедисту, который уже лежал в кювете.

— Подлец, мерзавец! — кричал вождь. — Ты знаешь, кто я такой?

Велосипедист-любитель подавленно молчал. За спиной вождя выстроилась целая толпа приближенных.

— ...Я новый губернатор Черных Грязей. Понимаешь? Понимаешь, что ты сейчас воспрепятствовал моему движению к власти. Ты совершил государственное преступление. По Уголовному кодексу оно приравнивается к шпионажу. То есть ты почти шпион. Но шпионы тайно мешают, а ты открыто, нагло. Это еще опасней. Что будем делать, господа?

— Надо наказать, — крикнул Вова Сокол.

— Думаю, наказание будет суровым. Приказываю расстрелять...

Партийцы ошалели. Велосипедист хохотнул ровно одну секунду — то ли от нервного напряжения,

то ли принял приказ командира за шутку — и потом дико напрягся.

— Приказываю товарищу Берии привести приговор в исполнение.

Вождь едва заметно подмигнул Леше. Тот просек.

Леша по кличке Берия достал из багажника охотничье ружье и мрачно сказал велосипедисту:

— Пошли...

Велосипедист затрясся мелкой дрожью.

— Мужики, вы что... я не хотел. Я за вас... Я сказочно богатый... Я пригожусь.

— Не морочь голову, — отрезал Берия. — Сыпал, что вождь приказал? Давай не теряй время. Пошли за дерево.

Берия толкнул велосипедиста прикладом в спину. Тот затрясся еще больше, но пошел.

— Дайте ему партийную литературу, пусть перед смертью почтает, — проводил осужденного взглядом вождь.

Парню засунули в руку пару брошюр. Он их что было сил сжал.

Зайдя за ветвистое огромное дерево, Леша полушипотом сказал:

— Я вижу, ты неплохой хлопец. Но у меня приказ, понимаешь... Давай-ка аккуратно беги, а я буду стрелять в воздух. Только пригибайся, чтоб не видно было. Книжки не потеряй, почтешь на досуге.

В этот день в скромной русской губернии Черные Грязи без прессы и судей был установлен неофициальный рекорд по бегу на средние дистанции. Велосипедист бежал так, что казалось, его ноги не касаются земли. Он не бежал, а летел. При каждом выстреле в воздух — всего их было три — бегун получал дичайшее ускорение. Партийную литературу он не выпускал из рук, как эстафетную палочку.

— Напрасно мы так, — прохрипел Александр Михайлович Чеховский, — будут неприятности. Люди испугаются, не будут за нас голосовать.

— Люди именно будут за нас голосовать, уважаемый авиаконструктор. Люди давно ждут того, кто может отдать такой приказ. Вы не чувствуете психологии. Этот дурень расскажет свою историю сотням граждан, и всем она запомнится, всем... даже таким неверующим, как вы, а многие скажут про себя: «Эх, жалко, что его не шлепнули». Вы обратили внимание, какие часы носит этот друг? Не обрастили? Плохо. Двойка за наблюдательность. На нем были часы швейцарской фирмы «Лонжин». Не самые дешевые часы.

— Он даже сказал: «Я сказочно богат», — вспомнил Саша по кличке Героин.

— Правильно. В такую минуту человек врать не будет. Поэтому избиратели и внуки деревенской бедноты никогда не пожалеют мироеда — носителя швейцарских часов. Таким образом, правильным решением с точки зрения избирательной технологии стал бы реальный, а не виртуальный расстрел. Но в нашем случае требования избирательной технологии вошли в резкое противоречие с действующим Уголовным кодексом, а мы чтим Уголовный кодекс. По машинам, товарищи. Будем ждать времени, когда вернутся революционные тройки.

— Надеюсь, никогда не вернется, — вздохнул Чеховский.

— Не беспокойтесь, — сказал вождь, — вас как ценного технического кадра не расстреляют. Вас пошлют в лагерь разрабатывать секретный истребитель для наших ВВС.

...Губернатор Пришибенко жутко мучился от поноса. Несло его третий день. Он не понимал, от чего: то ли от фруктов, то ли от чрезмерно жирной свинины, то ли от сырой рыбы, которой угостили заезжие японцы. Но противный факт оставался противным фактом: несло. Именно в момент очередных схваток в области кишечника в кабинете Пришибенко появился шеф департамента по связям с общественностью Павло Коваленко. Появился как всегда не вовремя.

— Павло, я послушал тебя, пошел на досрочные выборы, — еле живой шептал губернатор. — Ты говорил, что конкурентов не будет, так откуда взялся этот сумасшедший Семаго? Где твои социологи? Что они там считали?

Павло почесал шею.

— Семаго серьезной электоральной базы у нас не имеет, — сказал Коваленко, собравшись с мыслями.

— Чего? — встревожился губернатор, услышав незнакомые слова.

— В смысле... никто за него у нас голосовать не будет.

— Не будет... Но что он говорит, что он несет! Он всех до инфаркта доведет. Вчера мой водитель таких историй про него рассказал...

— А то... истории. Я тоже истории могу рассказать.

— Надо его снимать с выборов, пока не поздно.

— Та не надо... шуму будет, если его снимем, газеты московские будут орать. Шо мы его боимся. Ну наберет он три процента. Та на здоровье.

— На чье здоровье? На мое уже не хватит. —

Тут Пришибенко прихватило капитально. Он вскочил и побежал в туалет.

— Ну дык как решаем? — спросил Павло.

Пришибенко не хотелось в такой момент спорить с подчиненными.

— Делай, как хочешь. Пусть этот мудак остается. Только следи за ним в оба.

И губернатор в одно мгновение скрылся в дверь, держа одну руку на животе.

Семаго несло. Его несло по деревням и поселкам черногрязской губернии. Митинги следовали один за другим. Впечатления, которые получали местные жители от общения с вождем, были самыми сильными. Наверное, только впечатления эпохи войны были посильнее. В поселке Ленинские Дети, например, вождь вытащил из бокового кармана фотографию и сказал:

— Вот фото, которое передали мне по секретной связи сегодня утром. Как вы думаете, кто на нем изображен?

Народ напряженно молчал.

— Хорошо, ставлю вопрос по-другому. Где сейчас ваш глава администрации района?

Народ опять-таки молчал.

— Не знаете? Он сейчас в Париже с девчонками развлекается. Вот он на снимке в шикарном ресторане, в смокинге.

Семаго посмотрел на фото Конрада Карловича, которое тот зачем-то подарил ему минут за десять до митинга. Пригодилось фото...

— ...А рожу какую наел ваш начальник, — продолжал лидер, разглядывая фото Конрада Карлови-

ча. — Чистый скот. Перепелок ест с грибами, сволочь...

— Каких перепелок! Я его вчера в райцентре видел. Ни в каком он не в Париже, — раздался голос из толпы...

Этот возглас как раз и нужен был вождю. Он моментально превратился в хищника.

— Пособник! Предатель! — закричал Семаго. — За сколько продался? Сколько он тебе дал из украшенных детских пособий?

— Детские пособия уже год не дают, — зашумели из толпы. — Безобразие! А сами машины меняют каждый месяц!

— И никогда не заплатят... — подхватил Семаго. — Пока одни мерзавцы там в Париже, другие их поддерживают здесь... Ничего не изменится. Так и будет — одни будут менять машины, а наши жены будут менять мокрые от слез носовые платки. Сегодня вечером я дам телеграмму в ФСБ, нашим доблестным чекистам, и вашего главу администрации, виновного в разбазаривании народного добра, арестуют прямо в аэропорту при пересечении границы.

— Ура! — закричал народ. Кое-кто захлопал в ладоши от удовольствия.

— Но вам самим предстоит выявить и задержать тех, кто ему помогал и поддакивал, тех, кто нагло и беззастенчиво морочил вам голову. Вон он стоит, улыбается, ему смешно.

Вождь бросил взгляд на людей, пытаясь увидеть того, кто улыбается и кому сейчас смешно.

— У всех горе, всем не платят пособия, а один улыбается. Значит, ему платят.

Толпа пришла в движение. Стали выявлять тех, кто улыбается и кому было смешно во время выступ-

пления вождя. Возникла перебранка. Потом завязалась легкая потасовка. Семаго тем временем уже скакал на другой митинг. Там он спрашивал собравшихся:

— Где ваш председатель колхоза? Где он сейчас?

Митингующие отвечали:

— Он уехал.

— Никуда он не уехал. Пьянствует третий день со своим дружком губернатором Пришибенко.

— Да они вроде и не дружки, — сомневались деревенские. — Наоборот, ругаются.

— Это они при вас ругаются, а по вечерам гуляют вместе водку и смеются над вами. Сидят в ресторане «Дубрава»... Сколько раз я их там видел.

— Во что страну превратили, — раздавался ропот.

— Правильно, — схватывал Семаго, — их дом — тюрьма. На нарах будут смеяться.

В поселке Красный Партизан приключилась другая история. Там кортеж остановился у автобусной остановки, где скопилось немало граждан. Все они уже два часа томно ждали автобуса, но в стране развивался очередной бензиновый кризис, и автобус не торопился. Наш герой выскочил из «Мерседеса» с ружьем в руках, прицелился в ворону. Шмяк! Ворона разлетелась на куски.

— О... Семаго, — закричали уставшие от ожидания чуда, то есть автобуса, граждане. — В губернаторы идет... Помните, на самолете он летал куда-то в Америку.

— Не в Америку, а в Индию, — спорили другие.

— Товарищ Семаго, — заорал кто-то.

— Тихо, — отрезал вождь, — не вспугните. Дайте-ка мне ее.

Он прицелился еще раз. Зрители напряглись. Выстрел — и еще одной вороны не стало.

Вождь победительно повернулся лицом к остановке.

— Видите, какая меткость! А ваш губернатор Пришибенко умеет стрелять? Не умеет! Кем он в армии служил? Хлеборезом был на кухне. Автомат держал раз в жизни. А я всю жизнь прослужил в разведке. Товарища Луиса Корвалана дважды спасал от верной смерти. А чем же отличился ваш Пришибенко? Уху на рыбалке для секретаря обкома варил и девок мазал медом в бане.

— А нам все равно, нам жизнь хорошая была, — бросил один толстый мужик. Мы за партию колбасы.

— Молодец. Я тоже, — подхватил вождь. — Ты за какую колбасу? Докторскую, телячью или, может, куриную?

— Не знаю... — смущался мужик.

— Вот не может определиться... мучается. Вступай в нашу партию и не будешь мучиться и на колбасу всегда заработкаешь. Стой, мамаша, куда тащишь петуха, — крикнул вождь бабе, которая, запыхавшись, прибежала на остановку с живым петухом в клетке.

— На базар, — ответила та.

— Покупаю. Пятьдесят баксов наличными. Вас, мамаша, устроит?

Через несколько мгновений удивленная баба держала в руках бумажку с изображением покойного американского президента.

— Выпускайте петуха, мамаша. Люди хотят видеть.

Вскоре люди увидели, как выпущенный из неволи петух пытался перейти дорогу в неподложенном

месте и вызвал переполох среди водителей — вождь разнес его в клочья метким ворошиловским выстрелом. Публика обалдела. А вождь пояснил:

— Вот винтовка. Красавица... Отечественное производство. А Итальянцы умеют делать такие винтовки? Никогда. Одни разговоры. Почему же мы живем так плохо? Одни такие винтовки можно продавать и жить припеваючи. Ничего больше не делать. А мы винтовки продаем? Нет. Почему? Потому что везде такие, как ваш Пришибенко, а вы еще за него голосуете. Ужас... Жить не хочется...

Семаго долго еще говорил. Содержание его речи точно передать невозможно, но общий смысл был прост — губернатором Черных Грязей должен стать именно он. Тем временем настоящий губернатор господин Пришибенко речей почти не произносил, ибо пребывал в сквернейшем расположении духа. Каждый день ему доносили о художествах вождя консерваторов на вверенной ему, Пришибенко, территории, и эти доносы дико давили на психику. А еще на психику давила одна мысль: черт дернул послушать дурака тестя и согласиться на досрочные выборы. Если бы не родство, губернатор бы лично удавил этого психолога-социолога. Так все было тихо-спокойно, и на тебе... получай подарок. Поэтому, когда тесть пришел с новой инициативой, Пришибенко еле сдержался.

— Мы нашли интересную информацию, — шептал родственник, — оказывается, мигалка у него на машине без разрешения. Надо бы остановить и с позором снять. Показать, что он аферист.

— Надоел мне этот цирк, — кипел губернатор, — ох как надоел.

— Мне тоже он надоел. Мы его проучим. Я с на-

чальником ГАИ договорился, он лично будет его тормозить. А еще надо дать ему бой на теледебатах.

— Какие еще теледебаты, — зарычал во все горло губернатор, — к ё... матери все дебаты. Посажу к черту.

— Не надо рогатого всуе поминать. Верующие обижаются. А дебаты нужны. Как в Америке. Там это главное.

— Там, может быть, главное, а у нас главное, кто кого за яйца сильнее схватит. Понял?

— Не совсем так, — промямлил родственник, — тут сложнее. Тонкая шутка. В общем, я все организую.

— Организовывай что хочешь, — махнул рукой Пришибенко. — Коньяку мне вон из той бутылки налей и организовывай.

Пришибенко поймал себя на мысли, что всякий раз, когда он собирается задать порку своему родственнику, затея эта проваливается. А почему, неясно... Дьявольщина какая-то.

...Вольфрамович тихо дремал в машине. Очнулся он от очень мягкого похлопывания по плечу. Хлопал водитель, который, тяжело дыша краковской колбасой и вчерашней водкой, сбивчиво докладывал обстановку.

— Там это... Разрешение на мигалки просят. Остановили нас. — Вождь уныло зевнул.

— Ну дай им сто рублей.

— Не берут... Злятся очень. Говорят, что арестуют.

— Кого арестуют? Как можно арестовать солнце? Аферисты. — Семаго выполз из лимузина. Во-

круг стояла куча милиционеров и дикое количество правоохранительных машин.

— В чем дело, граждане? — спросил Семаго, чувствуя, что дело не совсем случайное. — Из тюрьмы сбежал особо опасный преступник или арестовали Генсека ООН?

— Предъявите разрешение на пользование спецсигналами, — жестко сказал стоящий в центре милицейской толпы немолодой человек с жезлом в руках. На плечах мужика блеснул генеральский погон. Вождь понял, что это серьезная засада.

— Сволочи, мерзавцы, подонки! Генерала, заслуженного человека, заставили как простого инспектора по дороге бегать, палкой махать, — возмутился Семаго. — Где это видано?! Сами сидят по теплым кабинетам, секретарш по сиськам гладят, бразильский кофе пьют, сигары кубинские курят, а человека заставили на дороге стоять, унижаться перед личным составом. Скоты, а...

— Зато когда к ним придешь, попросишь что-нибудь, — вдруг подхватил генерал, — не для себя попросишь, для дела, у них никогда нет денег. На машинах на каких ездим?! Можно на «Жигулях» бандита сейчас догнать? Бандиты сейчас все на джипах. Или взять наше здание, в нем ремонта пятьдесят лет не было. Только фасад год назад покрасили. По копейке выбивал на фасад.

— Вот именно, по копейке... А они миллионы уже устали считать. Один ваш деятель на даче под Москвой крытый каток построил, полностью, по олимпийским стандартам, чемпионаты можно проводить. Люблю, говорит этот мерзавец, фигуристок.

— Это кто же у нас такой шустрой? — напрягся милицейский чин.

— Не буду фамилию вслух... А то, знаете, если хватает денег на каток и фигуристок, то хватит на винтовку с оптическим прицелом и на биатлониста.

— Интересно... — произнес генерал задумчиво и потом вдруг словно пришел в себя, вспомнил, зачем он, собственно, здесь находится: — Вы это... все-таки разрешение предъявите... Есть у вас разрешение?

— Генерал Федоров до сих пор держит. Говорит, не буду передавать через курьера, иначе ты, Володя, ко мне на рюмку водки не заедешь. А мне некогда, сплошные выборы, будь они неладны. Позвоните Федорову, он подтвердит.

Звонить высокому московскому начальнику черногрязские менты, конечно, не стали. Объяснение они сочли убедительным.

— Значит, так и напишем в протоколе, — громко для своих приближенных сказал чин, — разрешение находится у товарища Федорова в Москве.

— Именно так, — заорал вождь, — именно у товарища Федорова в кабинете, во втором ящике стола, если считать снизу. В синей папке.

— Хорошо, можете ехать, — опять же громко произнес генерал, а потом, отведя Семаго чуть в сторону, добавил шепотом: — Вы поосторожнее, они сейчас могут на все пойти. Многие люди вас поддерживают, но не могут сказать об этом открыто. Сами понимаете.

— Понимаю, — с чувством качнул головой Семаго. — Держитесь, товарищи. Им осталось недолго. У нас генералы будут делать то, что они должны делать — командовать, руководить подчиненными. Что бы было, если б Сталин во время войны бегал в атаку с гранатой в руках? Кто бы тогда сидел на Тегеранской конференции?

Упоминание о Сталине немножко взволновало генерала и добавило ему раздражения от собственного унижения. Генерал, конечно, понимал, что войну выиграли потому, что Stalin сидел в кабинете, а не бегал с гранатой. От всего накопившегося генерал смачно харкнул и заявил следующее:

— Тыфу... Едрена мать, пидаresы.

После провала операции с мигалками губернатор окончательно разозлился на родственника и велел секретарю не соединять с ним. Тем не менее родственник как мог продолжал руководить предвыборной кампанией. Вторая его гениальная задумка — теледебаты — осуществилась в срок. На дебаты явились все кандидаты, кроме, конечно, действующего губернатора Пришибенко. Тот сидел на даче у телевизора и злобно матерился.

Дебаты начались вяло. Соискатели по бумажке один за другим излагали свои программы, рассказывали, как они принесут счастье в губернию, насадят райские сады, выроют королевские пруды, выплатят всем министерское жалованье. Очередь дошла и до вождя. Тот, естественно, церемониться не стал.

— Кто эти люди? — заявил вождь. — Кто собрался за этим столом? Кто здесь претендует на власть? Вот вы, полковник, читали хоть один закон в жизни...

Один из кандидатов, военный с красным лицом, командир полка, покраснел еще больше.

— Нет, не читал, — продолжал Семаго. — Что вообще кроме устава караульной службы читал?! Ничего! А какие сражения выигрывал? Под Аустерлицем или под Курском?! В Архангельском, в сана-

тории, с процедурной медсестрой — вот и все твои сражения. Радовался распаду страны, мерзавец? Ждал новых звезд за предательство?

— Что? — рассвирепел полковник. — Да я тебя...

— Вот, — взвился Семаго, — угрожает, все слышали угрозу? Прошу зафиксировать. Только что угрожал убийством. Все слышали, сотни тысяч людей слышали в прямом эфире. Изберите его, он всех в армию заберет, даже стариков семидесятилетних! А если изберете колхозника, то он засеет все кукурузой, как Хрущев, и все деньги истратит на семена.

Один из кандидатов — председатель колхоза — закашлял и заерзal на пластмассовом стуле...

— И все равно вы будете голодными, никакие семена не помогут, потому что все украли, все... А главный ваш вор — губернатор — даже не пришел сюда. Он не хочет с нами разговаривать. Он боится наших аргументов. Потому что на складах все есть, но они не хотят ничего давать. Ничего... По нашим подсчетам, там уже сейчас каждому жителю губернии можно бесплатно выдать два холодильника «Минск» и два телевизора «Горизонт». Повторяю, два холодильника и два телевизора. Бесплатно...

— Откуда у вас такие данные? — спросил взъявленный ведущий теледебатов.

— Откуда данные? Поедем посмотрим склады. Склады забиты. Некуда девать продукцию. Но они лучше уничтожат все, под бульдозер пустят, чем раздадут людям. И еще у нас замечательные связи с китайцами, завезем сюда миллион китайцев в качестве рабов.

— Кого? — воскликнул председатель колхоза.

— Рабов. У вас что со слухом? В Китае полтора миллиарда ртов, девать некуда. Каждому жителю губернии я дам по пять китайских рабов. И тем хорошо, они погибают там, у себя, и вы, наконец, начнете жить как люди. Китаец — повар, китаец — водила, два китайца работают на приусадебном участке, один стирает. А русские курят на балконе, книжки читают, Достоевского, Толстого...

— А где же они жить будут, у нас у самих квартиры-то какие? — сказал ведущий.

— Опять неправильное понимание, — возмутился вождь. — Чувствуется, у вас не было рабов. Кто же их поселит в квартире? Они будут жить в картонных коробках на улице. Они же неприхотливые. У них канализации никогда не было. Не то что вы, привыкшие к теплым сортирам.

Павло Коваленко позвонил губернатору Пришибенко.

— О, слышал, что он сейчас сказал, про телевизоры и китайцев... Вот идиот. Он разоблачил себя, теперь ясно, кто он такой. Все теперь поймут. Не зря мы дебаты устроили. Попался на крючок, — торжествовал Павло.

— Ладно, — вяло отвечал Пришибенко, — поеду сейчас на квартиру, чего-то надоело на даче валяться. Звони.

Губернатор вышел из дома. На улице около машины курили водитель и охранник. Шефа они не заметили.

— А что, — говорил охранник, — китайцы ребята трудолюбивые и выносливые. Я на границе служил, они по снегу в кедах бегали и в куртке. А мороз...

Пришибенко залез в машину и со злости шлеп-

нул дверцей так, что у охранника чуть сигарета не вывалилась изо рта. Но Пришибенко не поехал на квартиру, как обещал Павло. Он приехал в свой кабинет и совершил там главную, непоправимую ошибку в своей жизни. Потом он не раз вспоминал тот день и не мог даже сам себе объяснить, какие злобные силы потащили его за рукав в бездну. А сделал Пришибенко вот что. Он вызвал всех своих замов и своего родственника Павло и объявил им, что после выборов они все увольняются. При этом объявление губернатор орал и топал ногами. Со стороны казалось, что он сошел с ума. Замы не просто были потрясены, они физически на восемьдесят процентов умерли. Особо досталось Павло. Пришибенко наконец-то сказал все, что он думает о тесте и его социальных экспериментах. Опорожнившись, губернатор коротко и емко подытожил:

— А теперь пошли на х...

После того как соратники вышли, Пришибенко вызвал директора местного телевидения с камерой и сделал заявление насчет массовых увольнений в своей администрации. Ему пришлось пропускать матерные слова-связки, поэтому речь оказалась немного сумбурной. Но зато понятной.

Приказав крутить это заявление каждый час по ящику, губернатор уехал опять на дачу, пить горькую.

Больше его никто не видел.

Оставшееся время перед выборами чиновники губернии Черные Грязи провели в странном смятении. Они строили догадки насчет того, что же стряслось с Пришибенко. Одни утверждали, что он просто перепил, другие считали, что получил некое секретное указание из Москвы, третья были уверены,

ны, что он просто скотина и решил поиздеваться над аппаратом. После бесконечных созвонов и ночных встреч чиновники решили переговорить еще раз с губернатором. Они набрали его номер телефона, но горничная ответила, что сам отвечать не в состоянии. «Он устал», — сказала она. Чиновники окончательно потеряли надежду на будущее, и тогда один из замов — хитрый молдаванин по фамилии Крецу — предложил выход: договориться с кем-то из других кандидатов и попросту кинуть Пришибенко. Но с кем договариваться? Военного отмели сразу — слишком тупой и любит командовать. Председатель колхоза не подходит — все деньги заберет в свой колхоз. Учительница не в счет — пустое место, за нее никто не проголосует. И тогда Крецу предложил тайно встретиться с Семаго. Сначала все были против. Семаго смотрелся слишком экстравагантно. Но после всяких рассуждений о безрыбье решили все же встретиться.

Встреча потрясла чиновников. Перед ними сидел тихий, задумчивый, даже чуть-чуть застенчивый человек, совсем не монстр и не мастер выходок. Этот человек мыслил ясно, предметно и почти через каждую минуту выдавал афоризм. Особенно понравилась черногрязским деятелям мысль о том, что державность проявляется, когда держишь что-то в руках. Но самым главным было видение вождем консерваторов сути работы губернатора. Губернатор, по идее Семаго, не должен заниматься хозяйством. Он должен ездить по городам и поселкам и разговаривать с людьми, чтобы потом мысли людей передавать чиновникам. Губернатор не должен лезть в бытовые мелочи, он — идейный учитель типа Хомейни в Иране. «А в своих делах вы сами разбирай-

тесь», — добавил очень важную фразу Вольфрамович. Еще в конце беседы он сказал, что настоящая его цель, конечно, не Черные Грязи, а своя фракция в Госдуме и избрание президентом республики. Схема «мне — стартовая площадка для полета моих политамбиций, вам — ваша деревня» понравилась. Тайный совет во главе с Крецу теперь знал, кого поддерживать на выборах.

Победа Семаго была блестящей. Народ захотел рабов-китайцев и дармовых телевизоров. Начальство не мешало народу. Пришибенко в день выборов валялся на даче и даже сам за себя не пошел голосовать. В два часа ночи послевыборного дня Павло Коваленко позвонил своему родственнику и объявил ему срывающимся голосом, что все кончено — выборы провалены. Пришибенко был пьян и ничего не понял. Он понял, что произошло нечто, когда утром впервые за долгие годы за ним не приехал водитель, а до начальника гаража не удалось даже дозвониться. Пришибенко включил телевизор и осознал, что... конец. В первую секунду он хотел повеситься, а затем ему бешено захотелось жрать. Он навернул две тарелки борща под водочку и немножко успокоился. Тем временем по улицам Черных Грязей носился великий комбинатор и обнимался со своими поклонниками и поклонницами. В заброшенной губернии начиналась новая жизнь.

Глава 5

У бождей
запечатленей
не бываєт

В кабинете губернатора Черных Грязей собрались самые близкие партийцы.

— Ну что, — обвел орлиным взором Вольфрамович свою рать. — Как самочувствие? Что показал первый месяц власти? Домой в Москву не хочется? К девочкам от Версаче...

— Все, что здесь пока происходит, — форменный саботаж! — воскликнул Конрад Карлович, который получил от вождя должность советника губернатора по общим вопросам. — Местные хихикают над нами, считают нас идиотами. Фактически ни одно наше указание не исполняется. Даже служебную квартиру для меня не освобождают, живу в гостинице как бомж.

— Бомжи живут на вокзалах, — заметил Семаго, — а в остальном наш ветеран Конрад Карлович прав — на местном празднике жизни мы пока чужие. Что предлагаете делать, уважаемое собрание?

— Надо всех их поснимать к чертовой матери! — заорал Конрад Карлович — Всех до единого. Издеваются, сволочи... Даже служебную квартиру не освобождают, живу в гостинице с тараканами.

— Ну поснимаете вы всех, а кем заменим? — возразил Александр Михайлович Чеховский. — Местные знают хозяйство, а мы с вами его не знаем.

— Какое они знают хозяйство? — заорал Карло-

вич. — Не смешите мои ботинки. Как тащить деньги из бюджета, они знают. Служебную квартиру не освобождают, сволочи.

«Какой молодец старик, — отметил про себя Семаго, — голос подает. Моя школа!»

— Вы надоели со своей служебной квартирой, — ответил Чеховский. — Нам незачем слушать про вашу квартиру.

— Повежливее, любезный, — сорвался Карлович.

— Не называйте меня любезным, я не халдей.

Семаго улыбался. Ему нравилось, когда подчиненные ругались при нем. Затем он взял слово.

— По большому счету, вы оба правы, но по тому же счету вы оба не правы. Прав наш верховный визирь Конрад Карлович, что нас здесь бортуют. И действительно надо что-то делать. Но полностью ломать аппарат нельзя, ибо аппарат — это инструмент, а инструментом надо уметь пользоваться. Бюрократия будет служить любому, кто ее правильно поймет. Изнутри поймет. — Вождь добавил металла в голосе. — Мы должны не разгонять их, а заставить работать на нас, перевербовать. Для этого нужно сначала испугать. Для испуга делается показательная порка. Мы должны прилюдно порвать человека, которого местная бюрократия считает сильным. В стране, где сорок миллионов за последние сорок лет прошли через тюрьмы, знают, что авторитетом можно стать, только публично сломав своих конкурентов, оторвав им башку. Кому мы оторвем башку здесь, в Черных Грязях? Кто первая жертва аборта?

— Пришибенко, — закричал Вова Сокол.

— Мысль в общем здравая, — оценил Семаго, —

но проблема в том, что Пришибенко сегодня не играет никакой роли, он человек из истории, и чиновники уже не считают его фигурой. Нужно долбнуть матерого, кого сейчас ненавидят и боятся. Неважно здесь нет местного Чубайса? Не верю...

— Есть, — включился в разговор Алексей по кличке Берия. — Такой человек есть. Это коммерсант по фамилии Кислярский. Он владеет тут самым крупным сахарным заводом.

— Не только заводом, — подхватил Конрад Карлович. — У него еще гостиница «Интурист», строительная фирма, магазины... Кислярского действительно боятся.

— И не любят, — добавил Алексей. — Он не местный, гражданин четырех стран. И ловко так все захватил, пользуясь местной ленью. Держится в тени.

— Значит, Кислярский, — задумчиво произнес вождь после паузы. Фамилия для акта устрашения подходящая. К тому же сахарный завод нам пригодится — деньги революции нужны. Предлагаю обсудить план операции.

В назначенное время г-н Кислярский вошел в кабинет Семаго.

— Здравствуйте, много слышал о вас, — начал Вольфрамович, пожав руку.

— Я тоже, — сладко улыбнулся Кислярский.

— Прекрасно, значит, нам не придется терять время на церемонии. Хочу представить вам моих боевых товарищess.

Семаго кивнул на стол, за которым восседали с мрачным видом партийцы.

— Конрад Карлович — шеф партийной службы

безопасности, он же по совместительству вице-губернатор. Чеховский Александр Михайлович — шеф партийной разведки. Алексей по кличке Берия, руководит атомным проектом партии.

— Атомным?.. — воскликнул Кислярский.

— Да, атомным, — строго повторил вождь. — Саша Героин. По кличке понятно, за что отвечает. И наконец Вова Сокол, начальник партийной тюрьмы.

Сытая физиономия Кислярского покрылась первым потом. Он явно занервничал, предчувствуя нехорошее. И не ошибся.

— Мы пригласили вас сегодня, чтобы предложить вам два варианта на выбор.

— Я слушаю вас, — тихо произнес коммерсант.

— Вариант первый. Начальник нашей партийной тюрьмы Вова Сокол забирает вас прямо отсюда из моего кабинета и везет во вверенное ему заведение, где вам уже подготовлено сырое размером два на три метра помещение без окон. Там он вас лично начнет бить. Вообще-то он давно не был заключенных лично, у него высокий статус. Но, учитывая наше внимание к вам, он будет бить вас именно лично, никому не передоверяя столь важное дело.

В этот момент Вова Сокол заржал как конь. Остальные партийцы согласно сценарию напряженно молчали. У Кислярского затряслись губы.

— ...После этого Вова Сокол сорвет с вас ваш дорогой костюм. Костюм, кстати, от Мюглер?

— Да, — с ужасом отвечал собеседник.

— Видите, как я сразу понял. Хороший костюм, очень хороший, жалко рвать.

— У пчелки жалко, — загоготал Вова Сокол.

— Правильно. Первую ночь вы переночуете аб-

солютно голым на цементном полу, и на следующий день уже другие люди, не сам Вова, будут вас опять... что делать... правильно... бить. И никаких адвокатов. Забудьте эти гнилые пережитки капитализма. И в принципе, вас никто не видел. Кто вас видел? Никто. Нас спросят: когда вы в последний раз видели Кислярского? Мы скажем: не видели мы никакого Кислярского. Зачем он нам нужен, этот Кислярский? Мы не можем следить за каждым Кислярским в нашей стране, ибо все Кислярские рано или поздно уезжают в Израиль. Нас спросят: где Кислярский? Мы скажем: отстаньте, наверное, в Израиль сбежал. Вы думаете, моя секретарша вспомнит, что вы ко мне приходили? Никогда в жизни. Думаете, милиционер на входе вспомнит? Никогда. Он вообще ничего не помнит, кроме фамилии начальника.

Кислярский неожиданно побежал к двери. Он почти потерял контроль над собой. Но, увы, дверь оказалась заперта.

Хозяин самого большого сахарного завода в губернии Черные Грязи напрасно тряс ручку массивной двери.

— Подождите, — властно сказал вождь, — вы же еще не услышали нашего второго варианта. Как можно уйти, не услышав нашего второго варианта! А вариант этот следующий. В моей приемной сейчас сидят юрист и нотариус со всеми необходимыми бумагами, а также два молодых коммерсанта, много лет надежно связанных с партией почти семейными узами. Сейчас все вместе они заходят и покупают вашу долю в сахарном заводе и в гостинице «Интурист». Мы подписываем документы, пьем шампанское в честь сделки. Все, естественно, снимается на камеру, чтобы недоброжелатели не обвинили нас в

оказании давления. Потом вы спокойно едете домой. Я, правда, думаю, что после этого вы покинете губернию, но это дело сугубо личное, я здесь ваши планы не вмешиваюсь. Хочу сразу предупредить, что наши предприниматели — люди небогатые и пока не могут заплатить большие деньги. Через какое-то время, может, разбогатеют и тогда заплатят настоящую цену, а теперь... дадут тысяч пять долларов и то не сразу.

— Послушайте, но это... — Кислярский осекся, подыскивая нужное слово, — но это... мало.

— Торг здесь неуместен, — решительно заявил Конрад Карлович.

«Ай молодец, — отметил про себя Семаго. — Прямо Немирович-Данченко».

Кислярский прекратил торг и почему-то выбрал второй вариант.

Как и обещал вождь, немедленно ворвались в кабинет молодые предприниматели, которым когда-то Семаго помог получить торговые точки во Дворце спорта, юрист, нотариус и парень с видеокамерой и фотоаппаратом. Церемония заняла не более двадцати минут.

— Побольше улыбайтесь, — шептал на ухо Кислярскому Семаго, — камера это любит. Видеокамера, — подчеркнул он многозначительно.

После распития бутылки шампанского за успешную сделку Кислярский вылетел из здания администрации со скоростью света. Он не чувствовал ног, а его тучное тело потеряло вес. Он не сел в свой «Мерседес», а поскакал по улице. Где-то метров через пятьсот-семьсот черногрязский олигарх остановился и, озираясь по сторонам, купил мороженое в киоске и прямо у киоска его съел.

...Вождь сидел у себя за письменным столом, когда позвонил взволнованный Вова Сокол.

— Шеф, — кричал он в трубку, — этот козел собирает через час пресс-конференцию. По радио только сейчас передали. Говорят, расскажет о беспределе новой администрации.

— Что за козел? Выражайтесь культурно. Совершенно невозможно — вся страна на фене разговаривает. Осваивайте интеллигентный русский язык — язык Пушкина, Толстого, Паустовского.

— Ну Кислярский...

— Без ну... Говорите нормально. Господин Кислярский, мол, испытывает судьбу, играет с огнем, ходит по тонкому льду. Вот так надо изъясняться. Пресс-конференцию решил собрать? Где?

— В Доме офицеров.

— Очень хорошо. Гражданин Кислярский вместо нас проводит рекламную кампанию новой администрации. После его рассказов нас реально начнут здесь бояться. Если мы сами будем рассказывать, какие мы страшные, в это никто не поверит. Скажут — блефуют. А Кислярскому поверят — его тут хорошо знают.

— Так что же делать? — спрашивал Вова Сокол.

— Ничего. Радоваться, что в стране много дураков и, стало быть, с каждым новым дураком наши шансы увеличиваются.

Кислярский действительно собрал пресс-конференцию в Доме офицеров. Людей в зале было очень много — даже мест всем не хватило. Журналисты ждали жареных фактов. Кислярский нервничал, потел, невнятно и долго пояснял. Суть дела он раскрыть побоялся, а все время говорил о беспределе, о давлении на предпринимателей, об угрозе бизнес-

су. В самый разгар мероприятия в зале появился красавец Вова Сокол в белом костюме и с безупречным пробором на башке. Вова проследовал прямо на сцену, с мобильным телефоном в руках. Увидев Сокола, Кислярский на мгновение онемел, ему даже показалось, что у Вовы пистолет, который сейчас выстрелит.

— На, — сказал представитель партии, протягивая мобильник, — поговори: важная тема.

— Вы что, не видите... у меня пресс-конференция, — шепотом сказал олигарх.

— Даже если у тебя эрекция, все равно поговори.

Кислярский потной рукой сжал телефон и услышал голос, который впоследствии не мог забыть.

— Какой вы странный человек. Вы все-таки упорно выбираете вариант номер один, — говорил вождь.

— Я... я, — мычал Кислярский, — я ничего не выбираю.

— У меня есть знакомый биатлонист. Парень сидит без работы. Не найдется у вас какой-нибудь работенки для него? Жалко парня. Ничего в жизни не умеет делать. Только стрелять и убегать. Не возьмете?

— Какой биатлонист? При чем тут биатлонист? Я не понимаю, — шептал Кислярский.

— Ладно, придется мне его трудоустраивать. Начнем с небольшого поручения, потом возьмем в штат. Если, конечно, покажет себя.

— Зачем вы говорите со мной о биатлонисте? При чем тут биатлонист?

— Что значит при чем! — орал вождь. — У меня знакомый биатлонист. Отличный парень. Без денег сидит. Я же не могу его бросить. У него семья, двое детей, куда я его дену. Вы его к себе не берете, зна-

чит, я возьму. Я же не допущу, чтобы он с голоду помирал.

— Чушь какая-то, — произнес Кислярский, отдавая мобильный телефон гонцу.

Он неожиданно вскочил и, бормоча себе под нос что-то вроде «Мне надо... срочно», покинул пресс-конференцию. Кислярский не просто убежал с пресс-конференции, он уехал из губернии. Миновав на дороге красочное панно с надписью «Черногрязская область», Кислярский перекрестился, на радостях дал гаишнику сто долларов и поскакал на бешеной скорости в сторону Первопрестольной. Там, среди миллионов довольно деловых людей, он рассчитывал надежно затеряться.

В то время, когда поруганный олигарх маниакально двигался по направлению к Москве, в приемную Семаго пришел Александр Михайлович Чеховский. Он чуть расправил с помощью расчесочки свои пышные брови и шагнул в кабинет начальника. Вождь был немножко расслаблен, галстук у него болтался. В кабинете еще присутствовали молодые предприниматели, осчастливленные сахарным заводиком Кислярского. На столе лежал кейс.

— Я хотел бы доложить, — начал Чеховский.

— Не надо докладов. Все доклады потом. Идите лучше сюда.

Семаго подвел Александра Михайловича к кейсу и открыл его. Кейс оказался тую набит пачками американских денег.

— Ах, какой запах, — принюхался вождь, — свеженький... Вчера из Вашингтона. Здесь миллион...

Александр Михайлович потрясенно молчал. Он никогда не видел таких денег. Впрочем, сумм в десять раз меньше он не видел тоже.

— Посчитайте их, — сказал Семаго. — Давайте, давайте. Возьмите в руки и посчитайте. Что смотрите на меня, посчитайте наши партийные доходы!

Чеховский стоял как парализованный.

— Что, не можете даже посчитать, — не унимался вождь. — Им уже лень считать. Они не только заработать не могут, но и посчитать не в состоянии. Посмотрите, как это делается.

Вольфрамович схватил пачку и принялся подсчитывать.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Красавцы какие... А запах! Понюхайте, Александр Михайлович. А поверхность у баксов такая ребристая... интересная поверхность. Так, двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три... А вот вы, Александр Михайлович, возьмите пару таких бумажек, причем вонючих, с кавказских рынков, от пропахших потом палаточников, и радуетесь. Признайтесь, радуетесь? Вонючим, бэушным долларам радуетесь? Полученным от конченых говнюков долларам радуетесь? Знаю, радуетесь. Потому что вы, Александр Михайлович, мелкий человек. Смешной, мелкий, убогий, ничтожный человек. Вы взяточник, Александр Михайлович. Мелкий, мельчайший взяточник. Вы никогда не сможете мыслить масштабно, глобально. Но вы можете быть всегда с партией и тогда, только тогда вы получите шанс. Идите.

В глазах Чеховского стояли слезы. Не проронив ни звука, он вышел. Семаго закрыл кейс и поставил его под письменный стол.

После операции с Кислярским вес новой администрации вырос. Ее почти перестали ругать в местных газетах. Чиновники прекратили шутить в ку-

рилке насчет губернатора. Притихли бизнесмены в ожидании неприятностей. Евреи, понятное дело, стали ждать всплесков антисемитизма, мусульмане — облав на рынках, криминал — преследований со стороны чекистов, русские мужики — повышения цен на водку, пенсионеры — задержек с выплатами пенсий. Единственное, чего не ждали от новой администрации, так это детских пособий — их и раньше никогда не выплачивали.

Помимо ударов по олигарху, Семаго принялся воспитывать тех представителей старой администрации имени Пришибенко, которых он оставил на службе. Вообще вождь не торопился с заменой людей, понимая, что партийцы еще слабы, чтобы грамотно верховодить областью. Учить жить «буржуазных специалистов», доставшихся от Пришибенко, вождь стал как всегда нестандартно. Например, распорядился вынести из кабинета вице-губернатора Морисова большой аквариум с рыбками. Дело в том, что Морисов отличался большой любовью к аквариумам. У него везде — на квартире, даче, в кабинете — были рыбки. Эту слабость знала вся область. И когда рано утром из здания администрации двое работяг выносили вице-губернаторский аквариум, чиновники перепугались — не арестовали ли самого Морисова. Оказалось, не арестовали, но аквариум забрали и передали в детский дом. Ходили слухи, что возбужденный Морисов бегал к губернатору, но выскошил от него еще в большем возбуждении. «В бюджете не предусмотрено денег на рыбок, — холодно сказал Морисову вождь. — Кстати, и на птичек тоже». Заму Люлькину Семаго перестал за казенный счет оплачивать мобильный телефон. «Как так, — пробовал возмущаться Люлькин, —

я же не с любовницами болтаю, я по работе разговариваю». — «Руководитель, который не может сам заплатить за мобильный телефон, вызывает у меня подозрение, — сказал ему вождь. — Не заработать на мобильный телефон на вашей должности значит быть круглым дураком. А круглые дураки профнепригодны для работы со мной». Люлькин обмяк, профнепригодным он быть не захотел.

Еще Вольфрамович отличился мощной речугой, которую толкнул в прямом эфире местного телеканала. Спич напугал черногрязцев лишь чуть-чуть меньше, чем сталинский приказ «Ни шагу назад» и павловское изъятие сторублевок. Дело было при вручении золотых медалей выпускникам школ. Мероприятие обставили чрезвычайно торжественно — с оркестрами, слезами счастья родителей и, конечно, под телекамеры. Губернатор начал свое выступление с воспоминаний детства — о матушке и отце Вольфраме, открывшем один из элементов таблицы Менделеева и воспитавшем достойных учеников — Королева и Курчатова. Потом вождь вспомнил о своей трогательной детской дружбе с Анатолием Карповым — будущим шахматным королем. Правда, здесь Семаго слегка запутался — сначала сказал, что играл он с маленьким Карповым в лапту во дворе в Челябинске, а спустя две минуты уже упоминался Свердловск. Но, в принципе, никто на это не обратил внимания. По крайней мере, вида не подал. Затем вождя понесло уже в историю государств и цивилизаций. Вот тут началось самое интересное.

— В любом учебнике вы прочитаете, что славяне селились в устьях рек. И это считается хорошо. На самом деле это глупо. Чудаки были наши предки.

Нормальные люди селились у теплых морей. Там хорошо, тепло, там мореходство, торговля, обмен, вина, морепродукты, креветки, лобстеры. Там йодистые соединения, дико полезные для здоровья. Самые мощные цивилизации возникали у теплых морей и океанов. А мы осушаем болота и осваиваем Север. Зачем мы осваиваем Север? Губим людей, вместо того чтобы делать там только вахтовые поселки. Полетел туда как на космическую станцию и вернулся. Двигаться надо на юг, где тепло. Вот Петр I потянул нас на север, к холодному Балтийскому морю. Разгромил великую шведскую империю. Зачем разгромил? Кому мешали шведы? Тихие, забитые, тормознутые люди эти шведы. Кому они мешали? Только англичанам, у которых у самих была империя. И англичане русскими руками разгромили конкурентов-шведов. Поэтому англичане любят Петра, даже памятник они ему в Лондоне поставили. Мне они памятник поставили? Нет, ибо меня они боятся. Петр в итоге сработал на англичан, а надо было стравить англичан и шведов и ослабить и тех, и других, но для этого надо иметь интеллект. Мой интеллект. А не шастать по полковым прачкам. А Петербург? Кому он нужен? Город на костях и болотах. Постоянно туман... Погода отвратительная... Проклятые англичане... А публика вокруг Петра! Сплошь шпионы. Возьмите этого... Лефпорта. Чем он занимался, этот Лефорт? На кого работал, сволочь?

Далее вождь помянул добрым словом царицу Екатерину II, назвав ее «неглупой немкой, отвоевавшей Крым». Николая II отругал за излишнюю любовь к жене и дочкам и ненужные для России войны с Германией и Японией. «А революционеров

надо было, мерзавцев, повесить еще в 1905 году и никаких конституций», — четко заявил Семаго. Сталина он в общем похвалил за то, что тот захватил полмира и чуть было американцев не достал в Корее. «Хитрый был грузин, — загадочно заключил Семаго и добавил: — Один грузин накопил богатство, а другой грузин — Шеварднадзе — пустил его по ветру. Вся советская история — разборка между грузинскими авторитетами. Всеми этими Бериями, Сталиными, Орджоникидзе, Шеварднадзе...»

Коснувшись современности, вождь перешел на полуматерные ругательства, чем вызвал искреннее понимание аудитории.

Закончил свою историческую речь вождь исторической фразой: «Дружба может быть только между людьми, а между государствами и политиками может быть только конкуренция».

Присутствующие и телезрители еще долго переваривали. А один лысый дядька в сером костюмчике старого советского покроя с пафосом произнес:

— М-да, пора в учебники правку вносить. Устарели учебники...

Семаго тут же среагировал:

— Кто сказал, устарели учебники?

— Я сказал, — испуганно после тяжелой паузы ответил дядька.

— Вы кто такой? — сурово спросил Вольфрамович.

— Редькин, — голос дядьки дрожал. — Зам председателя комитета по образованию областной администрации.

— Редькин, — грозно протянул вождь. — Моло-дец, Редькин. Соображаешь. Единственный, кто сделал правильные выводы. Назначаю тебя с этого мо-

мента председателем комитета по образованию и одновременно моим заместителем. Срочно подготовьте приказ.

— Спасибо, — сказал одуревший от счастья Редькин. — Рад работать с вами.

Вот она, судьба чиновника в России! Еще минуту назад что-то ляпнул невпопад и, казалось, мог лишиться должности. Ах нет! Полный наоборот получается. Выясняется, что правильно ляпнул и в самый нужный момент.

— Выпустим специальную книгу-пособие, откроем людям глаза, — развивал успех Редькин. — Полгода работы, не больше. Нет у нас больше времени.

— Молодцы, — подхватил Семаго, — не теряйте времени. Каждая минута дорога, идеологический противник только и ждет от нас расхлябанности.

А местным ментам очень запомнилось посещение губернатором коллегии местного Управления внутренних дел. Милицейское начальство очень готовилось, генерал представил мощный доклад с цифрами и фактами. Когда доклад закончился, все уставились на губернатора, ожидая его реакции. Вождь осмотрел зал и протянул:

— Да-а-а.

Наступила пауза. Никто не знал, как себя вести. Помог Конрад Карлович, который тоже присутствовал на мероприятии.

— Да, именно да, конечно, — закричал Конрад Карлович, — мы вам говорим «да». Мы говорим «да» вашей упорной, добросовестной работе, вашим огромным усилиям. Мы видим колоссальный прогресс, мы хотим, чтобы вы не останавливались на достигнутом и дальше...

Тут вождь насупился, сдвинул брови и снова протянул:

— Да-а-а.

— Конечно да, — подхватил Конрад Карлович. — Мы уже много раз об этом говорили. Качество работы не улучшается. Вы погрязли в старых методах управления. Никаких новых идей. Избиратели очень недовольны работой милиции. Черт знает что у вас происходит!

— Да-а-а, — еще раз сказал Вольфрамович. — Жарковато тут у вас. Кондиционер бы, что ли, поставили. А то дышать совсем нечем. И помещение какое-то у вас тесное. Могли бы найти что-нибудь посолиднее. Чтоб чувствовалось... Займитесь этим, Конрад Карлович, найдите хорошее помещение.

С этим вождь встал и ушел. Никто так ничего и не понял. Через месяц в здании управления милиции случился пожар, и оно выгорело дотла. После пожара милиционеры часто вспоминали прореческий разговор губернатора о плохом помещении. Надо же, как в воду глядел!

С чекистами Семаго устроил товарищескую игру в волейбол. Команда чекистов была, чувствуется, неплохо собранной, а сборная администрации области под личным управлением губернатора, напротив, смотрелась слабо. Судил Конрад Карлович. Своему шефу он прощал все: когда мяч явно улетал за пределы площадки, Конрад Карлович доказывал, что мяч упал на поле соперника администрации, а если чекисты успешно делали подачу, то судья искал предлог не засчитать очко. Наследники Дзержинского и Андропова по-настоящему разозлились и стали катить баллон на Карловича. Но Карлович вовремя сориентировался, объявил минутный пере-

рыв и полушепотом указал команде чекистов на политическую близорукость.

— Учите, — пояснял заместитель вождя, — он человек непредсказуемый. Если проиграет, обидится, будут неприятности. Вы же не на Олимпиаде. Какая разница, куда улетел мяч? Кого вообще интересует этот мяч?

— Но это же спорт, — вяло огрызнулся один молодой сотрудник госбезопасности.

— Это не спорт, а политика, — отрезал Карлович. — Спорт — в детской спортивной школе.

После разъяснений игра пошла ровно. Сборная администрации в тяжелой борьбе одолела чекистов, которые теперь лучше понимали характер губернатора.

А еще по губернии ходила страшная история о том, что Семаго видели в армянском ресторане в компании очень авторитетных армян. Якобы они ели шашлык и пили коньяк, а под потолком болтался какой-то тип — тоже армянин. Периодически после тостов за здоровье и любовь люди поворачивались к подвешенному и спрашивали:

— Артурчик, не вспомнил телефон?

Артурчик висел и молчал.

— Ладно, — говорили добрые люди, — вспомнишь, скажешь. Трубочку мы тебе всегда дадим.

Никто не знает, была ли эта история на самом деле и какое отношение к Артурчику имел губернатор, но все рассказывали ее так, будто сидели в этом ресторане за соседним столом. И, понятно, бояться вождя после таких историй стали еще больше. А если в России боятся, значит, уважают.

А вот другая история произошла, что называется, у многих на глазах. На приеме по случаю празд-

ника Восьмого марта подвыпивший председатель черногрязского комитета по спорту Дудкин попросил у губернатора разрешения стать на время... собакой. Семаго очень обрадовался и сказал:

— Разрешаю. Будь собакой. Только учти: говорить по-человечески нельзя, только лаять. Ходить на двух ногах нельзя, только на четырех. Разрешаю кусаться, бросаться на прохожих. И самое главное: вернуться в человека ты сможешь только по моей команде, только после того, как я тебе скажу пароль: «тетя Оля».

— Тетя Оля, — повторил Дудкин пароль.

— Вот именно: тетя Оля, — подытожил вождь. — Взлет разрешаю.

Дудкин встал на четыре лапы, принял гавкать и, что самое неприятное, хватать присутствующих за ноги и чуть-чуть их кусать. Вначале черногрязские чиновники потешались над Дудкиным, потом он им надоел, поскольку делать все стал агрессивно и не смешно. Семаго положил на тарелку мясца, рыбки, салатик и поставил на пол. Дудкин с прищмокиванием съел. И опять начал носиться. Семаго это шоу достало, и он скомандовал:

— Тетя Оля.

Дудкин не слышал и продолжал шалить.

— Тетя Оля, — громче и строже сказал вождь.

Но Дудкин не реагировал. Вождь склонился к уху Леши по кличке Берия и прошептал:

— Вот как бывает. Спустишь собаку с цепи и потом ее не поймаешь.

Глава 6

Человек,
который никогда
не спит

— В_ы устали, — сказал однажды Вольфрамович своим соратникам. — Какие-то бледные, вялые. Нужна встряска, нужны эмоции. Предлагаю в субботу съездить на охоту. Там поговорим о вечном, о том, как будем жить дальше.

В субботу на охоту поехали все, сообразив, что пропускать такое мероприятие опасно для карьеры. Для разнообразия взяли девиц, которые вырядились в вечерние платья и черные колготки. За машинами с начальством и микроавтобусом с девками следовали омоновцы с автоматами, несколькими ящиками водки и закуской. Шумная процессия, переливаясь трелями спецсигналов и цветомузыкой мигалок, подъехала на подготовленную точку, где специально обученные люди уже жарили шашлыки.

Присели поесть на природе. Разговоров почти не вели, в воздухе висело напряжение. Ждали слова вождя, но он молчал.

Обстановку неожиданно разрядил Конрад Карлович.

— Шалавы, — закричал он на девок, — вы съели всю закуску. Огурчиков совсем не осталось. Колбасы тоже... А у нас водки еще целый вагон. Что мы должны делать? Водителей за сто километров посыпать?

Девушки испуганно молчали. Мужики улыба-

лись, думая, что это шутка. Но Карлович совсем не шутил.

— В следующий раз вас не возьмем, — возмущался он, — других возьмем, которые жрут меньше. Голову же надо иметь на плечах. Видите, у людей водки полно. Чем они будут заедать?

Изрядно накушавшись, охотники стали подбрасывать пустые бутылки и стрелять в них из автоматов. Омоновцы подносили свежие рожки с патронами. Надо полагать, что лесное зверье во время салюта разбежалось в разные стороны. После того как выстрелы стихли, вождь выступил с неожиданным заявлением:

— Нам надо развиваться. Иначе мы протухнем. Я принял решение баллотироваться в Госдуму. И не просто баллотироваться. Мы должны иметь свою фракцию.

У Александра Михайловича Чеховского кусок мяса вывалился изо рта.

— Зачем нам в Думу? Мы проиграем. До выборов осталось всего ничего... четыре месяца. Мы не успеем.

— Четыре месяца — это очень много, — сказал вождь. — Гагарин за сто минут облетел Землю.

— При чем тут Гагарин... — возразил Александр Михайлович. — Мы еще здесь, в Черных Грязях, не обжились как следует и уже сразу куда-то...

— Да успеешь ты еще наворовать на своем элеваторе. Куда он денется, — вставил Конрад Карлович.

— Я не ворую на элеваторе. Я поднимаю там производство. Там до моего прихода были грязь и запустение, — занервничал Чеховский, — это вам бандиты деньги носят.

— Мне... — зарычал Конрад Карлович, — это кто же бандит? Кто? Скажи, кто?

— Осман, — закричал Чеховский.

— Осман не бандит, он коммерсант. Почему ты считаешь его бандитом? Он в тюрьме не сидел.

— При чем тут тюрьма! Все про него знают.

— Тише, уважаемые члены парткома, — с удовольствием произнес вождь. — Сейчас не время разногласий, сейчас наступает время упорной, самоотверженной работы. Работы на износ, до потери сознания. Желательно со смертельным исходом. Пышные похороны нам потребуются обязательно. Плачущая вдова, товарищи, присягающие на верность, траурная музыка — все это сильно влияет на избирателей. Но это позже. Будем действовать по плану. По моему плану.

В Москве в холл пятизвездочной гостиницы вождь зашел походкой человека, только что обналичившего свой первый миллион. За ним семенила куча соратников. Вождь шел на свою пресс-конференцию, где должен был рассказать о планах консерваторов по захвату парламента. Неожиданно Вольфрамович остановил свое победоносное движение и обратил взор куда-то вбок. Тусовка остановилась и тоже посмотрела вбок.

— Какая удача, — сказал Вольфрамович. — Узнаете клиента? Сам бог посыпает его нам.

В холле за столиком в кафе сидел Кислярский с дамой, вернее с молодой девчонкой. Кислярский одной рукой ел клубнику со сливками, другой — гладил подругу по ноге и сладко, мерзавец, улыбался. Шеф сопровождением резко приблизился к столику.

— Здравствуйте, товарищ. Как бизнес? Продолжаете обманывать честных тружеников? — сказал вождь.

Кислярский выронил чайную ложку, с помощью которой он управлялся с клубникой.

— Здравствуйте, — тихо ответил он. — Я теперь в Москве... Я живу здесь.

— Понятно. Наворовали денег у трудового народа, теперь можно и в Москву. Вести сытую, спокойную жизнь. А глаза голодных детей, которых вы объегорили, не снятся по ночам?

— Каких детей? — отозвался Кислярский. — Я не знаю, о чем вы говорите.

— Он еще не знает, о чем мы говорим? Учтите, у нас длинные руки. Девушка, — обратился Семаго к спутнице Кислярского, лицо которой в продолжение всего разговора излучало тревогу, — будьте осторожнее, этот человек готов на все.

Кислярскому захотелось спросить: «Скажите, сколько я должен, чтобы никогда больше с вами не встречаться?», но он не успел задать этот вопрос — Семаго с товарищами пошли прочь. А дальше... Дальше Кислярский совершил непростительную ошибку — он не сбежал с места нежелательной встречи. Все-таки Москва расслабляет. В Черных Грязях Кислярский лучше чувствовал опасность. В Москве же дурацкие буржуазные традиции убивают обоняние. Старик Кислярский не сбежал, а продолжал есть клубнику, затем заказал себе фисташковое мороженое, наконец, неторопливо попил зеленый чай. Подружка немножко успокоилась и стала улыбаться, как телепузики. Потом они встали и медленно направились к выходу. Кислярский немножко подоброму икал. Он не предполагал, что произойдет

через минуту. Если бы предполагал, не стал бы есть фисташковое мороженое.

На выходе Кислярского ждали. Люди в камуфляжке и в масках предъявили удостоверения РУБОПа, поставили черногрязского олигарха и его пионерку к стене и для острастки ударили по ногам. Дальше люди в масках подвели трясущихся от страха понятых и приказали задержанному:

— Предъявите содержимое карманов!

— Сами бросали, сами вынимайте, — отзывался зввинченный Кислярский.

— Так, обвинение при исполнении, — закричал тип в гражданском костюме без маски, — внесите в протокол. Внимание понятых! Извлекаю.

Тип вытащил из кармана бежевого пальто олигарха замасленную гранату.

— Понятые, прошу осмотреть внимательно. Противотанковая граната!

— Какая граната, к чертовой матери! — заревел Кислярский. — У меня пальто за пятнадцать штук зелени. Посмотри, вот видишь, фирма «Зилли». Пятнадцать штук... Зачем мне твоя граната? Зачем мне в гостиницу с гранатой ходить?

— Это следствие выяснит, — отзывался старший над масками.

— Лучше б кокаин положили. Что, двух граммов кокаина жалко? — не унимался Кислярский. — Засрали все пальто. Посмотри, пятна какие. В газетку бы завернули гранату. Никакой культуры. Пальто за пятнадцать, едрена корень.

Тем временем на пресс-конференции вождь получил записку, которую очень ждал.

— Только что произошло событие, вынуждающее меня срочно прекратить нашу встречу, — ска-

зал Вольфрамович после паузы. — У входа в гостиницу задержан террорист с гранатой, который направлялся сюда, к нам. По предварительным данным, им оказался некий Кислярский — житель нашей губернии. До выяснения всех обстоятельств считаю необходимым не подвергать вас опасности и прерваться.

Вождь с партийцами направились к двери, но не слишком быстро — журналисты должны были успеть схватить свои камеры и личные вещи. Огромная толпа с Вольфрамовичем во главе покатилась по коридору и наконец на выходе из отеля докатилась до Кислярского и веселой компании в масках.

Семаго обвел взглядом человека в бежевом пальто с масляными пятнами у карманов и спросил:

— Зачем вы хотели меня убить?

Защелкали фотокамеры, телевизионные люди стали сувать свои микрофоны на длинных палках прямо в нос Кислярскому.

— Потому что ты мне надоел, — заорал Кислярский. — И я решил тебя убить. Купил пальто за пятнадцать штук баксов, гранату за двести рублей, поел суши за двести баксов и пошел тебя взрывать. Девушку вот с собой взял.

— Не пугайте нас девушкой, — отрезал вождь. — У нас тоже кое-что есть. Я надеюсь, решение суда будет скорым и честным.

— Какого суда?! — возмутился Кислярский.

— Лондонского арбитражного во главе с судьей Гаджи Мухамедовым, который закатает тебя, дурака, лет на пятнадцать в марийские лагеря.

Кислярский побледнел. Он вдруг понял, что история нешуточная, что какой-то немыслимый разворот во время поедания суши может оказаться ро-

ковым. Иногда судьба человека определяется за считанные секунды. Казалось, прояви Кислярский хитрость, обратясь к присутствующим журналистам, рассказал, как все было, и он бы смог выпутаться. Но его вдруг схватило и понесло в другую сторону.

— Ну, если так, дай-ка мне сюда гранату, я хоть душу отведу, взорву тебя с твоей шайкой к чертовой бабушке.

Кислярский сделал необыкновенный прыжок и вырвал гранату из лап одной из масок. Все на мгновение остолбенели — и маски тоже. Кислярский вырвал чеку и издал решительный клич, в который вложил остаток своих эмоций.

— Ебитская сила, — закричал он. Толпа в ужасе отшатнулась. Но взрыва не произошло. Кислярский подкинул раза три гранату в руке и заключил: — Муляж. Обманули. Железка с завода детских игрушек. Ха-ха. И здесь обман. Господа понятые, а господа понятые? Запишите в протоколе — дешевый обман, слюнтявка...

Тут маски опомнились и навалились на Кислярского. Ему заломили руки, отобрали гранату. Для верности еще ударили пару раз по печени. Потом начальник в гражданском сообразил, что вся история снималась, и решил отобрать кассеты у журналистов. Но было поздно. Во-первых, журналистов присутствовало очень много, во-вторых, народ они прыткий — почуяв неладное, быстро рассосались кто куда.

— Что ж, — подытожил вождь, когда черногрязского олигарха и попавшуюся с ним девку маски посадили в автобус. — Заседание продолжается,

господа депутаты. Председательствую по-прежнему я.

Сцену ареста Кислярского показали все телеканалы — слишком сильной оказалась картинка человека с гранатой. Даже западные каналы и те все показали. В газетах вспыхнула драка — виноват Кислярский или его подставили. Все сразу стали обсуждать, зачем консерваторы идут в парламент и что они дадут народу. Фотографии Кислярского и вождя напечатали даже женские журналы. Эта истеричная кампания не стоила вождю и его партии ни копейки.

Но одного скандала, пусть даже шумного, явно было мало. Требовалась плодотворная политологическая идея. Мысль, которая бы жгла сердца. Темы бюджета, бедности и богатства, коррупции и борьбы с ней уже разобрали другие.

Укрепление государства и армии тоже уже оседали. К тому же, эти сюжеты больше для мозгов, чем для сердца. Но вождь не стал бы вождем, если бы не нашел свою нишу.

Он заговорил о женщинах, рождаемости, абортах, естественно, проституции.

Но говорить мало. Надо делать. И вождь решил сдать сперму на хранение в институт материнства и детства, предварительно, конечно, оповестив об этом прессу. Журналисты появились немедленно. Большее количество телекамер было замечено разве что на похоронах товарища Мао.

У входа в институт Семаго пожал десятки рук, обратился с короткой речью к партийным пикетчикам, развернувшим транспарант «Не допустим пустой тряты драгоценного семени». Потом он обло-

бызal медсестер, подарил коробку конфет врачам и щедро раздал партийную литературу.

После окончания пропагандистских мероприятий Семаго приступил к производству самого продукта, предназначенногo для передачи институту. Медсестра завела его в темную комнату и дала пробирку.

— Возьмите, — сказала она, — когда все сделаете, позовете.

— Как позовете, а вы что, уходите? — воскликнул вождь.

— Конечно, — сконфузилась медсестра.

— А как же я один... Я в обычной жизни два часа кончить не могу, а здесь вообще... Мне нужна какая-то помощь.

— Нет уж, извините.

— Ну тогда принесите тазик. Я не попаду в пробирку.

— Тазик... Какой тазик?

— У меня много накопилось. Мне нужен тазик.

— Ну не знаю...

— Опять не знаю. Помочь человеку — не знаю, тазик — не знаю. Как вы работаете... Дети Горбачева. Ладно, идите. Чай мне принесите.

— Чай мы не делаем.

После последнего ответа вождь только посмотрел на нее, говорить он уже не хотел.

Темная комната была исключительно маленькой и отделялась тонкой картонной перегородкой от какой-то лаборатории. В лаборатории толпилась куча баб, которые вели между собой разговоры на бытовые темы: про хороший творог, про хороших и плохих детей, про дешевые колготки.

— Очень хороший творог мы берем в деревне,

очень хороший, — рассказывал пожилой женский голос, — у тети Тони берем. Тетя Тоня молодец. Тридцать лет ее творог ем. Детей всех на нем вырастила. Тетя Тоня такая подвижная, быстрая, для ее возраста просто чудо. И творог отличный.

Беседы про подвижную тетю Тоню, которая тридцать лет торгует творогом, окончательно понизили тонус вождя. Он не выдержал и застучал по картонной стенке.

— Прекратите про творог, поговорите лучше про сметану. Может, это меня заведет.

Болтовня прекратилась. Сотрудницы в испуге замерли.

— Почему замолчали? — подал голос Вольфрамович. — Говорите... Скажите, какой я красивый, как вы меня любите. Причем все любите одновременно.

— Мы любим вас, — закричал кто-то смелый. Остальные засмеялись.

— Только не надо смеяться, — зашипел вождь. — Смех не способствует делу. Поласковей.

— Мы любим вас, — с душой защебетали лаборантки. — Вы такой умный мужчина...

— Ласковый, добрый, — добавляли другие голоса.

— Нежный...

— Правильно, нежный... — подхватил вождь. — Молодцы, девочки, хорошо. Еще... еще...

— Красивый, веселый, темпераментный...

— Да, темпераментный, — повторял он. — Хорошо... Очень хорошо.

— Сильный, умный.

— Умный уже было, — прокомментировал вождь. — Не надо повторяться.

— ...Смелый.

— Да, смелый, — очень хорошо... Я действительно смелый. Я такой смелый. Просто фантастически смелый.

— А если мы вас выберем, — раздался голос из лаборатории, — вы нам пенсию повысите?

— Тыфу ты, — обломался вождь, — все испортила. Так неплохо шло. Кто просил? При чем тут пенсия?

— Тамара Ивановна, — закричали другие сотрудницы, — действительно, при чем тут пенсия? Человек же не на митинге. Он сперму сдает.

— Вам все равно, — кричала Тамара Ивановна в ответ, — вы молодые, а мне через год на пенсию. Тридцать пять лет работаю, а пенсия будет на бутылку молока с черным хлебом. А еще надо за квартиру платить и дочку хоть раз в год навестить. Ты же мне билет до Мурманска не оплатишь.

— Мамаша, я куплю вам билет до Мурманска и даже до Владивостока. Только не мешайте, — кричал Семаго.

— Раньше я и сама до Мурманска билет могла купить. При Брежневе... И зять мог. Он на флоте служил. Им хорошо платили. Куда хочешь летали. В Ленинград на субботу-воскресенье летали. Военным хорошо тогда платили. А теперь чего он может? Себя прокормить не может, не то что билет теще купить.

Сотрудницы еще какое-то время пытались остановить Тамару Ивановну, но сделать это оказалось невозможно. Ее желание проанализировать социальное положение в стране и достучаться до будущих депутатов было сильнее доводов вождя и коллег по работе.

Начатое дело до конца довести не получилось. Раздраженный Вольфрамович покинул темную комнатку. Журналистам он сказал историческую фразу:

— Государству сдать сперму не удалось, придется по-прежнему делать это в частном порядке.

Избирательная кампания набирала обороты. По указанию вождя Леша Берия и Саша Героин прописались на телевидении и покупали все свободное эфирное время. Они приходили на телевидение в девять утра и уходили в двенадцать вечера. Целый день следили за тем, не отказались ли какие-нибудь аграрии от положенного им платного времени. А конкуренты часто отказывались. И вообще, кроме Леши и Саши на телевидении не дежурила ни одна команда из других партий. Все общались по телефону и через факсы. А Леша и Саша курили с людьми в курилке, вечером совместно распивали с журналистами крепкие спиртные напитки, ночью на партийных машинах развозили некоторых чересчур подгулявших по домам. Консерваторов поэтому на телецентре полюбили. Вождь звонил регулярно, по пять раз в день, интересовался, не появилось ли какой новой возможности выступить. Если такая возможность появлялась, он приезжал моментально.

Семаго выступал в разных программах, детских и взрослых, коротких и длинных, платных и бесплатных. Он рассказывал истории, шутил, травил анекдоты. Впрочем, Владимир Вольфрамович не только рассказывал анекдоты, но и говорил о серьезных вещах. О том, что Россия потеряла ориентиры и никто не знает конечных целей, о том, что демократия в России не получится, ибо при демократии десяток богатых территорий не захотят кормить остальных,

а остальные сами не прокормятся, потому что у них ничего нет, кроме суровой зимы и засушливого лета.

Но особо сильно он напирал на демографию, на то, что бабы прекратили рожать, а раз так, то у государства нет перспектив. «Ваши дети будут говорить по-китайски», — заявлял вождь, вызывая шок телеаудитории. От демографии и сухой статистики вождь поворачивал к теме брака и любви, а апофеозом этих рассуждений стала лекция о сексуальных отношениях. Ее Семаго прочитал в ярко-красном пиджаке. Идея о пиджаке пришла ему неожиданно в машине уже по дороге на телецентр.

— Нельзя выступать в моем сером цековском костюме, — вдруг сказал он Леше Берии, который ехал с ним вместе, — у тебя нет красного пиджака?

— Нет, — ответил Леша, — и потом, у меня размер не ваш.

— Может, у знакомых есть?

— Осталось двадцать пять минут до эфира, мы не успеем.

— Успеем-успеем. Кому же позвонить?

Леша вдруг вспомнил про приятеля, жившего, на счастье, в двух шагах от Останкино. Приятель, опять же на счастье, оказался дома, и у него был красный пиджак.

Сцена изъятия пиджака длилась секунд тридцать. Вождь ворвался в квартиру как ураган.

— Ну, давайте, — закричал он ошалевшим хозяевам, — показывайте ваши богатства.

Семаго залез в шкаф, вывалил оттуда костюмы, извлек красный пиджак, который оказался чуть-чуть великоват.

— Ничего, ходить же в нем по улице я не буду. А за столом посидеть пятнадцать минут можно, —

постановил вождь, надевая пиджак. — До встречи в эфире.

Встреча в эфире началась через считанные минуты.

— Сегодня вечер пятницы. Можно было бы поговорить о большой политике или большой экономике, — обратился Семаго к зрителям. — Но мы не будем этого делать. Мы поговорим о большой любви и большом сексе. Сегодня я хочу, чтобы остались у телевизора те, для кого это имеет гораздо большее значение, чем все остальное. Это наша молодежь, студенты и подростки, солдаты, мечтающие о встрече с девушкой, заключенные, которые месяцами не видят женщин, матросы, уходящие в долгие рейсы, геологи, матери-одиночки и все те, кто по разным причинам оторван от нормальной половой жизни. Я не хочу сегодня говорить для тех, у кого с этим все нормально, тех, у кого под боком всегда партнер или партнерша. Переключитесь, пожалуйста, на другой канал. Сейчас, по-моему, идет хороший американский боевик, тридцать три убийства в минуту. Я жду...

Вождь замолк. Страна замерла. Хозяин красного пиджака налил себе стопку водки и позвонил друзьям, чтобы они срочно глядели на вождя. Те, кто успел поглядеть, больше в этот день телевизор не включали. Переваривали. Хозяин красного пиджака пришел в себя только после телефонного зуммера. На трубке был Леша Берия.

— Мы сейчас заедем. Завезем пиджак, — сказал Леша.

— Не надо пиджака, — ответил хозяин. — Это подарок... Забирайте... Для истории.

У хозяина было твердое ощущение, что он попал в историю, но вот в какую, этого он еще не понял.

Успехи вождя в телеэфире не остались незамеченными. За ним стали следить. Пока не очень пристально и пока без тревоги. Скорее с легким раздражением. Мол, нашелся клоун. Но первые проблемы уже начались.

Например, на большом заводе под Москвой начальство запретило встречу вождя с трудовым коллективом. При этом еще утром встречу администрация подтвердила, а днем, когда кортеж из пяти машин подъехал к воротам, охранник объявил, что встреча отменяется, без объяснения причин. В заводоуправлении к телефонам никто не подходил. Короче, не только не пустили, но еще и решили уничтожить. Окружение смотрело на вождя, готовое в любой момент взять ворота приступом.

— Может, того... свяжем этого попугая, — сказал Вова Орел, имея в виду охранника.

— Дорогой друг, почему вас всегда тянет на мелкое хулиганство? — ответил Семаго. — Неужели за годы работы в партии нельзя перейти к хулиганству крупному? Наши действия должны быть точны и неожиданны. Здесь есть поблизости овощной магазин?

— Наверное, есть. Это же нормальный поселок, — пожал плечами Вова. — А зачем нам овощной?

— Нам не нужны овощи, нам нужны ящики, дорогой товарищ. Из ящиков мы соорудим трибуну для митинга. Езжайте, обрадуйте местных продавщиц мелкими чаевыми.

Трибуну соорудили за пятнадцать минут. Вова Сокол, в неизменно белом костюме, увешанный зо-

лотыми цепями, поблескивая бриллиантами на мизинце, оказался быстрым и ловким строителем. А на девушек из магазина он вообще произвел неизгладимое впечатление. За ящики даже не потребовали денег. Все прошло на улыбках и шуточках.

Вождь забрался на трибуну вовремя. Как раз закончилась смена. Толпа вышла за заводские ворота.

— Вы меня знаете, — начал вождь. — Я — лидер Консервативной партии Семаго Владимир Вольфрамович.

— Знаем, — кричали из толпы. Но кричали как-то вяло и настороженно.

— Вы спросите у меня, что я сумел сделать в политике? — кричал вождь. — Спросите у меня, что я сумел сделать в политике, и я вам отвечу.

— Действительно, что ты там делаешь? — заорали из толпы.

— Отвечаю. Я ни х... не успел сделать в политике.

Люди на митинге пришибленно замолчали. Кое у кого изо рта вывалились папиросы.

— Вы спросите меня, почему я не х... не сумел сделать? Отвечаю. Мне не дают ничего сделать. Не даете вы, — резко выдал Семаго. — Потому что вы не даете мне голоса на выборах. Без этих голосов я не смогу иметь фракцию в парламенте и не смогу бороться за ваши интересы. Вы ведь хотите жить в нормальной стране. Значит, голосуйте за человека, который никогда не спит. Мне не нужен сон. Я двадцать четыре часа готов носиться, чтобы вы жили в нормальной стране, ели нормальную пищу, нормально работали и нормально веселились. Но мне мешают. Всюду враги. Везде агенты вражеских разведок,

предатели, пособники. Они плетут сети, в которые попадают доверчивые наши граждане.

Тут вождь убедительно описал картину масонского заговора, о котором не раз читал в свое время в брошюрах, продаваемых на выходах из метро. Напряжение нарастало, участники митинга наполнялись чувством справедливого гнева по отношению к неприятелям России. В момент наивысшего эмоционального кипения совершенно вовремя появилась милиция. Люди в форме стали объяснять, что митинг проводится без разрешения. Началась легкая потасовка. Поднялся шум, гвалт. Набежали бомжи, юродивые, таджики с малыми детьми. В общем, среда родная для вождя. Хозяева завода пришли последними и очень пожалели, что послушали кого-то и не пустили вождя на территорию. «Там бы мы хоть проконтролировали, — сказал директор главному акционеру. А здесь черт знает что...»

После криков «инвалида-то не толкайте» толпа обрела требуемую агрессивность. Призвав к мирному разрешению всех споров и к уважению органов правопорядка за их нелегкий и опасный труд, вождь сел в машину и под мощный рев митинга покинул поселок. Людей же растаскивали до двенадцати вечера. Они еще долго стояли, о чем-то спорили, ругались, пили водку, матерились, а кто-то покупал у цыган дурь.

Быстрые и впечатляющие митинги без всякой предварительной организации, кружение по стране на пароходах, машинах, маленьких самолетах и вертолетах, иногда даже на лошадях и, конечно, яркие выступления по телевидению принесли свои

плоды. Вождя начали реально опасаться конкуренты.

Леша Берия заскочил в кабинет вождя взволнованный.

— Мне только что позвонила моя подруга с первого канала. Им поступило указание нас душить. До конца дня она должна дать свои предложения.

Семаго забегал по кабинету.

— Что, проснулись, демоны! Проспали, а теперь проснулись, маленькие мои. Это великая русская традиция — просыпаться, когда французы уже взяли Москву. Что будем делать, мой генерал?

— Пока они собираются показать какой-то фильм про Сталина, а до фильма пригласить какого-то ученого и провести беседу о диктатуре и экстремизме.

— Фильм про Сталина — очень хорошо. А вот ученый не нужен, — заключил вождь. — Слушай, а помнишь дурацкий фильм, который сняли о нас во время выборов в Черных Грязях? Там нас обручили по полной программе.

— Конечно, помню. Этот фильм еще показали в Израиле.

— Да-да-да...

— У меня есть копия с титрами на иврите.

— Отлично. Надо засунуть этот фильм на телевидение.

— Но нас там полощут по черной грязи. Да еще и приписывают антисемитизм.

— Отлично. Пусть страна узнает, кто в ней главный антисемит.

— Не знаю... Фильм совершенно отрицательный для нас, — пробубнил Леша Берия.

— Молодое поколение... Верите всему, что показывают в новостях. Верите, что «Колгейт» — лучшая паста в мире. А нас учили по-другому. Все, что ругают, — это хорошо. И те, кого ругают, — те за народ. И за таких, как мы, придет голосовать гораздо больше. Они-то и придут голосовать. Дети «Колгейта» и пепси проспят или пойдут на дискотеку.

— Какие будут ваши распоряжения? — прекратил дискуссию Леша. — Как вы скажете, так и сделаем.

— Постарайтесь фильм показать... и про Сталина фильм пусть покажут тоже. Станем, как говорится, в один ряд с основоположником практического социализма. Кстати, как зовут вашего агента на телецентре?

— Она не агент, просто знакомая, — несколько раздраженно сказал Леша, — ее зовут Лена, Лена Богатырева.

— Наверняка маленького роста, — заметил вождь.

— Да... совсем маленького.

— Я давно обратил внимание, что фамилии часто противоположны содержанию. Например, в детстве у меня был друг Рома Жирный. Но Рома никогда не был жирным. Наоборот, он был всегда худым. Его мама, тетя Соня Жирная, тоже на самом деле была худая. Рома очень любил мотоциклы. А разве можно растолстеть, если ты все время на мотоцикле и кушаешь всухомятку. Тетя Соня не любили готовить, она любила курить.

Леша Берия сделал, как указал вождь. Он отдал своей знакомой Лене кассету с фильмом. Лена перезвонила очень скоро.

— Все в порядке. Начальство идею одобряет, — сказала Лена, — но просят привести автора фильма.

— Где я его возьму? — ответил Леша. — Я его толком и не знаю. Видел пару раз.

— Найди. Наш Игорек — упрямый парень. Если что-то потребовал, уже не слезет.

— Ну где я его найду? Тем более быстро. И с ним еще надо договариваться. Вдруг он попросит денег.

— Может, тебе сойти за автора? — предложила Лена. — Постоишь, покиваешь. Самый простой выход. — Леша попытался отказаться от роли автора, но потом согласился, представив лицо вождя в случае провала операции «Фильм».

Лена завела Берию в большой кабинет в останкинском телецентре после долгого ожидания в приемной, где помимо них толпилось еще человек десять. Хозяин кабинета — «наш Игорек», как звала его Лена, — оказался человеком молодым и юрким. Он был одет в темный свитер и светлые вельветовые брюки. Носков Игорек не носил, зато носил темные замшевые туфли.

— Идея нравится, — с ходу закричал Игорек, — но должен посмотреть фильм сам. Принес кассету?

— Конечно, — скромно ответил Леша.

— Но не сейчас. Срочно улетаю в Киев, — заметался по кабинету Игорек. — Давай посмотрим у меня в машине по дороге в аэропорт. Поехали, времени нет. Лена, ты оставайся. Что делать, знаешь.

— Да-да, — ответила Лена.

Игорька у подъезда телецентра ждали несколько черных лимузинов. Леша оказался в одном из них — как он полагал, флагманском. Но он ошибся.

Игорек сел в другую машину. А с Лешей уселся толстый охранник, у которого почти не было шеи.

— А он к нам пересядет? — робко спросил Леша.

— У него разговор с человеком из администрации президента. В аэропорту к нему подойдешь.

В маленьком аэропорту для деловой авиации у трапа «Фалькона» Игорька тоже ожидали люди. Они совали какие-то бумаги, шептали на ухо слова и нервно качали головой. Игорек проскользнул на борт. Толстый охранник стал по одному запускать к нему просителей. Леша оказался последним и не успел сказать ни слова.

— Нет времени. Надо взлетать. Полетели со мной, — скомандовал Игорек.

У Берии не было шансов. Пришлось лететь. Но посмотреть фильм не получилось. Игорек лег на диван из белой кожи, накрылся пледиком и, пропустив рюмку коньяку, сладко задремал.

В Киеве начались приключения. Никто из команды Игорька не взял с собой паспорта. По служебным удостоверениям хохлы в свою чудо-страну пускать не хотели. Паспорт оказался только... у Леши по совершенной случайности. Игорек стал кошмарить украинского пограничника с длинными усами, называя все фамилии, которые есть в учебниках новейшей истории. На пограничника это не действовало, ибо его образование, видно, ограничилось букваварем и уставом. Игорек в истерике схватил Лешу за руку.

— Братуха, выручай. У нас через полчаса встреча с президентом Украины. Пока мы проломаем этих балбесов, пройдет час. Поезжай и встретись с президентом. Иначе будет скандал. Скажи, что ты

ведущий политический аналитик телевидения. Я позвоню им, сообщу твою фамилию.

— Как это? — поразился Леша. — О чем я буду с ним говорить? А если раскроется, что я никакой не аналитик?

— Ничего не раскроется. Ничего никто не узнает. Поговори с ним о выборах. Скажи, что мы ожидаем от него влияния на украинскую диаспору. В таком духе...

У Леши опять не было шанса отказать. Стоя в предбаннике президентского кабинета, Берия с ужасом думал, что он скажет лидеру независимого государства. Но Игорек спас его. Он ворвался со своей бригадой в приемную точь-в-точь в момент, когда должна была начаться аудиенция.

Беседа получилась простой и душевной. Немного посмеялись над украинским пограничником, немного поругали выборы в России, слегка покритиковали американские фильмы и разошлись. Смысл встречи так и остался Леше непонятен. Впрочем, на то она и высокая политика, что не каждый мирянин ее может понять.

Вернувшись в самолет, Игорек приказал экипажу лететь в Питер. Летчики попытались объяснить, что так быстро маршрут поменять нельзя, но Игорек снова стал упоминать фамилии из учебников. Летчики дрогнули. Вскоре «Фалькон» взял курс на Питер. Леша подсел с кассетой к видеомагнитофону, расположенному рядом с диваном. Однако Игорек опередил:

— Задолбали меня эти дурацкие погранцы, эти великие пилоты... Как я устал со всеми бороться. Я спал сегодня два часа. Была презентация нового диска «Стрелок». «Стрелок» любишь?

— Слушать или...

Игорек заржал.

— Молодец. Люблю людей с юмором. Давай я расслаблюсь, потом поболтаем.

Игорек заснул, выпив свою дежурную рюмку. В Питере обошлось без приключений. Беседа с губернатором была спокойной, ровной. Впрочем, и тут Леша не понял высокий смысл встречи. Действительно, зачем приезжал Игорек? Может, послание было зашифровано в намеках и взглядах?

Покинув Смольный, Игорек направился в какой-то ресторан на ужин с бизнесменами, а Леша с командой поехали за город в баню, куда позже Игорек обещал подъехать. В бане был накрыт царский стол с поросятами и осетриной, а за столом в простынях сидели молодые девушки. Леша раздеваться не стал и есть не стал тоже. А вот толстый охранник без шеи, взбодрившись водочкой, залез в парилку, а потом отвел за угол одну сисястую девчонку. Сделав свое солдатское дело, охранник пустился агитировать Лешу.

— Ты чего... отдохни. Вставь кому-нибудь. Здесь есть хорошие... Он не скоро подъедет. А может, и вообще не приедет. Я два года у него работаю... Знаю.

Охранник как в воду глядел. Игорек позвонил на мобильный Леше и спросил:

— Вы где?

— В бане... Мы же вас ждем.

— Почему в бане? При чем тут баня? Мы взлетаем через десять минут. У меня еще в Москве встреча с голливудским продюсером. Срочно приезжайте. Мы вас ждать не будем.

Из бани неслись со скоростью света, включив

все мигалки. В поту проскакали по трапу. Игорек храл на своем белом кожаном диване. На обратном пути в Москву посмотреть кассету тоже не удалось.

В московском аэропорту наблюдалась знакомая картина. Скопление людей с папками и кассетами. Но у Леша теперь было весомое преимущество — толстый охранник, с которым они чуть не породнились через сисястую девку в питерской бане. Охранник затолкнул Лешу в лимузин шефа. В машине Игорек опять снял туфли и вытянул ноги. Леша почувствовал, что, возможно, это последний шанс.

— Посмотрим фильм, — сказал он.

Игорек скривился.

— Как вы меня достали! Что ты ко мне с этим фильмом привязался! Ну показывайте ваш фильм, я что, против? Я разве кому-то в чем-то когда-нибудь мешал? А вы меня задушили — посмотри фильм, посмотри фильм. Ты видишь, как я работаю. За день три перелета. Я буквально схожу с ума от нагрузок. Меня надо пожалеть, а меня все грузят. Привязались с этим фильмом. Я не могу смотреть все, что навязывают эти мастера культуры.

— Лена ждет вашего указания, — стараясь быть как можно спокойнее, произнес Берия.

— Ну позвони ей, скажи, что я разрешил.

— Я думаю, она хочет услышать ваш голос. Я для нее не авторитет.

— Все хотят услышать мой голос. Из-за этого я уже охрип. Все боятся принять на себя ответственность. Чистый совок. Тяжело расстаемся с прошлым.

Наконец, Игорек позвонил Лене и приказал ей поставить в эфир на завтра великолепный фильм, а

заодно и фильм про Сталина. Леша выполнил задание вождя. При этом Игорек решил выбросить из программы популярную передачу «Утренняя почта». Фильмы поставили вместо нее. О такой удаче трудно было даже мечтать. Игорек пояснил это так:

— Ненавижу «Утреннюю почту». Дешевый музон. Моя дочка — ей тринадцать лет — говорит мне: «Папа, что за туфту ты показываешь?» Она нормальная девчонка, целый день слушает нормальную музыку — с наушниками ложится и просыпается. Порадую девчонку, скажу ей, что в эту субботу «Почты» не будет.

Но общение с Игорьком на этом не закончилось. Берия под давлением Игорька поехал на ночную встречу с голливудскими продюсерами. Американцы хотели снимать фильм про Сибирь, и им нужно было содействие. Но про Сибирь в ресторане речь не шла. Просто пили вино и рассказывали смешные истории. Леша не выдержал и начал потихоньку засыпать. Очнулся он от резкого крика:

— Пока я в «буре» гнил, ты с хозяином за руку здоровался.

За соседним столом сидели пять мужчин с обветренными лицами и татуировками на руках. Были при них и подвыпившие женщины. Одна из них почему-то сбрасывала в свою сумку ножи и вилки. Температура за столом, видно, была очень высокая. Один здоровый бугай вскочил и истерично завопил, обнаружив металлические зубы:

— Мама, я ухожу.

Он хотел схватить что-то в руку, но кроме тарелок ничего не было — вовремя попрятали колющие предметы. Началась бешеная возня с криками, виз-

гами и звоном бьющегося стекла. Американцы дико испугались. А Игорек, наоборот, веселился.

— Вот что надо снимать. Вот как надо начинать фильм про Сибирь, — смеялся он.

Но Леше не было смешно. Он думал о том, как нелепо получить ножом в такой пьяной драке через несколько часов после встреч с президентом независимого государства и мэром огромного города. Слава богу, обошлось без крови, только соплями и слезами. Бабы растащили своих бывальных по углам, а американцы, снявшие много блокбастеров про сверхгероев, тут же героически убежали в гостиницу. Леша вернулся домой и рухнул на кровать после этого сумасшедшего дня.

Проснулся он днем от телефонного звонка. На проводе был Сокол.

— Там это... сейчас фильм по телику показали про нас. Шеф шумит. Требует подать в суд; короче, взялись за нас конкретно. Пацаны мне тут из разных городов маяки дают, мол, нас будут мочить. Ты-то видел?

— Не видел. Я спал, — ответил Леша.

— Короче, ты все проспал. Какой-то полковник пришел в штаб-квартиру, говорит, вечером будет у нас обыск. Он слышал от своих знакомых полковников.

— В общем, большой шум, — сказал Леша.

— Да ты че... Кипеж конкретный. Вилы... Мне мать оборвала телефон, говорит, не ходи никуда, а то в клетку попадешь.

Трубку у Сокола вырвал лично вождь.

— За что они нас так не любят, — закричал он, — что мы им сделали? Где мы перешли им дорогу?

В голосе Вольфрамовича присутствовала радость. Но чувствовал ее один лишь Леша. Остальные просто не понимали.

— Я требую суда, — кипел вождь. — Справедливого, честного суда. Пусть все увидят нашу чистоту, нашу девственную чистоту. Никого не убили, не ограбили, не обманули. Все делаем открыто, все явно. Ничего ни от кого не скрываем. В суд! Немедленно в суд!

В суд, однако, не пошли. Зато пошли вечером в баню, а наутро пошли на выборы. Вождя на избирательном участке встречало великое множество журналистов. Он им рассказал пару анекдотов, отчего они развеселились. Вождь тоже был в приподнятом настроении, улыбался шире обычного, хлопал по плечу мужчин, брал за руку женщин. Потом отобедал в тесной компании партийцев в тихом уютном ресторане, где владельцем был один из сочувствующих планам консерваторов. Соответственно, за стол не платили. Позволили себе и водочки выпить, и большие полтавские котлеты съесть.

Вечером после закрытия участков партийцы дружно направились в Кремлевский дворец, где должны были оглашаться итоги выборов.

Банкетный зал дворца смотрелся празднично. Играл военный оркестр. У каждой партии был свой отдельный стол, уставленный традиционной кремлевской жратвой — красной и белой рыбой, канапе с икрой, нарезкой языка и колбас и, конечно, салатом оливье. За другими столами сидели артисты, журналисты, разные люди генеральского положения. На огромных табло светились названия партий, участвовавших в выборах.

Семаго со товарищи уселся за отведенный им

стол и принял ся метать канапе с икрой себе в рот. Леша Берия случайно отился от своей делегации и бегал по огромному залу, разыскивая стол консерваторов. Неожиданно его схватил за плечо Игорек с телевидения. Рядом с Игорьком как всегда стояла группа страждущих.

— Что, не замечаешь? — закричал он Леше, заливаясь смехом. — Зазнался... Ну что, два процента получите?

Леша развел руками вместо ответа.

— Тут мне голову пробили твоим фильмом. Кричат, что это только добавило вам популярности. Аналитики хреновы... Я им сказал: «Если Семаго больше двух процентов соберет, то я съем свою шляпу...»

Леша чуть было не сказал какую-то гадость, но Игорек не дал ему паузы.

— Видишь, какая сегодня мощная тусовка. Весь мир транслирует. А кто придумал? А... А... Понятно, кто придумал. Это тебе не врать, что ты автор фильма. Обманывать бедного старика. Сказал бы сразу, что ты от Семаго. Я бы с тебя хоть денег содрал. А так мне об этом люди в погонах докладывают. Обмануть меня решили с Леной... Но мне наплевать. Ты меня знаешь. Я любого обхитрю и без труса оставлю.

Берия молчал. К Игорьку подбежала какая-то блондинка и отвлекла его. Берия поплелся искать своих, долго ходил, пока не увидел вождя, подливающего себе шампанского.

— Мой дедушка, — рассказывал вождь, — умер еще в Гражданскую войну. Пошел в баню, вышел на мороз, простудился и умер. Бабушка пережила его надолго. Бабушки вообще более живучие, чем де-

душки. Потому что бабушки доводят дедушек, и те бегут куда глаза глядят. Бегут, к примеру, в баню, получают там воспаление легких и умирают. А бабушки в баню не ходят, они часто вообще не моются, поэтому не болеют.

— Внимание, внимание, — объявили в зале. — Внимание на экраны. Передаем первые результаты.

На больших экранах замелькали цифры.

— Внимание, внимание, — заговорил диктор, — передаем предварительные результаты. Сахалинская область.

В зале установилась тишина.

— Первое место — Консервативная партия, сорок три процента избирателей, второе место — Демократическая альтернатива, десять процентов.

— Есть, — завизжал Вова Сокол и сделал баскетбольный прыжок вверх. — Есть. — Вова свалился на колени и застучал кулаками по паркету. — Есть. Мы их порвали... порвали, как дешевую шлюху. Шеф — молодец.

Вождь садистски улыбался.

— Рано радоваться, Сахалин — не вся Россия, — заметил Александр Михайлович Чеховский, — там вообще мало избирателей.

— Но это отличный результат, — парировал Конрад Карлович. — А вы всегда пытаетесь все обосрать.

— Я в отличие от вас реалист, не лижу задницу начальству, — завелся Чеховский. — В России восемьдесят девять областей.

— Внимание, внимание, — раздался голос диктора. — Предварительные результаты по Амурской области. Первое место — Консервативная партия,

пятьдесят один процент, второе место — Демократическая альтернатива, четырнадцать процентов.

— Йес, — заорал Вова Сокол и запрыгал вокруг стола. — Наливайте водки. Упьемся сегодня вусмерть.

— Что вы на это скажете, уважаемый? — торжествовал Конрад Карлович.

— На Дальнем Востоке живет мало людей, — отвечал Чеховский. — В больших городах Европейской части мы не победим, особенно в Москве и Питере.

— Хорошо, не победим. Но процентов двадцать соберем, — кричал Карлович.

Объявили результаты по Приморью. Консервативная партия снова оказалась на первом месте с большим отрывом. В зале началась настоящая паника. Кроме стола консерваторов, где Вова Сокол создавал праздничное движение. Всех словно ударило током. Люди вскакивали с мест, собирались группками, срочно звонили по телефону. Больше других носился Игорек. Как обычно в сопровождении группы товарищей. Игорек явно был невесел, а потом и вовсе ускакал из зала.

— Внимание, внимание, — раздался голос диктора. — В связи со сбоями в компьютерной системе поступление информации о выборах временно приостанавливается.

— Что за дела? — зарычал Сокол. — Козлы, что там они, одурели?

— Безобразие, — подхватил Карлович.

— Все, граждане, — сказал вождь, — вот именно теперь я хочу поздравить нас. Мы победили. Компьютерная система не зря дала сбой. Все. Они

увидели провал. Они не знают, что делать. Перезваниваются сейчас. Но поздно.

— Да, суки, поздно, — воскликнул Вова, — мы им воткнули.

— Сейчас наступает самый трудный период в нашей жизни, — продолжал вождь. — Мы победили. И этого нам никто никогда не простит. Нас будут теперь преследовать и топтать, пока не убедятся, что мы не опасны. Мы должны проявить чудеса хитрости, чтобы обыграть целую систему. Ведь с этого момента все против нас: и коммунисты, и демократы, и чиновники. Проблемы начнутся с завтрашнего утра. Но у нас в запасе ночь. Разрешаю этой ночью все. Это наша ночь. Мы победили.

Вождь схватил за задницу пробегавшую официантку:

— Как тебя зовут?

— Катя, — испуганно ответила официантка.

— Чем у нас закончилось в прошлый раз, Катя? — воскликнул вождь. — Зачем ты меня выкинула сонного из своей квартиры? Ты же живешь на Речном?

— Нет, в Бирюлево...

— Неважно, я всегда путал районы Москвы. Из-за этого не могу быть мэром. Топографический кретинизм... Катя, ты едешь сегодня с нами, с победителями. Секса будет столько, сколько ты имела за всю свою предыдущую жизнь.

— Я на работе... — вяло отбивалась подавленная Катя. — Я вас не знаю.

— Я отменяю твою работу. Как лидер победившей партии завтра я назначу тебя директором кремлевской столовой. Ты лично будешь носить мне валованы с икрой.

— Свежей черной икрой, — облизнулся Вова Сокол.

— Да, еще ты будешь массировать мне пятки и возглавлять Министерство культуры. Вечером ноги жутко устают, нужен массаж. Заодно доложишь о состоянии дел в области культуры, про музеи мне расскажешь, про театры разные. Сейчас министр — лысый мужик, он меня раздражает, у него лысина потеет и блестит. И вообще, надо совмещать простые и сложные профессии. Чтобы министры не теряли голову, их надо одновременно использовать на простой работе. Например, мой массажист может быть министром труда, парикмахер — министром внутренних дел.

— Фу, мусор прическу испортит, — скривился Вова.

— Хорошо, не министром МВД, пусть будет председателем Центробанка. Полчаса, пока бреет и делает укладку, можно поговорить о курсе валют. Время же есть.

Официантка Катя стояла неподвижно, боясь помешать полету мысли.

— Я люблю, к примеру, чебуреки. Пусть мне их готовят прокурор, — рассуждал Семаго. — Возьмем какого-нибудь беглого узбека, который без паспорта носится. Узбеки отлично готовят. Заодно служит прокурором. Написал ему утром на салфетке фамилии. Днем он уже посадил, кого надо. Вечером пришел готовить чебуреки и доложил: «Против таких-то возбуждено уголовное дело, они арестованы, шансов у них нет». И накрывает на стол. Ладно, иди, Катя, отдыхай. Работа на нас потребует от тебя полного напряжения. Мы высосем у тебя все, — страшно сказал вождь.

Катя убежала. Взгляд вождя поймал знаменитого артиста — комика Мазанова.

— Иди-ка сюда, друг мой, — громко заявил Семаго.

— Вы мне? — отвечал Мазанов.

— Тебе, тебе. Видишь ли, приятель, нашему будущему режиму срочно потребуются политзаключенные. Причем не какие-то сумасшедшие диссиденты, которые десять лет не мыли голову и не брились, а солидные, холеные красавцы типа тебя.

Можно было ожидать, что Мазанов проявит свой любимый зрителями юмор и ответит красиво, но он вдруг занервничал и заверещал, будто его уже вяжут люди с Лубянки:

— Мы еще посмотрим! За нами тоже есть силы! Мы так просто не сдадимся!

— Господин Сокол, — отреагировал вождь, — запишите товарища в наш черный список под номером один.

— Не многовато ли ему будет... под номером один? Может, шестым поставим, — сказал Вова, брезгливо оглядывая Мазанова.

— Я сказал первым, значит первым. Нам нужны шумные аресты. Чтобы написали в западных газетах: «Консерваторы душат интеллигенцию».

— Внимание, передаем информацию об итогах голосования в Свердловской области, — взвестил диктор.

Публика примолкла в ожидании. Пробежало несколько минут. Экран был чистым.

— Уважаемые господа, — неуверенно сказал диктор. — К сожалению, мы не сможем объявить результаты из-за сбоя в работе компьютера.

— Что за чушь! Опять сбой в компьютере! — заревел Вова Сокол.

— Неожиданный поворот, — поднял брови Конрад Карлович.

Дальше все развивалось абсолютно хаотически. Люди бессмысленно передвигались, пили, курили. Какие-то болваны даже танцевали. Телекамеры удалились, экран потух, объявлений больше не делали. Леша Берия, изрядно подогретый, поймал телевизионную Лену — сподвижницу Игорька и что-то ей активно рассказывал. Проснулся Леша уже у себя на даче, оттого, что Лена толкала его в бок.

— Слышишь, только что передали, что вы выиграли выборы. Официально передали, — говорила она.

— Ну и что теперь делать? — спросонья отвечал Леша. — Застрелиться нам теперь? Ну, выиграли... Водички лучше принеси.

Глава 7

Последний
вице-спикер

— **В**ы мерзавец! — кричал Конрад Карлович. — Откуда вы его взяли?

— Я что, специально? Я во вьетнамцах не разбираюсь, — огрызаясь Вова Сокол. — Шеф сказал быстро найти. Я и попросил ребят.

— Попросил ребят... Безобразие. Что мне теперь делать? Я депутат Госдумы. У меня подорвана репутация, — психовал Конрад Карлович.

— Я тоже депутат Госдумы, — отвечал Вова.

— Какой вы депутат? Если бы не партия, вы бы мешки на станции разгружали или торговали бы пивом.

Ругань продолжалась уже полчаса. Дело разворачивалось в кабинете вождя, который теперь служил заместителем Председателя Госдумы, говоря по-модному, вице-спикером. Под началом Семаго теперь была целая фракция. Вся тусовка — от Леши Берии до Вовы Сокола — стала депутатами и переехала из губернии Черные Грязи в Москву.

А ругались Конрад Карлович с Соколом вот по какому пустяковому поводу. Накануне своего официального визита во Вьетнам вице-спикер Семаго приказал провести какую-нибудь яркую провьетнамскую акцию. Партийцы долго думали, какую именно акцию затеять. Неожиданно вождь поддержал идею Чеховского — усыновить вьетнамского

мальчика. И что еще более неожиданно, усыновителем согласился стать Конрад Карлович. Мальчика обеспечил Вова Сокол — через знакомых бандитов пацаненка отловили на вьетнамском рынке. Акция получилась хорошая, шумная, в духе консерваторов. Фото вьетнамского мальчика и гордого Конрада Карловича обошли обложки цветных журналов. Даже телепрограмма «Время» не прошла мимо, рассказав о замечательном случае. Во вьетнамском посольстве устроили фуршет. Вождь остался доволен — операция состоялась.

Но дальше произошло неожиданное. По возвращении из командировки во Вьетнам, где он сопровождал вождя, Конрад Карлович обнаружил собственную жену в полуобморочном состоянии. Оказалось, что всю неделю пребывания в квартире своего нового папы-депутата вьетнамский мальчик вел себя исключительно скверно. Он ничего не делал, часами курил на балконе, плотно жрал и пытался прижать к постели жену Конрада Карловича — женщину осеннего возраста. На требования пойти учиться и работать отвечал отказом, мотивируя это тем, что он теперь идеологический символ и партия обязана его содержать. Конрад Карлович попытался разобраться в происходящем и вдруг выяснил страшную вещь: мальчику не четырнадцать лет, как думали, когда его брали, а целых тридцать. Ну кто понимает во внешности вьетнамцев! Маленький, щуплый, голос тонкий — кто разберет? Потом только Конрад Карлович разглядел, что у мальчика желтые, прокуренные зубы. Впрочем, разве у четырнадцатилетних сейчас не бывает желтых, прокуренных зубов!

Всю силу своего праведного гнева Карлович об-

рушил на Вову Сокола. Вова отбивался как мог. В итоге Карлович настучал Вольфрамовичу, и вождь решил провести разборку в своем кабинете с участием, конечно, обеих конфликтующих сторон.

— Что прикажете делать? — кричал Карлович. — Этот желтый мерзавец пристает к моей жене. И все из-за вашей глупости, из-за отсутствия у вас элементарной образованности и культуры.

— Кому нужна твоя жена? — зудел Вова в ответ. — Тоже мне звезда...

— Вы еще и хамите. Он еще и хамит. Владимир Вольфрамович, я прошу оградить меня...

Вождь слушал ругань своих подчиненных вяло, без всяких эмоций. Потом он тихо сказал:

— А где желтый мальчик?

— Дома сидит. Он никуда идти не хочет, — ответил Конрад Карлович.

— К жене к его пристает... — прыснул Вова.

— Я бы попросил... Владимир Вольфрамович, ну оградите меня, пожилого, заслуженного человека, от оскорблений...

— Застуженного в нескольких местах... — не останавливался Вова.

— Вот что, — заявил вождь. — Приведите мне мальчика. Я не могу без мальчика. Мне нужно посмотреть...

Через двадцать четыре часа в том же кабинете собрались те же и мальчик.

— Ты почему работать не хочешь? — спросил мальчика вождь.

— Халесий лабота лапотать хацю, плахой лапота не хацю, — сказал мальчик.

— Вот видите, — закричал Конрад Карлович, — он мне это каждый день говорит.

— А хорошая работа — это что? — допытывался вождь.

— Халесий лапота — телевизер говолить, плахой лапота — мешки таскать.

— Значит, мешки таскать ты не любишь, — покачал головой вождь.

— Не любю... — подтвердил желтый мальчик.

— А в телевизоре выступать любишь?

— Люблю...

— Так... — воскликнул Семаго, — попрошу освободить помещение. Хочу пообщаться с вьетнамским товарищем один на один.

Вова с Конрадом Карловичем вышли. Через три минуты вождь выскочил из кабинета в приемную с криком:

— Срочно врача. Человеку плохо.

Вова с Карловичем вбежали в кабинет первыми. Мальчик закрывал своим кулаком окровавленный нос.

— Надо же... Неожиданно пошла кровь из носа, — шумел вождь. — Последствия химических боеприпасов, примененных американскими империалистами. Ну-ка посмотри на меня. Сейчас ничего...

— Да-да, — кивал мальчик.

— Вот, а вы морочили нам голову. — Семаго зыркнул на коллег. — Прекрасный парень. Прекрасно все понимает. Согласен на любую работу. Будет клеить листовки на морозе. Будешь клеить листовки, терпила?

— Буду, буду, — испуганно отвечал вьетнамец.

— Молодец. У нас один активист недавно отморозил себе руки. Мог устроить костер из партийной литературы, чтобы обогреться, пока ждал автобуса,

но не посмел этого сделать. И в итоге потерял конечности.

— Нижние или верхние? — сострил Сокол.

— Прекратите ваши идиотские шутки. Речь идет о партийном герое, — запищал Конрад Карлович.

— Ну ты, друг вьетнамцев, помолчи.

Вождь заулыбался. Ему, как обычно, нравились внутрипартийные схватки.

— Вы не имеете права так разговаривать со мной. Я прошу вашего вмешательства, уважаемый Владимир Вольфрамович.

— Ты по любому поводу требуешь вмешательства шефа. Тебя, может, в сортир на руках носить? Барин, блин... Герой вьетнамской войны, — шипел Вова.

— Нет, вы послушайте... Сам привел мне его... И теперь издевается. Я больше терпеть этого не буду... — Конрад Карлович бросился на Вову. От неожиданности тот потерял инициативу. Очнулся Вова уже на полу. Конрад Карлович стоял над ним и трясся от злости. Эффект внезапности прошел. Сокол вскочил. Еще какие-то секунды, и он бы жестоко наказал за вероломство ветерана партии. Но вдруг кто-то верткий подсек Вову сбоку. Сокол опять оказался на полу. Но теперь уже на нем плотно сидел... вьетнамец.

— Вот, молодец, как любит папу! — захохотал вождь. — Молодец. Вот вам приемный ребенок! А вы на него баллон катили!

— Отпусти, скотина! — визжал Вова. — Я тебя паспорта лишу.

— Не лисись, — шептал вьетнамец, — паспорт не ты даешь. Паспорт вождь наш товарищ Семаго дает.

— Какой умный мальчик! Как прекрасно воспитан! Не понимаю, чем вы, Конрад Карлович, были недовольны. Отпусти, дорогой, дядю. А то у дяди болит ручка.

Вьетнамец отпустил Вову. Поруганный Сокол поднялся со словами:

— Ну ладно, суки, покупайте бронированные тачки. Я вам покажу взятие Сайгона.

Стороны конфликта еще порычали друг на друга, еще пообменивались оскорблениеми, но потом угомонились, решив не покупать бронированные тачки и отменив взятие Сайгона.

Вождь приехал на международную конференцию «Исторические и философские основы импорта курятины в Россию» с небольшим опозданием. Его ждали. Из присутствующих он был самым высоким должностным лицом. Слово он получил немедленно. Взойдя на трибуну, вождь оглядел аудиторию. Для начала выступления ему требовался первый толчок, первая зацепка. Взгляд Вольфрамовича упал на иностранную надпись под микрофоном. Зацепка появилась.

— Вот смотрю на микрофон, — тихо заговорил Семаго, — и думаю: почему наш микрофон иностранного производства? Мы что, не в состоянии сделать микрофон? Если мы делаем ракеты, то неужели мы не сделаем микрофон? Или кому-то это выгодно, — повысил голос вождь, — за мелкую взятку ввозить всякую дрянь, а наш рабочий и инженер пусть сидят без работы, без зарплаты, пусть умирают с голода?

В этот момент в зал вошла высокая блондинка. Вождь поймал ее боковым зрением.

— И почему же наш чиновник такой падкий на взятки? Часто он сам не виноват. Часто на взятки его толкают женщины.

Вождь хотел было развить тему женщин, толкающих на преступления, но в зал вошел военнослужащий и ткнул его мысль в другую сторону.

— Раньше женщина звала на подвиг. Русский офицер рисковал ради нее жизнью. Именно на людях, готовых на смерть, держалась наша армия. На офицерах — героях, на мужественных солдатах. Офицер, не готовый жертвовать собой, офицером не является. Пусть идет работает сантехником. Сантехнику гибнуть не обязательно.

Далее вождь затронул проблемы коммунального хозяйства, квартирной платы, водоснабжения больших и малых городов, работы отдельных дочерних предприятий «Газпрома», перехода на летнее время, обострения ситуации вокруг и внутри Ирана, бюджетной политики США, урегулирования израильско-палестинского конфликта. Про курятину вождь, впрочем, не забыл.

— Ввозить куриное мясо из-за границы — национальный позор. Тем более они там, в Америке, кормят куриц всякой гадостью, химией, а наш крестьянин, слава богу, денег на химию не имеет.

Организаторы семинара были шокированы. Такое выступление явно не совпадало с их планами. И они, организаторы, сделали трагическую ошибку. Им надо было бы пропустить мимо ушей заявление Семаго, и он сразу переключился бы на космическую или, допустим, футбольную тематику, но кто-то из президиума не выдержал и громко сказал фразу:

— Насчет химии это надо еще доказать.

— Что доказать? — взорвался Семаго. — Что кому доказать? Мерзавцы, подонки, пятая колонна, цэрэушники проклятые! Кому я должен доказывать?! Жуем гадость, объедки, натовские запасы пятидесятых годов. Курицу надо есть теплую, час назад пойманную. Мы же станем дегенератами, если сядем на эту химию. Пусть американцы сами подавятся своими ножками. Я вам хочу сказать как официальное лицо, как один из руководителей Госдумы, что в ближайшее время будут введены квоты на всю эту пакость, будет ограничено количество ввозимой курятины, а ввоз из некоторых стран мы вообще запретим.

— Правительство никогда не пойдет на запрет, — опять зашумел какой-то балбес из президиума, — это может подорвать наши отношения с Америкой.

Последняя фраза стала настоящим подарком Семаго.

— Какие отношения с Америкой? Кому вообще нужна эта ваша Америка? Сборище ирландских бандитов, еврейских жуликов и итальянских проституток! Ни культуры, ни морали, ни истории. Печатают свои грязные зеленые бумажки и распихивают их по всему миру. Наше правительство легко пойдет на запрет импорта, если мы правительство об этом попросим. Правительство нас уважает, потому что мы самая честная и неподкупная фракция, а вокруг одни бандиты.

— Сам ты бандит, — послышалось из зала.

— Это уже угроза, — поднял указательный палец Семаго. — Специальную группу попрошу приступить к ликвидации.

За специальную группу выступил Вова Сокол.

Он подбежал к одному очкарику в зале, который вел себя неспокойно.

— Ты что, братишка, в дурь прешь? Давно тебя не воспитывали?

Очкарик не успел ответить. После Вовиного удара очки разлетелись, а клиент растянулся на полу. Сокол спас Вольфрамовича: тот не знал, как завершить речь. Вовин хук стал энергичной концовкой. Семаго ушел победителем, растерянные участники куриного семинара не знали, как реагировать.

На следующий день вечером возбужденный Вова гнул пальцы в ресторане «Китайский сад» и задувал в уши вождю следующие телеги:

— Шеф, оборвали телефон. Все поверили, что ввоз курятины прикроют. Все поверили... Люди нервничают. Готовы договариваться.

Семаго поедал свиные ребрышки и был сосредоточен.

— ...Шеф, не надо терять времени. Надо трясти клиентов.

Зазвонил телефон. Семаго жирной рукой схватил трубку.

— Да, слушаю. По мясу птицы? По мясу птицы есть уже решение. Очень жесткое решение. Предложения? Ну, приезжай, поговорим.

Вождь отложил трубку и снова принялся за ребрышки.

— Старый пидарас звонил? — прошипел Вова. — И он туда лезет... Вот зараза! Сидел бы тихо и бабку свою за задницу щипал.

— Ну вы же тоже не хотите бабок щипать за задницу! Почему же вы уважаемого Конрада Карловича хотите на это толкнуть? — философски сказал вождь и опять взял дребезжащий мобильный: —

Алло, товарищ Берия? Как у нас дела на Кавказе? Всех ли врагов народа вы обезвредили? Насчет мяса птицы... Понятно... Тут уже в очереди стоят. Ну подъезжай.

— Леша Берия? — встревожился Сокол. — И он сюда же? Шеф, я первый пришел.

— Да, первый. На пять минут раньше. Алло... Господин Чеховский Александр Михайлович! Что у вас там играет? В опере? В опере — это благородно. Я последний раз был в опере в день смерти Брежнева. Из-за траура спектакль отменили, и мы пошли пить пиво. Я подумал, что это — судьба, и теперь боюсь ходить в оперу, чтобы не нарваться опять на траур. Какие куры? Какое отношение куры имеют к опере?

Вова Сокол зло и порывисто дышал.

— Проект выстрелил? Говорят о моем выступлении? Очень много людей хотят заняться этой историей. Встретимся завтра. Всего доброго.

Вождь выключил телефон и внимательно глянул на Сокола. Тот забился в истерике.

— Шеф, прошу: отдай мне тему. Прошу... Эти козлы обманут, заработают и украдут деньги.

— А ты отдашь деньги в детский приют?

— Я в партию долю принесу. Себе, конечно, тоже что-то возьму. Врать не буду.

— А не получится ли у нас наоборот? — сказал вождь, хлебая прозрачный зеленый чай. — Долю ты возьмешь себе, а что-то принесешь в партию.

— Нет, не получится, — вскрикнул Вова. — Зуб даю, не получится.

— Партии не нужны залоги в виде ваших пораженных кариесом зубов. Партии нужны первоклас-

сные залоги — нефтяные контракты, недвижимость на Западе, депозиты в лучших банках.

— Будут, обязательно будут — и контракты, и недвижимость.

Телефон вождя зазвонил. Вова бросил на телефон страшный взгляд. Вова ненавидел трубку вождя. Семаго это, конечно, просек и держал паузу, не откликаясь на звонок.

— Шеф, давай договоримся, — мямлил Вова.

— Ладно, давай, — принял решение шеф, — но монополии на истину я тебе не дам. Ты будешь функционировать в жестких условиях рыночной конкуренции.

Схема была вызывающе проста. Вова, Леша Берия, Чеховский получали право вести переговоры с различными группами коммерсантов, торгующих импортной курятиной. Коммерсанты хотели не допустить запрета на импорт кур. В принципе, они хотели и прекращения слухов на эту тему, вызванных памятным выступлением вице-спикера. Слухи о запрете серьезно портили им жизнь. Коммерсанты хотели, чтобы Семаго замолчал, а взамен должны были помочь партии материально. В их моральной помощи партия не нуждалась.

Чтобы избежать нежелательных случайных встреч, переговорщики терли с коммерсантами в разных местах, в основном в гостиницах и ресторанах. Москву поделили на сектора. За Лешей Берия закрепили отель «Националь», за Чеховским — «Метрополь», за Вовой Соколом — шашлычные на Кольцевой дороге.

Задача партийных игроков была одна — принести как можно больше меда. Первым отбомбился Леша. Его коммерсанты заплатили отличные деньги.

Чеховский показал уровень ниже, но с планом тоже справился. Тяжелее всего дела шли у Сокола. Он оказался жадноватеньким и слишком давил на клиентов. Те, бедные, выли, но платить большие бабки не стремились. В итоге Сокол терял темп, столь необходимый для такого рода операций. По рынку пошли слухи, что с Вольфрамовичем договорились, и переговорщики уже вяло слушали Вовины предложения. Положение спасла Вовина фраза: «Ну, бляди, вам жить», брошенная как последний аргумент. Бизнесмены уловили, что жить действительно им, и лучше жить без проблем. Под эту глубокую философскую идею были занесены деньги.

Так или иначе история с курятиной улеглась к всеобщему удовольствию: импортеры увидели перспективу, зарубежные производители поверили в Россию, покупатели получили дешевых кур, а партия поехала дальше.

Куда поехала партия? В Приморье. Вождь давно интересовался рыбой, вернее рыбной мафией. Настало время перейти от чтения бумаг к личному знакомству.

Владивосток поразил партийцев. Они ожидали увидеть провинциальный городишко, где постоянно отключают свет и воду, а оказались в двигающемся, моторном городе, где почти не заметишь автомобилей советского производства. Океан и суровая история сделали местных людей нестандартными. В них поселился какой-то бес, и этот бес не давал им спать спокойно и умирать спокойно.

Приморского человека куда-то все тянет, его качает в разные стороны, как на корабле, ему хочется совершить подвиг либо во славу народа российско-

го, либо во славу своей братвы, либо на радость си-
сястой подруге. Начальники в Приморье под стать
жителям — тоже большие выдумщики. Мэр Череп-
цов, например, на работу ездил на красном «КамАЗе»
и с утра до ночи объезжал на этом «КамАЗе» строй-
ки. Еще мэр любил принимать избирателей у себя в
кабинете в три ночи при свечах и был сторонником
уринотерапии. Среди местных старух распространялись слухи о чудодейственных свойствах череп-
цовской мочи. Якобы даже онкологию лечит. Про-
курор Васильков ходил по кабинету босиком, чтобы
ноги отдыхали. Его близкие друзья и сотрудники
снимали обувь перед входом в кабинет и соответ-
ственно пованивали носками. Начальник милиции
Дохлин купил участок земли на кладбище рядом с
могилой героя Гражданской войны Бонивура, зна-
комой с детства всем местным жителям. Покупка
сделала Дохлина знаменитым. Редкая газета не на-
писала о том, что теперь милицейскому генералу
обеспечено бессмертие. А еще Дохлин записал на
кассету телефонный разговор с зам губернатора
Мокрошиным. Пьяный Мокрошин обливал говном
отцов приморской власти и рассказывал про них
байки. Досталось там и детям, и женам, и любовни-
цам. Творческая личность Дохлин не стал шанта-
жировать пленкой Мокрошина, как сделали бы не-
которые коллеги милиционера. Дохлин за деньги
передал кассету в студию звукозаписи, где изгото-
вили многотысячный тираж. Кассета стала хитом.
Пришлось даже выпускать продолжение «Мокро-
шин-2» — извлекать из архива еще одну запись.
Из любимых гражданами японских машин неслась
не попсовая музыка, а мокрошинские перлы типа:
«есть пиписка — будет и прописка», или «дуб да

ясень да х... Васин», или рассказ про загадочного «Матуту-фокусника».

Вождя в Приморье принимали как родного. Моряки, контрабандисты, флибустьеры чувствовали в нем человека своей крови. Водка и коньяк лились рекой, с рыбой и креветками, понятное дело, проблем тоже не было. Особенno вкусными оказались креветки на рыболовном корабле «Верный». Вольфрамовича и его приближенных кормили капитан и начальство судна. «Верный» только пришел из длительного плавания, и поэтому командный состав был в сопровождении жен, встречавших своих мужей из рейса. За столом царило необыкновенное веселье: во-первых, вернулись из океана, во-вторых, телевизора Семаго шагнул прямо с экрана. Ничто не предвещало скандала, но скандал тем не менее возник. Корабельная буфетчица, подкладывая капитану картошку, называла его на «ты» и по имени. В конце концов жена капитана не выдержала.

— Ты мужу своему тыкай, — сказала она, — а с командиром повежливей.

— Дома будешь командовать, — отрезала буфетчица. — Здесь моя территория. Я, между прочим, тоже из рейса пришла. Это ты дома сидишь, задницу отращиваешь.

После этих слов жена капитана встала и приблизилась к обидчице. Московские гости думали, что капитан бросится разнимать тигриц. Но приморская философия оказалась другой.

— Пойдемте, мужики, на воздухе постоим, перекурим. Пусть тут бабы сами... — сказал капитан и вывел всю компанию проветриться.

Свой ход он объяснил так:

— Моя понимает, что я не монах и не петух и

без бабы несколько месяцев сидеть не буду. Все знают, что буфетчица — подруга командира. У нее же в руках водка и жратва, а водка и жратва на море — это власть. Власть командир никому отдать не может. Сейчас моя оттаскает ее за волосы, душу отведет, от меня хоть отстанет. Я ей скажу: «Ты же выяснила отношения, ко мне какие претензии?»

— Фактически это церемония передачи моряка с моря на берег, — прокомментировал вождь. — От одной хозяйки к другой. Интересная традиция.

Интересных традиций партийцы обнаружили в Приморье много. Пришедшие на сушу моряки любили шик. Например, они подъезжали к ресторану на трех такси. В первом такси ехал сам герой, во втором — его пиджак, в третьем — самая незначительная вещица, скажем, зажигалка. Тормозить принято резко, со скрипом. Если удастся подтолкнуть носом тачки швейцара кабака в задницу, это вообще высший класс. За это не жалко лишние пятьдесят долларов отдать. Ехать в кабак надо, неизменно водрузив ноги на торпеду. Если таксист задает глупый вопрос: «Куда?», то значит, этот таксист — лох, потому что опытный таксист по виду клиента понимает, что везти надо в ресторан, и даже понимает в какой. Выходить из кабака настоящий парень из Владика должен за полночь, часто без денег и пиджака, с окровавленным носом. Круче, если тебя несут товарищи, как подстреленного боевого друга.

В таких веселых кабаках, куда ребята приходили с моря, при виде вождя поднималась настоящая волна восторга. Восторг был детский, искренний, без всякого бюрократического привкуса. Приглашали за свой стол, просили автограф, фотографирова-

лись на память. Подвыпившие бабы норовили потащить на танец.

Триумфальная поездка во Владик изменила Семаго. Он стал бронзовым. К его походке и манере говорить уже прикоснулась вечность. Эта вечность поселилась сначала в одной клеточке его организма, потом постепенно пошла дальше, захватила жизненно важные органы и наконец вырвалась наружу. Случилось, что вечность вылезла наружу как раз перед новыми выборами.

Предвыборная борьба шла своим обычным путем: дебаты, легкие и тяжелые скандалы, оскорблении, листовки на всех автобусных остановках, цветные буклеты. Вольфрамович много выступал по ТВ, по областям ездил мало. На конкурентов смотрел снисходительно. Внутри он был уверен, что исход заранее ясен.

В день голосования ночью вождь не поехал в избирком. Он остался в своем штабе. Первые результаты пришли из Владика. Почти двадцать процентов. Неплохо. Партийцы стали поздравлять друг друга. А вождь напрягся. Он ожидал большего. Дальше пошло резкое падение. Сибирь — под пятнадцать процентов, Урал — десять, густонаселенные районы Европейской части — пять-семь. Кавказ — два-три. Это было фиаско. Партийцы замолчали. Голоса теледикторов звучали в тишине. Надрывались телефоны, но к ним не подходили. В четыре утра вождь покинул штаб. В три часа дня он явился снова. Никого не принимал. Сидел один в кабинете. Молчал и смотрел в одну точку. Вечером в новостях сообщили, что у консерваторов пятое место и всего двенадцать мандатов в парламенте.

Взятая Вольфрамовичем пауза длилась сорок восемь часов. Но паузы вечно не делятся. В конце концов, партийцы собрались в кабинете у вождя.

— Господа, я вас поздравляю, — тихо сказал Семаго. — У нас есть двенадцать кресел.

— Осталось найти сокровища мадам Петуховой, — отозвался Александр Михайлович Чеховский.

— Я ценю ваше знание классической литературы, — парировал хмурый вождь. — Но сегодня у нас не литературный семинар, не «круглый стол» и даже не рабочее совещание. Сегодня у нас сцена прощания. Уважаемые господа, я хочу проинформировать вас о своем решении уйти с поста лидера партии консерваторов. Мы неплохо поработали за эти годы. Мы доставили друг другу и народу российскому немало удовольствия. Мы вызывали у людей сильные чувства. И это главное. Мы спасали действующее государство от дурных экспериментаторов. Мы заработали на небольшой чугунный памятник в сельской местности. Мы не пустили ни одной капли крови. Поэтому я ухожу спокойно. Теперь все, что вы будете делать, вы будете делать без меня. Оревуар, как говорят французы.

Вождь подхватил портфель и зашагал к двери.

— Шеф, подожди, как же это так! — завопил Вова Сокол. — Как же мы?

— Не надо слез, — обернулся Семаго. — Кто это сказал... уже не помню. Если у нас получится сцена прощания, тогда у нас получится весь сеанс.

Вождь закрыл за собой дверь. Ошарашенные партийцы сидели без движения. Первым опомнился Конрад Карлович.

— Он обиделся. Это все ваши дурацкие шут-

ки, — заорал он на Чеховского. — Кто вас просил шутить насчет двенадцати кресел?

— Каких кресел? — заорал Чеховский.

— В которые мадам Петухова зашила свои бриллианты, — вставил реплику Леша Берия.

— А что, шутить уже нельзя?! — вспыхнул Чеховский. — Что, шутить у нас только одному можно? А все остальные обязаны смеяться?! Ха-ха-ха... как смешно! Великий вождь пошутил! Из-за его шуток мы проиграли выборы.

— Когда он шутил, мы как раз выигрывали выборы, а когда он стал серьезным — проиграли, — сказал Леша Берия.

— Я всегда говорил: нельзя полагаться на одного человека, — бросил Александр Михайлович Чеховский. — И сейчас он опять фокусничает. Ушел и завтра придет. Хочет, чтобы мы его позвали сами. Мол, приходи, отец родной, на кого ты нас оставил! Вместо того, чтобы признаться честно, что напортачил.

— Надо кого-то послать за ним, — сказал Карлович.

— Не надо посыпать! — взорвался Чеховский. — Имейте собственное достоинство.

— Пошли вы к черту с вашим достоинством! — начал наступление Конрад Карлович. — С вашим достоинством мы будем не в парламенте сидеть, а бегать по парку культуры.

— Ведите себя прилично, — огрызнулся Чеховский.

— Ну вы, олухи, кончайте. Без вас башка болит, — влез в спор Вова Сокол.

— А вы, полууголовный элемент, помолчите, пожалуйста, — бросил Карлович Вове.

— Ты что, скотина, забыл, как бычки в глазах шипят? Да я тебя ради шефа только терпел. Сейчас я тебе организую, сука, счастье в личной жизни.

С этими словами Вова попытался прыгнуть на старика, но путь ему преградили Леша Берия и Саша Героин.

Возня в кабинете продолжалась еще час, но драки не достигла, хотя голосовые связки партийцы подпортили.

Весь следующий месяц члены партии ожидали второго пришествия вождя. Многие разделяли версию Чеховского о том, что Семаго «фокусничает». Но он не появился. Его телефоны отвечали длинными гудками. Дома его тоже не нашли.

Свято место пусто не бывает. После долгой ругани и подковерных интриг новым лидером стал хорошо забытый старый — Конрад Карлович. В упорной борьбе он одолел сопротивление Чеховского и Вовы Сокола. Важным обстоятельством послужило то, что Карловича в решающий момент поддержали молодые коммерсанты, когда-то получившие торговые точки во Дворце спорта. Коммерсанты нормально заплатили региональным партийным боссам, приехавшим на съезд, и те поддержали старика. Управляемый Карлович был для коммерсантов гораздо лучше, чем неуправляемый Вова Сокол или барин Чеховский.

После своего избрания Конрад Карлович огромное внимание стал уделять дисциплине. При нем сотрудники партийного аппарата не опаздывали и стали вовремя уходить из офиса. Наладился нормальный документооборот. На каждое письмо обязательно давался ответ. Прием граждан велся точно в обозначенное время.

Партицы адаптировались к новым условиям. Чеховский занялся международными связями, гонялся по заграницам и особо не высывался. Вова свалил в какой-то банк на очень приличную зарплату. Леша Берия и Саша Гроин снимали на телевидении сериалы и отлично себя чувствовали. Молодые коммерсанты прихватили несколько небольших нефтяных компаний и добывали в год порядка пяти миллионов тонн.

Вождь так и не появился. Говорят, что его видели в Рио-де-Женейро в белых штанах на футбольном стадионе. Еще якобы он был замечен в Лос-Анджелесе с девчонками из группы «Тату» и их хипущим продюсером Иваном Шаповаловым. Но это все байки и домыслы. Правду не знает никто.

Двенадцать кресел.

Последний эпизод

Леша Берия и Саша Героин сидели в открытом кафе «Ветерок» на Рублевском шоссе. Воздух был свеж, шашлык тоже. Настроение было дачным. Болтали о разном.

— Как ты думаешь, он вернется? — неожиданно спросил Саша.

— Вернется, — ответил Леша.

— А мне кажется, не вернется.

— Саня, — закусил губу Берия, — он не может вернуться, пока точно не будет знать, что делать дальше. Он же вождь. Он уловил, что кончилось старое время, когда можно было шуметь и весело бить в барабаны. А новое время он еще не понял. Ему нечего было нам сказать.

— Почему же он его не понял? Ты же всегда говорил, что он гений.

— Гений — не тот, кто все понимает сразу, а тот, кто постоянно ищет верный ход. Увидишь, он найдет верный ход, родит этого золотого ребенка и привезет его нам.

К кафе причалила советская правительенная автомашина «ЗИЛ», вся завешанная шторками. Посетители нервно переглянулись.

От издательства

В издательстве «Эксмо» готовятся к публикации новые книги автора: шокирующий биографический роман о правящем классе России «По обе стороны кремлевского занавеса. Книга 1» и скандальный детектив «Трупы труппы».

«По обе стороны кремлевского занавеса».

Книга о правящем классе России за последние тридцать лет. Дворцовые интриги, схватки, шуты и герои, неизменная борьба за власть. Множество сенсационных историй, которые реально происходили или могли произойти. Практически энциклопедия кремлевской жизни. Впрочем, не только кремлевской. Вы узнаете, как Клинтон снял девушку в грузинском ресторане в Москве в 1996 году, что говорил Бен Ладен в Судане автору книги, почему Саддам Хусейн предсказал избрание Буша-младшего. Не будут забыты звезды культуры, ТВ и шоу-бизнеса: от Высоцкого до «Ласкового мая».

«Трупы труппы».

Детектив. В Большом театре происходят таинственные убийства. Каким-то образом с этим связан премьер Сафьянов, который дружит с известными балеринами и певицами. Сафьянов уходит в отставку и объявляет о своем намерении бороться за пост

президента. В известных балеринах и певицах легко угадываются реальные фигуры — героини светских раутов и скандальных хроник, подруги олигархов и больших политиков.

Бывший премьер Сафьянов, выдвигая себя кандидатом в президенты, обещает отремонтировать Большой театр. Но отремонтировать в театре можно только стены и фасад, остальное там безнадежно сгнило.

Оглавление

Глава 1. ВЕЛИКИЙ КОМБИНАТОР	5
Глава 2. УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО	63
Глава 3. «ЭЙР СЕМАГО»	109
Глава 4. ИЗ ИСТОРИИ ГУБЕРНИИ ЧЕРНЫЕ ГРЯЗИ	189
Глава 5. У ВОЖДЕЙ ЗАМЕСТИЛЕЙ НЕ БЫВАЕТ	243
Глава 6. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ СПИТ	281
Глава 7. ПОСЛЕДНИЙ ВИЦЕ-СПИКЕР	351
ДВЕНАДЦАТЬ КРЕСЕЛ. ПОСЛЕДНИЙ ЭПИЗОД . . .	393
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	395

Литературно-художественное издание

Митрофанов Алексей Валентинович 12 КРЕСЕЛ

Ответственный редактор *И. Лазарев*
Художественный редактор *М. Медведь*

Художник *И. Ворезов*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru **E-mail:** info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru **e-mail:** kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 25.07.2005.
Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Мысль». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 1641.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Алексей Митрофанов — депутат Госдумы (ЛДПР). Родился в Москве, учился в МГИМО, работал в МИДе. Публиковаться начал в двадцать лет. В начале девяностых встретил Владимира Вольфовича Жириновского и его сына Игоря. Остальное всем хорошо известно. Каждый день видим по телевизору.

алексей митрофанов

Великий Остап Бендер возвращается через 75 лет. В эпоху свободы и реформ он не мог не возвратиться. Новый Остап вступает в консервативную партию, избирается в губернаторы, проникает в Думу. И все делает с юмором, красиво и с размахом. В его характере видны черты ярких политических фигур конца прошлого столетия: от раннего Ельцина до Жириновского. И конечно, черты самого автора, который хорошо знает, о чем пишет. Стиль книги — легкий, непринужденный, как походка Остапа.

**Иллюстрации к книге.
ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ:**

**ЧИТАЙ с начала до конца,
ЛИСТАЙ с конца обратно...**

ISBN 5-699-12838-7

9 785699 128389 >

ЭКСМО